педагогика детства

Фридрих Фребель

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Фребель – замечательный немецкий педагог, разработчик идеи и основатель первого «детского сада». В этой книге представлены фрагменты из его наиболее известных работ, последнее издание которых было в 1913 г. В предисловии рассказывается о его жизни и педагогической деятельности. Глубоко проникнув в психологию раннего детства, Фребель разработал систему игр и занятий, а также материал для них. Это первые детские игрушки, так называемые шесть даров Фребеля, которые обеспечивают наиболее гармоничное и быстрое развитие ребенка.

Книга предназначена прежде всего родителям и воспитателям. Она также полезна преподавателям и студентам средних и высших педагогических учебных заведений.

- Фридрих Фребель
  -
  - Предисловие
  - Воспитание Человека
    - Введение
    - I. Грудной ребенок
    - II. Ребенок
    - III. Отрок
      -
      - Пороки отрочества
    - IV. Школа
      - A. Общие замечания
      - B. Учебные предметы
      - C. Семья и школа
    - Заключение
  - Детский сад
    - Глава I
      - В изложении самого Фребеля
    - Глава II
      - Первоначальная деятельность ребенка
    - Глава III
      - Первая детская игрушка
    - Глава IV
    - Глава V
    - Глава VI
    - Глава VII
      -

- Указания для употребления шара и кубика как второй детской игрушки
- Глава VIII
- Глава IX
- Глава X
  - Предисловие
  - Кубик, разделенный через центр на части по всем сторонам и параллельно с ними, как третий дар детской игры. Его сущность
- Глава XI
  -
  - Кубик, разделенный на восемь брусков
    - Четвертый дар ящиков для игр и занятий. Его сущность
    - Практика игры
    - Отношение и связь игр между собой
- Глава XII
- Глава XIII
  -
  - Об употреблении этой игры
- Глава XIV
  -
  - Предисловие
  - A. Руководящая нить в средствах для занятий вообще, равно как и краткое введение в специальную часть
  - B. Складывание из бумаги как средство для занятий, исходящее от поверхности квадрата или от формы квадрата
- Глава XV
- Глава XVI
- Глава XVII
  - Предисловие
  - Исходная точка и дальнейший ход развития подвижных игр
  - Подвижные игры с пением
- Глава XVIII

○ План элементарной школы при сиротском доме в Бургдорфе[1]

• notes

○ 1

Фридрих Фребель
Будем жить для своих детей (сборник)

© Издательский дом «Карапуз», 2000.
© Л.М. Волобуева, составление, предисловие, 2000.

Предисловие

В семье появился ребенок… Родители с восторгом смотрят на это маленькое беспомощное существо, рассматривая, на кого он похож. Они дадут ему имя, позаботятся о том, чтобы их малыш был накормлен, одет, ухожен, и будут строить планы: каким он вырастет, кем станет? Впереди большая жизнь, полная радостей и достижений, забот и тревог. Но есть в этой жизни небольшой отрезок времени, недооценка которого может оказать существенное влияние на дальнейшую жизнь человека – это период дошкольного детства. Многие педагоги, ученые обращали внимание на то, какой огромный путь проходит ребенок в первые пять – семь лет и как на фоне этих достижений теряется все то, что получает человек в последующие годы. Действительно, именно в этот период ребенок овладевает всем, что требуется человеку: он научается смотреть и видеть, слушать и слышать, радоваться и переживать, желать и делать, ходить и бегать, говорить; в короткий срок он познает окружающий его мир. Важное значение именно этого периода жизни человека подчеркивал замечательный немецкий педагог Фридрих Фребель.

Имя Фридриха Фребеля тесно связано с созданной им системой воспитания маленьких детей, а также с термином «детский сад», прочно вошедшим в нашу жизнь как название учреждения общественного дошкольного воспитания. Вклад Ф. Фребеля в науку о воспитании человека до сих пор остается предметом пристального изучения педагогов всего мира. Призыв великого педагога-гуманиста к родителям, воспитателям: «Будем жить для наших детей!» – и сегодня является побудительным мотивом к поиску и созданию новых путей и методов воспитания детей, подчеркивает единство поколений, требует пристального внимания к детству и бережного руководства развитием ребенка – самого дорогого и ценного, что есть на земле.

Большое влияние на становление педагогических взглядов Ф. Фребеля оказало его собственное детство, а также студенческие годы, которые сформировали его мировоззрение.

Фридрих Вильгельм Август Фребель (Friedrich Wilhelm August Frobel) родился 21 апреля 1782 г. в деревне Обервейсбах на юге Германии, в Тюрингии. Он был шестым ребенком в семье пастора Йоганна Якоба Фребеля и его жены Якобины Элеоноры Фридерики, урожденной Гофман. Невеселое детство выпало на его долю. Девяти месяцев он лишился матери и рос на попечении слуг, а с четырех лет – под опекой мачехи Софии, урожденной Эйсфелд. На первых порах мачеха страстно привязалась к

младшему пасынку, окружив его теплом и вниманием. «Но с рождением младшего брата, – пишет Фребель в своих «Воспоминаниях», – радость и счастье, которым я наслаждался, исчезли безвозвратно в родной семье».

Фридрих оказался предоставленным сам себе, он стал необщительным, задумчивым и охотнее всего проводил время в домашнем садике, среди цветов и растений. Там наедине с природой начал размышлять о сущности происходящих в ней явлений. Под влиянием отца мальчик воспитывался в глубокой религиозности, часто посещал церковь, слушал проповеди отца. Лицом к лицу он столкнулся с нищетой и страданиями. Наблюдения, переживания мальчика, содержание проповедей стали материалом для бесед отца с сыном.

Но дух исследователя, жизненные силы здорового ребенка не могли не проявиться в его поведении. «Во мне было столько жизнерадостности, что трудно было справиться с ней, в своей необузданности я разрушал все, что стремился исследовать, изучать», – вспоминал позже Фребель. Так началось его самообразование: он учился в природе, окружающих его явлениях, в религии искать ответы на вопросы, возникавшие в пытливой детской душе.

Школьные годы также оказали влияние на формирование его личности. Вначале он занимался под руководством частного учителя, который не очень высоко оценил способности мальчика, и отец отправил его в местную школу для девочек, что заставило его совсем уйти в себя. Но в конце 1792 г. дядя Фридриха Йоганн Христоф Гофман забирает его к себе в Штадтилм и определяет там в городскую школу. В доме дяди его окружают теплом, любовью. Мальчик с радостью воспринял возможность учиться и играть вместе со своими сверстниками. Позднее он писал: «Здесь я стал более живым и физически сильным». Фридрих увлекся арифметикой, но не все в школе радовало его; уже будучи учителем, он так вспоминал свою школьную жизнь: «Мое школьное учение не нравилось мне. Оно было сухо-мертво; за это отсутствие жизни я ненавидел школу, убегал в горы, в лес. Там природа была мне школой, деревья, цветы – учителями».

После конфирмации Фребель возвратился домой, где его появление не вызвало большой радости, и вскоре отец отдал его в ученики лесничему, чтобы научиться оценивать леса. Однако лесничий оказался неспособным учителем, и Фридрих в большей степени занимался самообразованием: изучал по книгам, имевшимся в библиотеке, математику, геометрию, естествознание. Удивительная природа леса притягивала юношу: он самостоятельно занялся сбором минералов, растений,

систематизацией их. Встречи с интересными людьми: учеными – участниками естественнонаучной экспедиции, артистами заезжего театра все больше укрепляли его мечту получить научное образование.

Реальностью это стало зимой 1799 г. Выделив причитавшееся ему наследство от матери, отец отпустил Фридриха в Йенский университет. Здесь он слушал лекции по математике, увлекался комбинаторикой, естествознанием, изучал архитектуру и топографию. С особенным интересом Фребель посещал лекции профессора Августа Батча (August Batsch), отстаивавшего теорию последовательного развития, или, как говорил Фребель, идею родства в животном царстве. Но окончить университет ему не удалось. Через два года деньги закончились, и, хотя Фребель предпринимал усилия, чтобы их заработать, ему все же пришлось вернуться к отцу. Об университетских годах он писал брату Христофору: «Подводя итог пройденному, убеждаюсь, что все, чему я учился, усвоено мною, слилось со мною вполне, мир мой расширился, мое «Я» стало определеннее».

Тяга к знаниям побуждала его продолжать самообразование, однако отсутствие достаточных средств заставляло его браться за любую работу ради заработка (смерть отца в 1802 г. еще более обострила положение). В разное время Фребель работал лесничим, библиотекарем, секретарем, но все это не удовлетворяло его. Неожиданное наследство после дяди Гофмана помогло ему более спокойно заниматься поисками места в жизни. Он завязал знакомство с известными людьми: современными поэтами, философами, натуралистами, общественными деятелями, сам стремился включиться в практическую деятельность на благо родины и выбрал архитектуру, как одно из средств, облагораживающих души людей и общество. Но слова, которые он в это время записал в альбом одного из друзей, свидетельствовали о его призвании учителя: «Вы даете людям хлеб; моя цель – дать им самих себя».

Фребель поселился во Франкфурте на Майне. Здесь его представили директору местной школы Готлибу Грунеру. После бесед с молодым человеком через некоторое время Грунер сказал: «Бросьте архитектуру: она не приведет вас ни к чему. Ваше дело быть воспитателем». Вскоре Фребель был принят на должность учителя. В первый раз оказавшись перед классом, он сразу понял, что именно этого жаждала его душа: «Очутившись среди детей, я чувствовал себя, как рыба в воде; я чувствовал, что нашел хотя и незнакомое, но именно то, к чему давно стремился». Так начался период педагогической деятельности Фридриха Фребеля, приведший его к обоснованию оригинальной методики работы с

маленькими детьми.

Практическая деятельность ставила перед двадцатитрехлетним учителем огромное количество вопросов, ответить на которые в то время он еще не мог. И тогда Фребель дважды предпринял поездки в Швейцарию, в знаменитый Ивердонский институт к выдающемуся педагогу Иоганну Генриху Песталоцци, на идеях которого была основана школа Грунера. И. Г. Песталоцци стремился облегчить процесс воспитания и обучения детей, этому служила выработанная им специальная методика, в основу которой был положен принцип элементарности. Песталоцци не только поставил вопрос о приоритете развивающего обучения, но и предпринял конкретные меры для его реализации, стремясь сделать этот процесс наглядным, осознанным, систематическим. «Главным лозунгом педагогики было в то время слово «Песталоцци», – писал Фребель. – В целом я пережил в Ивердоне время возвышенное, восхитительное и решающее для моей жизни…» Однако восторг не помешал молодому педагогу критически подойти к оценке теории своего учителя: «Я … почувствовал недостаток единства стремлений, средств и целей Песталоцци; я обнаружил этот недостаток в несовершенстве, ограниченности и неравноценности разработанных им учебных средств».

Знакомство с системой Песталоцци, идеями немецких педагогов-филантропистов (Базедов, Вольке, Зальцман и др.), книгой Жан Поля (Рихтера) «Левана», позже с произведением великого Яна Амоса Коменского «Материнская школа» подтолкнуло Фребеля к созданию собственной теории. Оценивая современное состояние педагогики начала XIX в., Фребель отмечал, что она существует вне связи с философией, тогда как философия дает общие идеи, принципы, облагораживает образ мысли педагога, освещает предметы с другой точки. Антропология и психология – это постоянные руководительницы педагога. Это было время расцвета немецкого классического идеализма, с представителями которого Фребель был непосредственно знаком (Шеллинг, Краузе) и разделял их мировоззренческую позицию. Все это легло в основу его педагогической системы.

Ощутив недостаток общего образования, Фребель снова поступил в университет, вначале в Геттингенский, а затем в Берлинский. Однако в 1813 г. воззвание прусского короля «К моему народу» заставило Фребеля прервать занятия и стать волонтером в корпусе Лютцова, а свой поступок он мотивировал так: «В нравственном воспитании пример должен подкреплять слова. Как же я стану внушать детям обязанность защищать

отечество, если сам уклонюсь от этой обязанности». После заключения мира он возвратился в Берлин и включился в научную работу по минералогии. Но судьба неотвратимо вела его к педагогическому делу. Умер его любимый брат, и Фребель поехал к его вдове, чтобы помочь воспитывать племянников. Другой брат, Христиан, тоже прислал туда своих сыновей. Таким образом была открыта первая школа Фребеля, которая в 1816 г. переместилась в Кейльгау и стала известной как «Универсальный германский воспитательный институт». В 20-егг. в нем воспитывалось 60 мальчиков.

Первые годы самостоятельной педагогической деятельности подвели Фребеля к мысли, что качество школьного обучения во многом, если не во всем, зависит от правильного воспитания ребенка на предыдущей ступени – в дошкольном возрасте. Несколько лет жизни он посвятил изучению этого периода детства, вел наблюдения за малышами, общением родителей с детьми. Результатом этой аналитической работы стал труд «Воспитание человека» (1826), предлагаемый в сокращении в данном издании. Фребель предпринял попытку проследить жизнь человека с самых первых ее проявлений до юношеского возраста, подчеркнув преемственность и связь всех ступеней развития человека и самоценность каждого отдельно взятого периода.

В течение своей педагогической деятельности, которой он посвятил более сорока лет жизни, Фребель создал разнообразные учебные заведения. Эти учреждения включали, как правило, отделения для маленьких детей. В декабре 1836 г. – январе 1837 г. он разработал план элементарной школы при сиротском доме в Бургдорфе. Этот план также помещается в этой книге и представляет собой в сжатом виде изложение педагогики дошкольного возраста. В том же 1837 г. Фребель организовал в г. Бланкенбурге, близ Кейльгау, первое заведение для детей до 7 лет под названием «Учреждение для развития творческого побуждения к деятельности у детей и подростков». Тогда же он основал периодическое издание «Воскресный листок», начинавшийся с воззвания: «Придите, будем жить для наших детей!», где печатались его статьи и статьи его сотрудников. В 1839 г. Фребель прочел в Дрездене свою первую публичную лекцию о школе для детей перед королевой Саксонской, высоко отозвавшейся о ней. Еще больший успех имел он в Лейпциге. Во всех начинаниях в течение 18 лет его поддерживала жена Генриетта Гофмейстер, и для него была большим ударом ее смерть в 1839 г.

В этот период вышла его известная книга «Материнские и ласкательные песни». Песни эти сами по себе неглубоки и

незначительны по содержанию; но Фребель вкладывал в них столько любви и глубокого смысла, что они воспринимались уже совершенно иначе. Этот внешне некрасивый человек с длинным острым носом, очень большими торчащими по сторонам ушами, длинными расчесанными посередине волосами, темными глазами и густыми бровями, с угловатыми фигурой и манерами обладал огромной любовью и терпением, превращался в большого ребенка, когда общался с детьми. Его последовательница, многое сделавшая для распространения фребелизма в Германии и других европейских странах, баронесса Берта фон Маренгольтц-Бюлов вспоминала: «Горячее сердце Фребеля нередко скрывалось под суровой и непреклонной внешней манерой… которая, однако, меньше всего обманывала детей. Когда я проходила с Фребелем по улицам деревень, расположенных вокруг Либенштейна, из всех дверей выбегали к нему навстречу дети, даже крошки, едва умевшие ходить, вешались на него и сопровождали дальше. С какой любовью обнимал он маленьких детей! Эта любовь светилась в его глазах и магнетически привлекала к нему детские сердца».

В 1840 г. Фребель нашел своему дошкольному учреждению название «детский сад», в это название он вкладывал двоякий смысл: 1) настоящий сад, как место общения ребенка с природой, должен составлять неотъемлемую принадлежность заведения; 2) дети, подобно растениям, нуждаются в умелом уходе. Тогда же педагог обратился с воззванием к народу, предложив основать по подписке народный детский сад. Современная печать отнеслась к воззванию сочувственно, общественное мнение также постепенно склонилось на сторону реформатора.

Общественность неоднозначно восприняла повторный брак Фребеля с 34-летней Луизой Левин, его бывшей ученицей, тем не менее это был счастливый союз, продолжавшийся до смерти Фребеля.

Работы Фребеля быстро привлекли внимание заинтересованных в изменении педагогической практики воспитателей, учителей. Фребель начал подготовку женщин для работы в детских садах. Собственно, идея детского сада включала в себя не только учреждение для детей, но и связанное с ним учебное заведение по подготовке детских садовниц, знакомящее будущих воспитательниц с физиологией, психологией, естествознанием, историей культуры, педагогикой, теорией и практикой детского сада, а также издание журнала, объединяющего всех заинтересованных лиц, в котором бы родители и воспитатели могли высказать свое мнение, найти ответы на возникавшие вопросы.

Детский сад Фребеля получил широкую известность. Многие из любопытства, а другие по велению сердца приезжали сюда, чтобы на деле познакомиться с идеями педагога. Общий отзыв можно сформулировать словами герцогини Мекленбург-Шверинской: «Я хотела бы быть здесь каждый день». По образцу первого детского сада возникли подобные учреждения в Гамбурге, Франкфурте, Дрездене и других городах. С 1849–1850 г. Фребель объехал все центры Германии, проповедуя значение первоначального разумного воспитания. Речи его пробудили в сердцах многих женщин сознание важности материнского предназначения.

Однако не все было так безоблачно на пути великого новатора. 22 сентября 1851 г. последовало запрещение министром народного просвещения Пруссии Раумером детских садов среди сельского населения за их якобы пропаганду атеизма. Поводом послужила брошюра Карла Фребеля – племянника Фридриха, недостаточно корректно изложившего взгляды своего дяди. Фридрих Фребель, привыкший к неудачам, принял спокойно грустное известие и сказал только: «Будем усердно работать, а труды не пропадут даром». Он послал свои сочинения в министерство на просмотр. Специальная комиссия вынесла о них одобрительный отзыв, но запрет остался в силе. Фребель так и не дождался должной оценки своего творения, которым вот уже почти два столетия пользуется человечество. Он умер 21 июня 1852 г. в Мариентале, близ Либенштейна. Его надгробие выполнено как пирамида, состоящая из куба, цилиндра и шара, символизирующих идею Фребеля о единстве и многообразии мира и одновременно представляющих собой разработанные им простые первые детские игрушки.

Детские сады в XIX в. появились в Швейцарии, США, Англии, России и других европейских странах благодаря друзьям, соратникам, ученикам Ф. Фребеля, а затем широко распространились в Германии, когда наконец в 1860 г. был снят на них запрет.

Идея Ф. Фребеля оказалась настолько жизненной, настолько отвечала веяниям времени, что быстро нашла сторонников далеко за пределами Германии, пробудив внимание широких кругов общественности к проблеме воспитания в дошкольном детстве. Она значительно обогатила содержание работы с детьми в распространенных в то время приютах, школах для маленьких детей, а также в начавших появляться детских садах, выгодно отличавшихся от имевшихся до сих пор заведений интересом к детской природе, к стремлению ребенка развиваться в игре. Практика работы современного детского сада также во многом

творчески воспроизводит и развивает основные положения этого замечательного педагога-гуманиста.

Тем не менее далеко не всегда живой дух фребелевской системы усваивался педагогами, чье внимание полностью захватывала достаточно подробно разработанная методика работы с разнообразным материалом. Механический перенос предложенных Фребелем игр, песенок, ручных работ в практику детского сада не вызывал того радостного чувства открытия, которое присутствовало на занятиях самого Фребеля и его ближайших подвижников. Вызывало критику, во многом справедливую, мистическое, символическое значение, которое вкладывал педагог в свои «дары», песни, движения. Однако думающий, внимательный читатель, безусловно, сумеет разглядеть в работах педагога глубинную их суть, заключающуюся в любви к детям, в глубоком понимании особенностей каждого возраста.

Большой вклад Ф. Фребеля отмечали русские педагоги К.Д. Ушинский, А.С. Симонович, Е.Н. Водовозова, П.Ф. Лесгафт, Л.К. Шлегер, Е.И. Тихеева и другие, сумевшие по достоинству оценить его искания, а также предупреждавшие практиков от слепого копирования всего, что он предложил. Девизом русских педагогов в плане использования зарубежных систем стало положение, выдвинутое К.Д. Ушинским, о том, что необходимо использовать не сам опыт, а мысль, выведенную из опыта. Из зарубежных систем можно и нужно брать интересные эффективные средства, методы, но никогда не заимствовать то, что задевает национальные особенности, то неизменное, что называется народностью.

Обратимся же непосредственно к тем теоретическим положениям, которые обосновывает Ф. Фребель.

Сама идея о создании особых педагогических условий воспитания маленьких детей была высказана еще задолго до Фребеля. Обращалось внимание на важность содержательного семейного воспитания в этот период: Я.А. Коменский разработал требования к «материнской школе» – системе семейного воспитания детей до 6 лет; идею естественного воспитания в период детства (до 12 лет) выдвинул Жан-Жак Руссо; методикой развивающих систематических упражнений вооружил матерей И.Г. Песталоцци; необходимость открытия общественных дошкольных учреждений обосновывал Роберт Оуэн.

Фребель стремился построить свою теорию на прочной методологической основе, сделать ее научно обоснованной. Именно в этом он видел залог того, что каждый педагог, родитель, уяснив основную цель воспитания и образования,

сможет подобрать наиболее эффективные методы руководства развитием детей. Неслучайно Фребель достаточно подробно излагает свое философское мировоззрение и каждый конкретный факт стремится обосновать им же.

Мир един и одновременно многообразен, а многообразие предполагает наличие отдельных элементов, единых по своей сущности. Этот всесильный закон показывает взаимодействие всего, что существует на земле, с Творцом, космосом и зависимость от него. «Все произошло из Божественного, из Бога и единственно обусловлено Божественным, Богом». Познание этого вечного закона, усвоение его сущности составляет всеобщую науку о жизни, а применение ее человеком для совершенствования себя и других, прогресса общества составляет науку о воспитании. Бог вкладывает во все, что он создает, стремление к развитию. Соответственно этим определяется и назначение человека: дойти до осознания в самом себе Божественного и проявить его добровольно и свободно в собственной жизни, показав себя разумным, думающим, деятельным существом, благотворно влияющим на самого себя, окружающие его вещи и людей, общество, приблизившись к мудрости Бога. «Быть мудрым – высшее стремление человека, высшее дело самоопределения человека». Чтобы выполнить это назначение, человек должен прежде всего познать самого себя, Бога и природу. Для этого необходимо разумно использовать все, что ему дано.

В ребенке есть зародыши стремлений, чувств, духовных направлений и отношений. Все, что есть внутри, должно обязательно проявиться наружу, и только по этому внешнему можно судить о том, что составляет суть человека. «Все внутреннее познается внутренним по наружному и через наружное». Тем самым реализуется еще один закон жизни: «закон противоположностей», который разрешается их примирением. Став реальностью, внутренние проявления развиваются, стремясь к совершенству. Этим, по мнению Фребеля, подтверждается наличие врожденных качеств в ребенке: если бы их не было, их нельзя было бы и развить, никогда бы из ребенка не получился взрослый самостоятельный, мыслящий человек. «Где нет предрасположения к чему-либо и зародыша чего-либо, там это что-нибудь никогда не может быть вызвано и явиться».

На этих основных положениях и строится воспитание, определяемое как стремление к совершенствованию, к прогрессу. Однако Фребель предостерегает от однозначной оценки сущности человека по его поведению, поступкам. Только внимательное наблюдение жизни человека, знание законов его развития, «уход

за жизнью» помогут вдумчивым родителям, воспитателям избежать ошибок и предупредить нежелательные проявления в детях.

Фребель определяет, что единая человеческая жизнь в своем развитии проходит несколько этапов, каждый из которых решает ему присущие задачи и существует в неразрывной связи с другими. Так, Фребель выделяет *младенчество, детство, отрочество, юность*. Он неоднократно подчеркивает мысль, что нельзя стать полноценным человеком, не реализовав свои стремления к развитию в предыдущих периодах жизни. Восполнение пробелов, допущенных в первые годы, даже месяцы, чрезвычайно трудно и идет во вред нормальной эволюции человека. Необходимо, *«чтобы каждое мощное и совершенное развитие каждой последующей ступени основывалось на мощном, совершенном и своеобразном развитии всех вместе и каждой в отдельности предшествующих ступеней жизни».* «Вообще говоря, что пропущено в детском возрасте в воспитании и развитии человека и чем в это время пренебрегли, – этого никогда нельзя возместить…»

Таким образом, Фребель акцентирует внимание родителей и воспитателей на первых годах, когда начинают раскрываться физические и духовные силы ребенка.

Так как все в мире находится в постоянном развитии, составляя единое неразрывное целое, то и воспитание не может быть раз навсегда определенным, это также процесс развивающийся, следующий за ребенком, строящийся на его глубоком изучении. Воспитатель должен исходить из положения, что ребенок есть цельная единица и поэтому его воздействие должно быть нацелено на проявление одновременно всех сторон воспитанника в совокупности. Отсюда Фребель подходит к обоснованию необходимости всестороннего, гармоничного развития, начиная с рождения на основе природосообразности, соответственно он формулирует и основные положения педагогики.

Первым высшим требованием Фребель определяет необходимость рассматривать воспитание и образование в нерушимом единстве с жизнью и природой, следование природе ребенка, его внутренним законам. То, что проявляется во всей жизни, во всей природе, во всем человечестве, согласно закону единства в многообразии, обязательно проявляется в каждой маленькой частице, т. е. и в ребенке – в виде зародышей способностей – выявление их, приспособление их для познания окружающего мира составляет сущность второго положения.

Третье положение определяет движущие силы развития:

внутренние причины, способствующие внутреннему развитию, а также внешние побуждения от человека или вещей, от которых зависит проявление внутреннего во вне.

«Только совместным действием равных и противоположных условий (факторов) и путем уравнений, связи их в жизни и посредством жизни ребенок делается человеком в истинном смысле слова» – это и есть четвертое требование педагогики, по мнению Фребеля.

Таким образом, ставя задачей формирование цельной личности, педагог подошел к обоснованию важного принципа – учета и сочетания различных сторон человека, а также использования совокупности различных факторов воздействия на него в воспитательно-образовательном процессе.

Рождаясь, ребенок наделен инстинктом деятельности, он стремится к развитию, к проявлению себя и тем самым познает себя, свои возможности по отношению к внешнему миру. «Подобно спелому семени… новорожденное дитя носит жизнь в себе самом и, подобно семени, своею собственною самодеятельностью развивает жизнь из себя…» Это стремление Фребель определяет как желание *занять себя*, откуда и идет обобщающее слово *занятие*. Новорожденный младенец совершенно беспомощен и не может обходиться без помощи взрослых, но со временем он восходит до проявления собственной воли. Этот путь от полной беспомощности до полной самостоятельности ребенок проходит в достаточно короткий срок, основываясь на «самодеятельности и свободной деятельности, занятии и самозанятии».

Каждая ступень развития характеризуется не только определенной деятельностью ребенка, но и особой деятельностью внешнего мира (главным образом взрослого) по отношению к ребенку. Так, для периода младенчества характер этого воздействия определяется словом *уход*, для поры детства – *воспитание*, для отрочества – *обучение*. Тогда как для самого ребенка эта деятельность выражается в словах *занятие, игра, учение*.

«…Дитя, молодое существо с первого своего появления на свет Божий, с первого дня рождения, сообразно своей природе, должно непременно быть понято, направляемо и поставлено в возможность свободного всестороннего употребления своих сил», – пишет Фребель. Он обращает внимание родителей на то, что только что родившийся ребенок требует особой заботы. Безусловно, в силу его беспомощности в первую очередь это хлопоты, касающиеся его физического развития. Фребель выдвигает важные требования: к содержанию детской комнаты,

где главное свежий воздух, обильный свет, чистота, как бы ни была эта комната бедна в других отношениях; к выбору и способу питания детей, подчеркивая, что пища никогда не должна быть самоцелью, а рассматриваться как средство улучшения физической и духовной деятельности; к одежде, которая не должна мешать нормальному формированию тела и развитию членов ребенка, выступая, в частности, против пеленания детей – узкая одежда будет угнетать дух человека. Но заостряет внимание на том, что уже в этот период надо главным образом позаботиться о развитии духовных сил ребенка, что скажется в дальнейшем и на отношениях между родителями и детьми. «Одна только любовь к внешней личности ребенка, …исключительно физическое попечение о нем мало привязывают его к лицу, окружающему его такими заботами, …даже более того, ребенок вовсе ускользает от того, кто сосредоточивает свое милостивое внимание исключительно на его внешней личности». Должны быть чисты, ясны, тверды и уверены и действия взрослых людей, ухаживающих за ребенком.

Фребелем обосновывается важное положение, что новорожденный ребенок не готовится стать человеком, а это уже человек со всеми чертами, присущими его существу. Он проявляет себя как существо чувствующее и ощущающее, действующее и изображающее, мыслящее и познающее. Ребенок этого возраста называется грудным, и Фребель приводит яркое сравнение, показывающее справедливость такого названия не только по отношению к характеру вскармливания, но и к другим сторонам развития – умственному, нравственному. «Человек на этой ступени лишь воспринимает извне в себя и на себя разнообразие, он, человек, сосет: при этом все его существо есть лишь усваивающее око, потому уже эта первая ступень человеческого развития так чрезвычайно важна для человека, для его настоящего и будущего». Очень важно в этот период предусмотреть, чтобы ребенок «всасывал» в себя только хорошее, благотворно влияющее на него, и соответственно избежал всего болезненного, тупого, пошлого, двусмысленного или дурного.

Это очень важный период проявления природной способности *мочь, понимать, воспринимать*, которые являются выражением триединого проявления человеческой действительности – в виде действия, ощущения и мышления. Таким образом, Фребель вплотную подошел к характеристике основных процессов, обусловливающих развитие психики ребенка, выстроив их в определенную цепочку. Для того чтобы эта закономерность проявилась, необходимо тщательно продумать способ ознакомления с внешним миром, как и способ самих

самостоятельных занятий, выражающихся в играх. Не менее важно предусмотреть и те предметы, с которыми ребенок будет сталкиваться в процессе своего развития, и эту деятельность нельзя предоставить случаю. Ребенок сам демонстрирует эту потребность, начиная действовать, рассматривать, играть со своими частями тела – пальцами, ручками, ножками, щечками и др. Но так как все это находится у самого ребенка, то не может быть познано необходимым образом. Для этого надо отделить предмет от ребенка, дать ему нечто из вне, т. е. надо дать ребенку посредников между ним и внешним миром. Так Фребель подходит к обоснованию той необходимой предметной среды, которая образующим способом будет вызывать ребенка к жизни, познанию этой жизни, он разрабатывает систему из шести *даров*.

Фребель акцентирует внимание родителей и педагогов на достижениях уже первых месяцев жизни младенца с тем, чтобы они не упустили важных новообразований в психике ребенка. Так, первые проявления активности ребенка выражаются криком, плачем, попыткой оттолкнуть или схватить что-то находящееся рядом с ним. В этот период развивается зрение, слух. Важным приобретением ребенка является его первая улыбка как выражение чувства благополучия, радости. Фребель называет ее началом самосознания ребенка, «телесного «самонахождения», если не гораздо большего». Поэтому так важно поддержать в ребенке это чувство благополучия, показать любовь к нему конкретными действиями взрослого, прежде всего матери. Для развития зрения, сосредоточения Фребель рекомендует повесить над кроваткой клетку с яркой птичкой, в дальнейшем советует заменить ее на цветной мячик на ниточке. А уже на втором-третьем месяце нужно дать ребенку первую игрушку – не холодную твердую погремушку, что дают обычно родители детям, а мягкий, упругий, теплый, светящийся, яркий мячик, свободно входящий в ладошку малыша и поддающийся его еще слабой силе. Первая игрушка, считает Фребель, не должна сильно отличаться от самого ребенка, она должна быть его подобием, быть предметом, из которого ребенок может сделать что угодно и увидеть в нем то, что ему захочется. Одновременно она должна быть чем-то противоположным ребенку, т. е. существовать вне его, быть вещью, средством. Фребель находит такой предмет, исходя из наблюдения за любимыми играми детей и обосновывая его положениями своей философии. Такое сочетание необходимых качеств, по мнению педагога, и содержит в себе *мяч*. Сам по себе он демонстрирует единство мира – он как глобус для географа, шаровидность мировых тел для космографа, яблоко, зерно или как яйцо – носитель других форм. Чтобы показать

многообразие мира, Фребель рекомендует разноцветные мячи, знакомящие с основными цветами радуги – всего их шесть или семь при условии различения светло– и темно-голубых цветов. Мать показывает ребенку, как обращаться с мячом, постепенно ведет малыша к осознанию этих действий, непременно сопровождая их словом, а лучше – сочетая с пением.

«Всякое истинное развитие и образование, а вместе с тем и воспитание имеет свою основу и источник в чувстве и в ощущении, а также и в предчувствии, следовательно в сердце, … поэтому ребенок должен быть вводим вместе с тем в область гармонии и созвучия, в область ритмического, мелодического и динамического (ритма и мелодии), а следовательно в область музыкальных звуков (тонов) и пения».

Маленький ребенок еще не усваивает смысл слов, но пение подводит его к последующему развитию речи, и тогда слова песни становятся средством осознания действий. Каждая любящая мать, подчеркивает Фребель, сама найдет подходящие слова при игре ребенка. Но обязательным условием является осознание ею важности этого действия, поэтому он и предлагает свои варианты игр, песен, однако ни в коем случае не претендуя на их механическое воспроизведение. Надо идти от ребенка, от его желаний, от чувств матери, понимающей стремления своего ребенка. «…Своими указаниями мы отнюдь не желаем доказать, что подобранные нами слова самые лучшие, а тем более единственные, которые можно употреблять за переменою движения игрушки. Нет! Наоборот, мы верим и желаем, чтобы нашлись еще более подходящие для этой цели слова песен, еще более соединяющие ребенка и игру, еще более охватывающие жизнь ребенка и предмет игры». Это справедливо и для последующих игр детей, а также объясняет, почему в руках одних педагогов песенки Фребеля были прекрасным образовательным средством, а у других превращались в скучные, назидательные и не имели соответствующей воспитательно-образовательной направленности.

Предъявленный младенцу *первый дар* – мяч, сопровождает человека на протяжении почти всей жизни, используясь по-разному в зависимости от возраста, становясь постоянным спутником, товарищем игр. Заметим, что последующие дары ни в коем случае не вытесняют предыдущие и в своей совокупности, взаимодополняя друг друга, демонстрируют богатство окружающего мира.

Естественно, от мягкого небольшого мяча ребенок переходит к твердому гладкому *шару*, обладающему многими общими, но и различными качествами. Через шар ребенок познает свет и тень

(белые и черные шары); в шаре как бы отражается весь мир, если он покрыт зеркальной поверхностью; он дает четкие представления о состоянии покоя и движении; более четко выражен звук, издаваемый им при падении. Связан с шаром, но в то же время противоположен ему *куб*, промежуточное место между ними, обладая соответственно свойствами шара и куба, занимает *цилиндр*, или *каток*. Эти три предмета и составляют *второй дар*. Здесь уже нет цвета (за исключением белого и черного), здесь в полной мере выступают форма тела, поверхность, грани, углы. Они знакомят с жизнью, предметами в ней, явлениями общественной жизни и сферы искусства. Ребенок в этих основных формах может увидеть самые различные предметы, начиная от конкретных вещественных предметов (стул, стол и т. д.), живых существ (котенок, собачка), до форм красоты (колонна с пьедесталом – цилиндр и кубик, столб – каток и капитель – шар). «Ребенок, подобно сказочным героям, может во всем *видеть* все и из каждого предмета все *сделать*». Соединение цилиндра и шара – кукла подводит к ребенка к представлению одушевленного предмета. Фребель впервые в истории педагогики показал значение куклы как средства воспитания, особенно девочек.

При помощи первых двух даров ребенок не только развивает себя физически (игры с мячом, цилиндрами – городки и т. д.), не только знакомится с предметами окружающей действительности, развивает свою фантазию, но и узнает отношения между предметами, их сочетания по форме, числу, познает физические явления и т. д. Система игр-занятий, начиная со второго и включая шестой дар, преследует цель сформировать у детей представления о *формах жизни, познания и красоты*, соответственно они являются средствами нравственного, умственного и эстетического воспитания. Начиная с третьего дара ребенок все более углубляется во взаимоотношения между отдельными частями, составляющими единое целое (куб, разделенный на разное количество частей), подходя к такому понятию, как число, наиболее трудно усваиваемому детьми. Следует сказать, что постепенное введение даров заканчивается примерно на четвертом году жизни, тогда как действия с ними продолжаются и потом. Однако в системе Фребеля все происходит очень разумно, последовательно, педагог предостерегает от спешки, как, впрочем, и от замедленности. Не стоит стремиться в раннем возрасте подводить детей к осознанию всего того, что заложено в действиях с дарами, а подойти к тому, чтобы с возрастом путем неоднократных повторений ребенок сам дошел до открытия знания.

Но дары это далеко не все, что нужно развивающемуся ребенку. Дары – только образ этого мира, норма, как говорит Фребель, эталоны, как говорит современная наука. А вокруг мир как таковой, который легче будет познать, овладев нормой. Поэтому Фребель отмечает огромную роль природы и той семейной атмосферы, которая окружает ребенка, в которой необходимо единство воспитательных воздействий всех членов семьи. Предназначение матери, давшей жизнь ребенку как существу физическому, – пробудить его духовную жизнь, и поэтому можно сказать, что она осуществляет уход за жизнью, а в конечном итоге уход за человечеством. Фребель подчеркивает и важную роль отца, особенно при воспитании мальчика. Отец, с ранних лет включаясь в процесс образования, готовит своего ребенка к выполнению назначения мужчины – господствовать в жизни и проникать в ее тайны. Именно к отцам обращается Фребель с призывом внимательно относиться к воспитанию и образованию детей, считая, что нет дела важнее на земле: «Будем жить для своих детей: тогда и жизнь наших детей принесет нам мир и отраду, тогда мы сами начнем делаться и быть мудрыми!»

В воспитании детей с самого малого возраста важно общение со взрослыми: никогда не проносите молча ребенка мимо предметов, постоянно сопровождайте словами действия по отношению к нему, называйте действия, производимые предметами, побуждайте в ребенке стремление общаться с вами, вначале звуками, жестами, а затем и словами. Используйте каждую минуту жизни своего общения с ребенком для расширения его представлений, кругозора, объяснения явлений окружающего мира. Ребенок сам изъявляет желание сопровождать родителей в их делах, и здесь важная задача не погасить этого стремления, не оттолкнуть малыша. Дайте ребенку дело, разумное, развивающее его занятие, и вы получите деятельного, мыслящего человека.

Такими занятиями могут быть, например, включение ребенка в трудовую деятельность семьи, ухаживание за растениями в собственном садике или, по крайней мере, одним-двумя горшками с цветами. Очень полезны и занятия с природным материалом; это игры с влажным песком, глиной, водой, воздухом, затем менее массивными телесными предметами: камешками, деревом, дощечками, плитками, гладкой бумагой или палочками, нитками. Позже таким материалом могут быть: сухой песок, опилки, пыль, так называемое тусклое или матовое стекло; грифельная доска и грифель, бумага и карандаши, краски. Особую роль в формировании творческого человека отводит Фребель таким занятиям, как рисование, складывание палочек,

работам с лучинками, дранями, горохом, складывание и вырезывание из бумаги, лепка и моделирование, подвижные игры, пение и т. д. Все это способствует проявлению творческого начала в человеке, но овладение тем или иным навыком не должно становиться самоцелью: не следует стремиться, например, сделать из ребенка художника, музыканта и т. д.

В период детства важным приобретением ребенка является овладение речью как способом общения, познания, являющейся необходимым условием для дальнейшего обучения в школе. Сопровождение жизни ребенка словом создает для этого необходимые условия. Постепенно ребенок усваивает смысл слов и готов на дальнейших возрастных ступенях воспринять новые знания только через слово: бытовую речь, рассказывание, сказки, басни, стихотворения и т. д. Фребель достаточно подробно рассматривает вопросы, связанные с развитием детской речи, дает конкретные методические рекомендации по ее совершенствованию.

Много внимания уделяет ученый вопросам игры, подчеркивая ее особую роль в детском возрасте, хотя она сопровождает человека на протяжении всей жизни. Фребель показывает многогранность этого явления. Играя, ребенок развивается, но одновременно игра есть высшая ступень детского развития. Она выступает как средство воспитания и как форма воспитания. Стремление играть у ребенка тесно связано с инстинктом деятельности, занятия. Именно свободная, самостоятельная деятельность с предметами вызывает игру. Поэтому так важно, чтобы первые предметы – игрушки – способствовали этому. Предлагая свои первые дары, Фребель оценивает их и с этой точки зрения: не всякая игрушка вызывает потребность играть, а только такая, которая содержит в себе способность изображать большое множество самых разных предметов, которая дает возможность фантазировать. Выбирая игрушки для детей, необходимо их оценивать именно с этих позиций – способны ли они вызвать детскую игру. Если развитие ребенка шло правильно, то все вокруг него оживает: в игре ребенок одухотворяет неодушевленные предметы, говорит и действует за них, т. е. выполняет определенные роли. Причем важны не столько внешние действия ребенка во время игры, сколько то, что происходит внутри него, в его психике. А приобретения эти столь значительны, что, как утверждает Фребель: «Источники всего хорошего лежат в игре и исходят из нее».

В игре ребенок развивается физически, умственно, духовно. Фребель рассматривает, как взрослый может ненавязчиво включиться в самодеятельную детскую игру, внося в нее

определенное содержание, объединяя предметы сюжетом, вплетая в свой рассказ познавательный и нравственный материал. Но все-таки наибольшим воспитательным потенциалом, считает Фребель, обладает свободная игра, и вызвать ее опять же призвана мать, думающая воспитательница, когда постепенно создает условия для проявления хоть самых маленьких самостоятельных действий у грудного ребенка, уже при действии с мячом. Самостоятельная игра – залог самостоятельной личности, и даже более того, «игры этого возраста суть как бы почки всей будущей жизни, потому что в них развивается и проявляется весь человек в своих самых тончайших задатках, в своем внутреннем чувстве», «игра для человека вообще и для ребенка в особенности есть зеркало его собственного внутреннего и окружающего его внешнего мира». Таким образом, Фребель фактически подошел к обоснованию игры как ведущего вида деятельности дошкольника, показав ее определяющее значение в период детства. В связи с этим он высказывает мысль о том, что для ребенка игра – это серьезная деятельность, одновременно сочетающая в себе движение, веселье и радость, так как она обеспечивает удовлетворение его насущных потребностей.

Ребенку в игре необходим товарищ: вначале это самый близкий ему человек, но к трем годам у ребенка явственно проявляется потребность в общении со сверстниками. И тогда от игры в одиночку необходимо перейти к совместным играм, в которых ребенок, осознавший свое «я», в полной мере может ощутить себя как часть более большого целого – детского сообщества. Фребель предлагает подвижные игры, первые из них носят характер хоровода, каждое звено которого подчиняется общему движению. Для этого объединяются дети в «детский сад», приучаясь делиться друг с другом своими дарами, объединять свои игры. Стремление к единению присутствует у ребенка с рождения, и оно является необходимой основой дальнейшей жизни человека в обществе себе подобных. Таким образом, игра способствует одновременно раскрытию индивидуальности ребенка и его социализации. «Дитя, которое играет самодеятельно, спокойно, настойчиво, даже до телесного утомления, непременно сделается также способным, спокойным, настойчивым, самоотверженно радеющим о чужом и собственном благе…» Этому единению со всем человечеством содействует и приобщение ребенка к живой природе. Не случайно на территории «детских садов» Фребеля всегда размещались маленькие делянки для детей, окруженные обычно общим садом. Даже ухаживая за растениями, маленький ребенок пока еще играет и не надо стеснять его в поисках, одновременно заботясь о

приучении к определенному порядку (на что собственно нацелена уже работа с дарами), т. е. к правилам.

Фребель практически определил структуру детской игры, включив сюда такие составные части, как сюжет, игровые действия, игровые средства, роли, правила. Игра в основном проходит по замыслу ребенка, но допустимо и полезно, когда взрослый принимает в ней активное участие, например он предлагает нечто изобразить ребенку: «А сделай-ка стул!», «Давайте играть в путешествие» и т. д. – или, видя получившуюся постройку, начинает обыгрывать ее. Однако, только откликнувшись в душе ребенка, замысел взрослого может подвигнуть к деятельности.

«Игра… не есть пустая забава, она имеет высокий смысл и глубокое значение; заботься о ней, развивай ее, мать! Береги, охраняй ее, отец!» – такими словами призывает Фребель родителей и воспитателей к внимательному отношению к играм детей. Позже, в школьные годы, на первый план выходит потребность образования, но и тогда игра продолжает свое влияние, способствуя удовлетворению разнообразных потребностей человека.

Не менее ответственный период жизни – время перехода от дошкольного к школьному возрасту – по Фребелю от 7 до 10 лет. К этому времени ребенок уже достаточно развит для того, чтобы продолжать познание более далекого мира, но он еще недостаточно силен и разумен для господства над ним. Вчитайтесь в его слова, посвященные воспитанию детей этого возраста. Сколько наблюдательности, какое знание возрастных особенностей, детских проявлений вы там найдете! Не спешите строго судить поступки детей, не выяснив причину, иначе вы сможете стать только черствыми, сварливыми воспитателями, видящими в них только «маленьких чертенят». В каждом ребенке обязательно есть хорошее, надо найти его и, опираясь на него, искать для каждого особые методы. Уже в этом возрасте есть потребность в знаниях – удовлетворите любопытство, но не спешите дать подробный ответ, пусть ребенок попробует сам добраться до истины. В этом возрасте важно не погасить жажду деятельности, жажду все исследовать, изучить – все это поможет в дальнейшей учебе. Дети поступают в школу с надеждой, что они найдут там решение многих вопросов, и школа, учитель не должны обмануть их ожиданий.

В связи с этим Фребель поднимает еще один важный вопрос о взаимодействии семейного и общественного воспитания. Безусловно, приоритет принадлежит семье, только здесь под внимательным оком любящих его людей ребенок становится

чувствующим, ощущающим, мыслящим, действующим. «Степень, или ступень, достигаемого всестороннего внутреннего жизненного, чувственного и умственного удовлетворения является, собственно, определяющим началом для всей будущей жизни человека, дающим ей основной тон, выражение и характер». Немаловажно и то, каким способом это достигается: воспитание должно быть по необходимости пассивным, следящим (только предостерегающим, охраняющим), но отнюдь не предписывающим, решающим, насильственным. Таким образом, педагогический процесс по сути строится от ребенка, который, будучи выразителем всего человечества, несет в себе некие глобальные черты, присущие высшей сущности – Богу. «Необходимая общая формула преподавания гласит так: делай то-то и смотри, что происходит в данном случае из твоего действия и к каким выводам приводит тебя оно; а для жизни самой по себе эта формула гласит так: вырази твою духовную сущность, следовательно живущее в тебе, твою жизнь чисто во вне, а через это и в поведении и посмотри, чего требует твоя сущность и какого свойства она».

Детский сад, школа должны продолжить эту линию. Детский сад есть прямое продолжение семьи, так как он может дать ребенку то, чего не может предоставить каждая семья – единую со сверстниками жизнь. Целью школы является систематизация и осознание всего, что существует в мире, в его единстве, обусловливающие поведение человека в соответствии с этим знанием. Таким образом, школа продолжает работу семьи и детского сада, отсюда следует необходимость их единой, согласованной, совместной деятельности. «Единение семейной и школьной жизни есть непременное условие человеческого воспитания в этот период».

Так как семейная жизнь тесно связана с жизнью вообще и высокое предназначение родителей – ухаживать за будущим человечества, то и детский сад и школа должны быть едины с этой жизнью. Учитель, берущийся за обучение детей в школе, должен хорошо знать, с чем приходит ребенок, на что он должен опираться, начиная систематическое учение. Все это ребенок получает в процессе семейной жизни дома или под руководством опытной садовницы в детском саду. У ребенка уже сформирована способность наблюдать предметы и называть их словами, отсюда становятся возможными наглядно-речевые упражнения в школе; у ребенка есть представление о множестве, на основании которого он подходит к усвоению числа. Третье умение, которым должны овладеть дети-дошкольники – пение песен, что дает возможность ухаживать за их душевной жизнью. Важным

приобретением является созидание, в процессе которого ум, восприятие, мышление и деятельность сочетаются равномерно и созвучно. Если первые два вида деятельности относятся к внешнему миру, то третье и четвертое – к восприятию внутреннего мира. Следующими умениями, сформированными в дошкольном возрасте, Фребель называет умение владеть и управлять своим телом; а также умение выразить себя, отражая свои представления о внешнем мире и показывая свой внутренний мир, делясь своими впечатлениями. И наконец, одно из наиболее важных приобретений, в котором естественно соединяется все, что было названо, в «прекрасном и полном жизни объединении» – это игра детей. Продолжение ухода за этими видами деятельности уже в школьном возрасте во многом облегчит успех учителя. Очевидно, что Фребель однозначно рекомендует первоначально строить школьное обучение на основе методов дошкольного воспитания, а не «подтягивать» дошкольника к школе, обучая его с ранних лет читать, писать, что, например, требует от детского сада современная школа.

* * *

Таким образом, несмотря на то что от времени Ф. Фребеля нас отделяют почти два столетия, многие его мысли звучат сегодня не менее актуально. Очень современна, например, его идея о единстве всего сущего на Земле. С этой идеей перекликаются многие положения космической педагогики, очень популярного в наше время направления в педагогике и философии.

Несомненной заслугой Фребеля является обоснование педагогических условий, средств и методов воспитания и образования самых маленьких детей. Мысль о том, что ребенок не готовится жить, а уже живет деятельной, насыщенной жизнью, сегодня находит подтверждение в психологических и педагогических исследованиях. Проблема развивающей среды также обнаруживает свои истоки в трудах Фребеля. Не следует огромную гамму материалов, предложенных им, сводить только к дарам. Лишь в сочетании предметов жизни (вещей) и природы со специальными дидактическими материалами, выведенными из той же жизни, видит он возможность достижения необходимых результатов. Хотелось бы обратить внимание на то, что Фребель не навязывает своих игр и занятий, а через конкретные описания старается показать, как можно постичь главную их идею. Да и при подготовке садовниц для него главное не научить работать с

материалом, а проникнуться этой главной идеей – что женщина осуществляет уход за жизнью во всем ее многообразии и должна стремиться использовать все возможные средства для этого.

Много полезных жизненных советов можно найти в работах Фребеля молодым родителям. Рождение ребенка – ответственное событие, воспитание ребенка с первых дней нельзя пустить на самотек. Родители должны осознать цель своих воспитательных воздействий и не столько стараться сделать кого-то из ребенка, сколько позаботиться прежде всего о его полноценном развитии как индивидуальности, как общественного человека. Проникновение в его интересы, знание того, как происходит формирование его мыслей, помогут правильно реагировать на его поведение. Забота прежде всего о развитии, а не об обучении должна превалировать в действиях родителей. Не огромное количество дорогих и ненужных, а педагогически целесообразный подбор необходимых игрушек обеспечит благополучие малыша. Сегодня мы вполне можем найти то, что заменит дары Фребеля. Мячик, строительный материал (кубики, кирпичики и т. д.), куклы до сих пор являются любимыми детскими игрушками, хотя мы и не задумываемся над их значением. Но ничто не заменит развивающую и образовывающую силу рисования, лепки, складывания и вырезывания (аппликации), разнообразных работ с бумагой, бусинками, природным материалом, которые прочно вошли в жизнь нашего детского сада и в жизнь семьи. Ничто не заменит общения ребенка со взрослым.

Если мы действительно, следуя завету Фребеля, будем жить для наших детей, думая прежде всего о них, не будет в мире зла, насилия, а будет спокойная, созидающая жизнь во благо будущего человечества, которое и есть наши дети.

Л.М. Волобуева

Воспитание Человека

Введение

Всюду кроется, действует и управляет вечный закон… В основании этого всесильного закона лежит единство, действующее повсюду по необходимости, единство, ясное для самого себя, живое, сознающее себя и потому вечно существующее.

В свою очередь, закон этот, равно как и самое единство, познается верою или созерцанием то непосредственно, то путем познания; поэтому единство это издавна верно познавалось и всегда будет познаваться и простой, бесхитростной человеческой душой, и холодным, ясным человеческим умом.

Это единство – Бог. Все произошло из Божественного, из Бога и единственно обусловлено Божественным, Богом.

…Назначение всех вещей следующее: проявлять в развитии свою сущность, т. е. как свои божественные особенности, так божественное само по себе, выражать и обнаруживать Бога через внешнее и преходящее. Особенное назначение, особенное призвание человека, как разумного и мыслящего существа, следующее: довести для самого себя свою сущность, свое божественное, стало быть Бога, и свое назначение и свое призвание до полного сознания, до живого постижения и до ясного разумения и проявить это божественное на практике, сделать его действующим и обнаружить добровольно и свободно в собственной жизни.

Вызывание человека к жизни, обращение с ним, как с существом, делающимся самосознательным, мыслящим и разумным ради чистой и полной передачи во вне внутреннего закона, божественного начала сознательным и добровольным образом, и приспособление ради этой цели пути и средств – вот в чем заключается *воспитание человека*.

Познание, усвоение этого вечного закона, проникновение в его основы, в его сущность, в совокупность, связь и жизненность его действий, знание о жизни и ее явлений в ее целом есть *наука, наука о жизни;* а применение ее сознательным, мыслящим и разумным существом к передаче во вне и к практике через себя и на себя составляет *науку о воспитании.*

Вытекающее из познания этого закона, из проникновения в него предписание для мыслящих, разумных существ ради познания их призвания и ради достижения их назначения есть *учение о воспитании.*

Свободное применение этого познания для непосредственного развития и образования разумных существ

ради достижения их призвания есть *искусство воспитания.*

Цель воспитания – передача во вне верной по призванию, чистой, цельной и поэтому святой жизни.

Теория и практика, знание и передача во вне, соединенные вместе ради верной призванию, чистой и святой жизни, есть *житейская мудрость,* есть мудрость сама в себе.

Быть мудрым – высшее стремление человека, высшее дело самоопределения человека.

…Воспитание должно на практике руководить и привести человека к ясному самосознанию, к мирному общению с природой и к единению с Богом, таким образом, оно должно привести человека *к познанию самого себя, к познанию Бога и природы* и довести до находящейся в зависимости от этого чистой и святой жизни.

В зависимости от всех этих требований воспитание зиждется на самых сокровенных и самых глубочайших сторонах человеческой натуры.

Все внутреннее познается внутренним по наружному и через *наружное.* Сущность, дух, божественные начала вещей и человека познаются по их внешним проявлениям. Хотя, согласно этому, наружные проявления человека и вещей и составляют то, к чему примыкают всякое воспитание, всякое обучение, всякое назидание, всякая жизнь, как продукт свободы, и, исходя из внешнего, действуют на внутреннее и заключают о нем, все-таки воспитание не должно прямо судить по наружному о внутреннем, но сущность вещей требует, чтобы всегда в каком-нибудь отношении делали обратное заключение, наблюдая отношение внешнего к внутреннему и внутреннего к внешнему…

Неприменение только что высказанной истины, но, напротив, постоянное прегрешение против нее, прямое заключение по некоторым внешним явлениям в жизни детей и отроков об их внутреннем мире есть самая существенная причина странных, непримиримых явлений, столь частых неудач в жизни и в воспитании.

Этим до известной степени объясняется столь частое неугадывание натуры ребенка, отрока и юноши, этим объясняется столь часто неудающееся воспитание детей, столь часто встречающиеся недоразумения между родителями и ребенком, столь ненужные жалобы на детей, а равно неподобающая кичливость детьми и безумные ожидания от них. Поэтому эта истина в своем применении имеет такое высокое значение для родителей, воспитателей и учителей, что они совокупными усилиями должны постараться до мелочей познакомиться с таким ее применением; это внесло бы ясность, уверенность и

спокойствие в отношения между родителями и детьми, воспитанниками и воспитателями, учениками и учителями, что в настоящее время является предметом напрасных стремлений, меж тем как наружно высматривающее добрым дитя часто бывает само по себе недобрым;… точно так же с виду грубый, упрямый и своевольный, следовательно, являющийся недобрым ребенок или отрок часто в себе имеет самое живое, горячее и сильное стремление к выражению во вне добра по своей доброй воле; с виду рассеянный мальчик нередко имеет в себе устойчивую, *твердо определенную* мысль, которая мешает ему обращать внимание на все внешнее.

Поэтому воспитание, преподавание и назидание спервоначала и в своих первых основных чертах должны быть по необходимости *пассивными, следящими* (только предостерегающими, охраняющими), но *отнюдь не предписывающими, решающими, насильственными.*

…Всякое истинное воспитание и учение, всякое истинное преподавание, всякий истинный воспитатель и учитель должны во всех своих требованиях и распоряжениях преследовать две цели или две стороны, т. е. быть и *дающими и воспринимающими,* объединяющими и расчленяющими, предписывающими и уступчиво следящими, активными и пассивными, определяющими и освобождающими, твердыми и подвижными, и точно так же должен быть поставлен и ученик, воспитанник; но между обоими, между воспитателем и воспитанником, между требованием и последствием его должно невидимым образом властвовать нечто *третье:* а именно то третье, которое *по необходимости вытекает из условий и высказывается непроизвольным образом как лучшее и справедливое,* то третье, которому одинаково и вполне равномерно подчинен и воспитатель и воспитанник. Безмолвное признание, ясное понимание и спокойная радостная преданность велению этого третьего – вот что совсем особенно должно непоколебимо и чисто выразиться в учителе и воспитателе, и притом выражаться неоднократно, твердо и серьезно. Дитя же, воспитанник приобретает благодаря этому удивительно верный такт и удивительно правильное чутье для распознавания этого третьего, как будто бы то, что высказывают и чего требуют воспитатель, учитель, отец, высказывалось лично и произвольно из него самого, или вообще, или вытекало бы как необходимость через него самого, и в этом дитя, воспитанник и ученик ошибаются редко.

Эта преданность, эта покорность, это уверенное подчинение себя велению неизменного третьего, которому подчиняются

одинаково и воспитатель и воспитанник, должно высказываться поэтому до самых мелочей в каждом требовании воспитателя и учителя. Поэтому *необходимая общая формула преподавания* гласит так*: делай то-то и смотри, что происходит в данном случае из твоего действия и к каким выводам приводит тебя оно; а для жизни самой по себе эта формула гласит так: вырази твою духовную сущность, следовательно живущее в тебе, твою жизнь чисто во вне, а через это и в поведении и посмотри, чего требует твоя сущность и какого свойства она.*

Каждый человек уже ребенком должен быть рассматриваем, признаваем и первоначально воспитываем *как необходимый, существенный член человечества,* а поэтому родители как первые воспитатели должны чувствовать и сознавать себя ответственными перед Богом, ребенком и человечеством.

Равным образом родители должны смотреть на ребенка и блюсти его в необходимой целостной гармонии, в ясном соотношении и *в живой связи с настоящим, прошедшим и будущим человеческого развития* и таким образом привести в связь, согласие и гармонию образование, воспитание ребенка с современными, прошедшими и будущими требованиями развития рода человеческого.

…Взгляд на развитие и образование человечества как на нечто остановившееся, законченное …должен быть сочтен неудачным до последней степени.

…Дитя, молодое существо с первого своего появления на свет Божий, с первого дня рождения, сообразно своей природе должно непременно быть понято, направляемо и поставлено в возможность свободного всестороннего употребления своих сил. Пользование одним каким-нибудь из его членов или одной из каких-нибудь сил не должно идти за счет или в ущерб развитию других. Ребенка совсем не следует кутать, связывать или пеленать, равно как впоследствии водить на помочах. Уметь находить в себе самом центр тяжести, точку опоры для всех своих сил и членов, чувствовать себя свободно, свободно и непринужденно двигаться и действовать, научиться схватывать и держать предметы своими руками, держаться прямо и ходить на своих ногах, находить и видеть предметы своими глазами и, наконец, пользоваться всеми своими членами равномерно и равносильно – вот чему должно научиться с ранних пор молодое существо, дитя. С ранних лет должен ребенок научиться высшему и труднейшему из всех искусств: при всяких новых положениях, препятствиях и помехах твердо держаться на своей позиции и сохранять равновесие на своем жизненном пути.

Первое проявление ребенка есть проявление силы.

Вмешательство посторонней силы вызывает реакцию силы; отсюда первый крик ребенка, отсюда крепкое попирание ногами того, что стоит на дороге, отсюда крепкое схватывание того, чего касаются его ручки. Вскоре вслед за этим чувством и в совокупности с ним в ребенке развивается общее чувство, затем его улыбка, его чувство благополучия, его радость, его подвижность в приятной теплоте, в ясном свете, на чистом, свежем воздухе. Это начало самосознания ребенка, человека в его крайних конечных пунктах. И таким образом, первыми проявлениями детской человеческой жизни являются спокойствие и волнение, радость и горе, улыбка и слезы…

На этой первой ступени образующийся, появившийся человек называется грудным младенцем, и он в полном смысле таков, ибо сосание является почти исключительною деятельностью ребенка, …а вышеупомянутые проявления плача и улыбки все еще остаются всецело внутри него самого и являются еще непосредственным, нераздельным последствием вышеупомянутой деятельности. Человек на этой ступени лишь воспринимает извне в себя и на себя разнообразие, он, человек, сосет: при этом все его существо есть лишь усваивающее око, потому уже эта первая ступень человеческого развития так чрезвычайно важна для человека, для его настоящего и будущего. Для настоящей и будущей жизни человека крайне важно, чтобы он на этой ступени не всосал в себя ничего болезненного, ничего тупого, пошлого, ничего двусмысленного или дурного, а поэтому взгляды и выражение лиц окружающих должны быть тверды и уверены, должны возбуждать и питать доверие, все окружающее должно быть чисто и ясно; чистый воздух, обильный свет, чистая комната, как бы она ни была бедна в других отношениях… Матери знают… что *первая улыбка* ребенка составляет такой определенный период в развитии его, что она является выражением, по меньшей мере, телесного «самонахождения», если не гораздо большего…

Это первое чувство общего, общности, впервые соединяющее ребенка с матерью, отцом, братьями и сестрами, чувство, в основе которого лежит высшее духовное единение, к которому впоследствии примыкает непреложное убеждение, что отец, мать, братья, сестры и люди чувствуют и познают себя в общности и единении с высшим началом: человечеством, Богом; *это общее чувство есть первый зародыш, первое основание всякой истинной религиозности,* всякого истинного стремления к свободному единению с вечным, с Богом.

…Если родители желают для своих детей этой непоколебимой, этой никогда не исчезающей точки опоры, как высшего приданого для жизни, то родители и дети должны быть

тесно соединены между собою и внутренними и внешними узами всякий раз, когда им приходится сознавать себя соединенными в молитве в тихой ли комнате, на вольном ли воздухе, в молитве с их Богом и Отцом.

Как было бы во всех отношениях хорошо, если бы родители смотрели на ребенка в отношении ко всем человеческим ступеням возраста и развития, не перепрыгивая через некоторые и не игнорируя их совершенно; если бы они в особенности обратили внимание на то, *чтобы каждое мощное и совершенное развитие каждой последующей ступени основывалось на мощном, совершенном и своеобразном развитии всех вместе и каждой в отдельности предшествующих ступеней жизни.* Это-то в особенности так легко забывается родителями, …так, они считают человека отроком, раз он достиг отроческого возраста; так, они считают его юношей или взрослым человеком, раз он достиг юности или возмужалости; но так же, как отрок становится отроком, а юноша юношей не оттого, что он достиг отроческого или юношеского возраста, но оттого, что он в первом случае пережил детство, а во втором – отрочество в согласии с требованиями своего духа, своей души и своего тела; точно так же возмужалый человек становится возмужалым не благодаря соответствующему возрасту, но лишь благодаря тому, что им верно исполнены требования ступеней его детства, отрочества и юности…

Пусть… в ребенке видят человека, т. е. целое, а в детстве пусть видят также сразу и детство человечества и человека, пусть… и в ребенке (т. е. в играх его) видят всю будущую деятельность человека. Отсюда следует: человек, чтобы совершенно развить себя как человека и в себе человечество, уже в детстве должен быть рассматриваем в совокупности земных отношений как цельная единица.

I. Грудной ребенок

Для появившегося человека, для ребенка, внешний мир… выступает из своего ничто прежде всего в туманной, безобразной неясности, в хаотическом беспорядке, сливая в одно и ребенка и внешний мир, да и самые предметы выступают для него из этого ничто, из этого тумана главным образом благодаря раннему вмешательству *слова* со стороны родителей, со стороны матери по преимуществу, сначала разделяющего ребенка и внешний мир, а затем снова соединяющего их воедино, …в конце концов человек, ребенок выступает для самого себя как вполне определенный предмет, стоящий совершенно особняком от всего остального…

Но каждая вещь и каждая сущность – все познается лишь постольку, поскольку оно сопоставляется с *однородным противоположным* предметом и поскольку отыскиваются общие с ним единство, гармония и равенство, и познание совершается тем совершеннее, чем совершеннее происходят соединение с противоположным и отыскивание общих свойств.

Предметы внешнего мира представляются… то в более твердом, то в более жидком или в более газообразном состоянии. Согласно с этим человек и одарен чувствами для восприятия твердого, жидкого и газообразного.

Но ведь каждый предмет в свою очередь является или в спокойном состоянии, или в состоянии движения. Согласно с этим каждое из этих физических чувств в свою очередь подразделяется на два совершенно различные органа, из которых один имеет дело главным образом с познаванием предметов, находящихся в спокойном состоянии, а другой, напротив, – с предметами, находящимися в состоянии движения; таким образом чувством для восприятия газообразного наделены органы слуха и зрения; чувством для восприятия жидкого наделены органы вкуса и обоняния, и чувством для восприятия твердого – органы чувствования и осязания.

Согласно закону познавания вещей посредством противоположного развивается уже в ребенке *чувство слуха, слух,* и только впоследствии развивается *чувство зрения, зрение,* руководимое, обусловленное и вызванное последним; благодаря такому развитию этих обоих чувств только и становится возможным для родителей и окружающих соединять предметы с их противоположностью, *со словом,* а потом *со знаком,* теснейшим образом, как бы воедино, в одно неразрывное целое и таким образом привести ребенка к созерцанию, а потом к познанию

предметов.

По мере развития физических чувств в ребенке равномерно и одновременно развивается *способность распоряжаться своим телом,* его членами, и притом опять в последовательности, обусловленной их природою и свойствами предметов физического мира.

Предметы внешнего мира бывают сами или более близки, спокойны, и поэтому как бы сами уже требуют спокойствия, или же они бывают более подвижными, неустойчивыми и, как таковые, требуют, чтобы их удержали, схватили, поймали… Таким образом развивается употребление членов (сноровка) для сидения и лежания, для обнимания и схватывания, для хождения и прыганья; *стояние* есть цельная и притом самая совершенная совокупность всяких навыков тела и его членов: это нахождение центра тяжести для тела. Физическое стояние для этой ступени так же важно, как была важна для ранней ступени улыбка, это физическое самонахождение, так же важно, как важна нравственно-религиозная устойчивость для последней ступени человеческого развития.

На этой ступени развития для появившегося человека главным образом дело идет о пользовании своим телом, своими чувствами, своими членами, …отсюда начинающаяся на этой ступени *игра ребенка со своими членами,* со своими ручками, пальцами, со своими губами, языком, со своими ножками, а также со своими глазами и выражением лица.

…Но эти игры в качестве детских проявлений суть как бы первое важное предостережение, чтобы ребенок не привыкал к движениям тела, и в особенности лица, без всякого внутреннего основания, например, к движениям глаз и рта и чтобы таким образом он не мог рано вкоренить в себе разлад, раскол между чувствами и их внешним выражением, между духом и телом, между внутренним и внешним, который ведет или к лицемерию, или к тому, что тело усваивает движения и манеры, которые впоследствии уже вовсе не подчиняются силе воли, не исчезают более никогда и сопровождают человека, как маска, на протяжении всей жизни.

Поэтому дети с ранних пор не должны никогда слишком долго предоставляться себе самим ни в кровати, ни в колыбели без какого-нибудь предмета для занятия вне их самих – более всего и ради того, чтобы избежать телесной изнеженности; ибо последняя порождает и обусловливает роковым образом и духовную изнеженность и слабость. А чтобы избежать последнего, постель детей нужно делать возможно раньше, с самого начала не очень мягкой; она должна приготовляться из сена, из морской травы, из

тонкой соломы, из мякины или, в крайнем случае, из щетины, но никогда не из перьев; равным образом и одеяло ребенка во время сна должно быть довольно легким, доступным для влияния свежего воздуха.

Для того чтобы избегнуть первой опасности, т. е. предоставления самому себе перед засыпанием или после пробуждения на постели, целесообразно повесить перед колыбелью качающуюся клетку с веселой птичкой; это приковывает деятельность физических чувств и ума ребенка и дает последнему многостороннюю пищу.

II. Ребенок

Вместе с *развитою* деятельностью чувства, тела и членов, когда ребенок начинает самостоятельно изображать внутреннее внешним образом, прекращается младенческая ступень человеческого развития и начинается детская ступень. До этой ступени внутренний мир человека представляет нерасчлененное, лишенное разнообразия целое. С вмешательством *языка* начинается внешнее проявление и изображение внутреннего мира человека, начинается расчленение, начинается разнообразие во внутреннем мире человека, разнообразие, обусловленное в своих отношениях средствами и целью; внутренний мир человека расчленяется, разламывается и стремится *дать себе внешнее выражение.*

Но человек, т. е. *воспитание человека, на этой ступени все еще предоставлено матери,* отцу, семье, тем, с кем он через природу и сообразно законам природы составляет нераздельное целое, ибо средство изображения, язык, рассматривается лишь постольку, поскольку он слышится, язык на этой ступени – еще совершенно нераздельное от человека, человек даже не различает его как нечто свое собственное, язык составляет с ним одно целое, как его рука, его язык (орган), причем сам он ничего не знает о нем.

Хотя между различными ступенями образования и развития человека… нельзя установить в отношении их большей или меньшей важности никакого распорядка, мы все-таки должны сказать, что всякая ступень одинаково важна на своем месте и в свое время, но все-таки эта ступень в особенности важна, так как она заключает в себе развитие первого момента, имеющего связь и единение со средою и окружающим внешним миром, первое ради уяснения и понимания последних, ради усвоения их внутреннего содержания. Важна эта ступень потому, что она имеет значение для развивающегося человека… *поэтому на этой ступени ребенок должен все правильно и верно рассматривать, равно как правильно, верно, определенно и чисто обозначать* как самые предметы, так и сущность и свойства их. Он должен правильно обозначать отношения предметов как к пространству и времени, так и друг другу, каждое своим правильным именем, словом, и каждое слово само по себе ясно и чисто со стороны своих составных частей: тона, звука и окончания. Но так как эта ступень развития человека требует, чтобы он, будучи ребенком, все обозначал ясно, правильно и отчетливо, поэтому-то так необходимо, чтобы и ему представлялось все окружающее ясно, правильно и отчетливо, чтобы он все видел и познавал так же

ясно, правильно и отчетливо, то и другое нераздельно и взаимно обусловливает друг друга. Но на этой ступени, так как язык еще составляет единое целое с говорящим человеком, и язык и словесные выражения для говорящего ребенка совпадают с обозначаемым предметом, т. е. он не может различать слова и вещи, тела и духа, они для него все еще одно и то же. Это особенно видно из игр и забав детей в это время, за этот период; ребенок охотно и много говорит во время игры. *Игра и разговор – вот стихия, в которой живет теперь ребенок,* поэтому-то на этой ступени человеческого развития и приписывает ребенок каждому предмету способность жить, ощущать и говорить, и относительно каждого предмета дитя думает, что он обладает слухом; и так как ребенок начинает свой внутренний мир изображать во вне, то он предполагает подобную же деятельность и во всем остальном, что окружает этот мир, будь это камень или кусок дерева, будь это растение, цветок или животное.

И подобно тому как для ребенка на этой ступени развивается его жизнь сама по себе, т. е. развивается его жизнь с родителями и семьей, …так точно развивается в особенности его жизнь в единении с природой, как чем-то, ведущим однородную с ним жизнь, как это он чувствует в себе самом, и как главная основа всей детской жизни в это время в особенности должна быть культивируема родителями и членами семьи жизнь в единении с *природой* и с ясными, тихими предметами природы; а это в особенности легко достигается благодаря игре, благодаря уходу за детской игрой, которая вначале есть только естественная жизнь.

Игра есть высшая ступень детского развития, развития человека этого периода; ведь она есть произвольное изображение внутреннего мира, изображение его по его собственной необходимости и потребности, что выражается уже самим словом. Игра – самое чистое и самое духовное проявление человека на этой ступени, и в то же время она является прообразом и копией всей человеческой жизни, внутренней, сокровенной естественной жизни как в человеке, так и во всех вещах; поэтому игра порождает радость, свободу, довольство, покой в себе и около себя, мир с миром. Источники всего хорошего лежат в игре и исходят из нее. *Дитя, которое играет самодеятельно, спокойно, настойчиво, даже до телесного утомления, непременно сделается также способным, спокойным, настойчивым, самоотверженно радеющим о чужом и собственном благе…*

Игра этого времени, как было выше вскользь замечено, не есть пустая забава, она имеет высокий смысл и глубокое значение; заботься о ней, развивай ее, мать! Береги, охраняй ее,

отец! Спокойному, проницательному взгляду истинного знатока людей в самопроизвольно избранной игре ребенка этого периода ясно видится его будущая внутренняя жизнь. Игры этого возраста суть как бы почки всей будущей жизни, потому что в них развивается и проявляется весь человек в своих самых тончайших задатках, в своем внутреннем чувстве. Вся будущая жизнь человека, вплоть до его самого последнего часа, имеет свой источник в этом периоде жизни… Если ребенок в этом возрасте бывает поврежден, если повреждены в нем зародыши его будущей жизни – тогда лишь с величайшим трудом и огромнейшим усилием дитя окрепнет для зрелой жизни, и на пути развития и образования к ней лишь с трудом, с очень большим трудом убережется от уродства, – по меньшей мере, от односторонности.

Чрезвычайно важны в эти годы детства *выбор и способ питания,* не только для этих лет, так как ребенок вследствие своего питания, вследствие своей пищи может сделаться ленивым или деятельным, утомленным или живым, вялым или расторопным, слабым или сильным, но и для всей будущей жизни, ибо впечатления, наклонности, желания, даже направления жизни, направления деятельности с трудом поддаются изменению даже у человека, вставшего на свои ноги, они составляют одно целое с его физическим организмом, а вследствие этого и с его духовною жизнью, по крайней мере, с жизнью ощущения и чувства.

Поэтому первая пища после молока матери должна быть простой и умеренной, она не должна быть ни утонченнее, ни изысканнее, нежели это необходимо, она не должна быть ни возбуждающей, ни жирной, ни пикантной благодаря примеси пряностей, чтобы не ослабить деятельности внутренних органов…

И, чтобы избегнуть здесь порочного и найти то, что нужно, нужно не забывать очень, очень простого: *пища всегда должна служить целям питания и никогда ничему другому, никогда не должна пища быть целью самостоятельною, но лишь средством ради улучшения физической и духовной деятельности;* …поэтому пища ребенка должна быть самою простейшею, какую только могут дать условия, в которых приходится жить ребенку, и она должна даваться ему в той степени, которая стоит в одинаковом отношении и с его физическою и с его духовною деятельностью.

Но для того, чтобы человек, ребенок мог в это время совершенно свободно и беспрепятственно в физическом и духовном отношении двигаться и играть, развиваться и образовываться, для этого нужно, чтобы и его платье не было ни тесно, ни узко, ни неудобно, потому что такое платье будет

стеснять, сжимать и угнетать также дух человека. Платье в этом, как и в последующем, возрасте не должно никоим образом резать или жать тела; ибо то же действие, какое оно имеет на тело, оно будет иметь и на дух, и на душу ребенка, человека. *Одежда, фасон, цвет, покрой платья никогда не должны быть самостоятельною целью,* иначе они способствуют тому, что ребенок рано перестает быть самим собою, делают его тщеславным и любящим показной блеск, куклой, марионеткой вместо того, чтобы сделать его человеком. Поэтому отнюдь не безразлично одеяние ни для ребенка, ни для будущего человека, как оно не было безразлично даже для самого Христа, и как одежда Христа была из одного целого куска без всяких швов, таковы же были и его жизнь и поступки, таково же его учение.

Таким образом, пробуждение и развитие, возбуждение общих сил, общих задатков и упражнение всех членов и органов человека с той целью, чтобы они были способны удовлетворять требованиям его задатков и сил, – вот предмет и цель ухода за ребенком со стороны матери и отца в домашнем и семейном кругу. Без всякого учения, исключительно лишь руководствуясь своим инстинктом, делает это каждая простая мать; но этого недостаточно, и *необходимо, чтобы она делала это как сознательное существо, действуя на существо, делающееся сознательным, содействуя сознательно постоянному развитию человека, действуя таким образом в целях некоторой внутренней живой, разумной связи (между ребенком и человечеством).* Поэтому женщина должна приобрести сознание о необходимости такой деятельности в согласии с ее сущностью, значением и высокою связью.

«Дай ручку!», «Куда ты спрятал свои пальчики?» – так старается образующая мать ознакомить ребенка с многоразличием его тела и с разнородностью его членов. «Укуси свой пальчик!» – вот верный способ, который, будучи направляем глубоким инстинктом умной и любящей матери, способен довести ребенка до сознания, что существуют предметы отдельные и в то же время стоящие с ним самим в связи, и уже с ранних пор приучить ребенка к предшествующему ему впереди размышлению. Не менее важна мило-игривая, шуточная манера матери, практикуемая ею для того, чтобы познакомить ребенка с теми частями тела, которые не видны ребенку: с носом, ушами, языком и зубами. Мать тихонько тянет его за ухо или за нос… и говорит, показывая ему наполовину спрятанные концы пальцев: «Вот твое ушко, вот твой носик», – и ребенок быстро хватается за свой носик или ушко и, улыбаясь, радуется в душе, что они оба стоят на своем месте, такой прием является вначале

руководством и средством возбуждения для ребенка, чтобы он мог когда-нибудь познакомиться со всем, даже с тем, чего он снаружи не может увидеть и рассмотреть. Все это имеет целью привести ребенка постепенно с ранних лет к сознанию самого себя, к размышлению над самим собою… Мать продолжает действовать в том же духе, когда она в разговоре со своим ребенком говорит такие слова: «Покажи мне твой язычок!», «Покажи мне твои зубки!», «Укуси твоими зубками!» – и таким образом она учит его употреблять свои члены. «Всунь свою ножку в чулок (в башмак)!» «Ножка здесь, в чулке (башмаке)!» Таким образом, мать, руководимая своим материнским инстинктом и своею материнскою любовью, мало-помалу приближает к ребенку его маленький мирок, идя от простого к сложному, от близкого к далекому; и когда она хочет таким же способом показать ребенку предметы сами по себе и в их пространственных отношениях, то она показывает сначала их свойства и притом естественным образом сначала во время действия, а потом только в их спокойном состоянии. «Огонь жжется», – говорит, приближая осторожно пальчики ребенка к свече, чтобы он мог ощутить огонь, не обжегшись серьезно, и чтобы предостеречь его от неведомой ему еще опасности. Или: «Ножик колется», – говорит заботливая мать, осторожно покалывая кончиком ножа пальчик ребенка. «Суп горяч», – позднее лишь говорит мать, как бы предполагая уже существование действующего свойства или основания для него: «Суп горяч, он жжется. Нож остер, колюч, им можно уколоться, обрезаться: не трогай его». От понятия о действии мать переходит к объяснению спокойной, постоянной причины, к спокойному, постоянному свойству *острый, колючий;* а позднее от понятия о спокойном свойстве к понятию о действии самом по себе («колоть, резать»), *не испытывая* этого действия лично на себе. Далее мать знакомит ребенка с его собственным действием сначала посредством чувства, потом уже посредством созерцания действия самого по себе. Постоянно сопровождая свои действия словами, мать, ласково поучая своего ребенка, говорит, когда ему время кушать: «Открой ротик»; когда будет умывать: «Зажмурь глазки». Или мать знакомит ребенка с тем, зачем он делает тот или иной поступок; в таком смысле она, например, говорит, укладывая дитя в постельку: «Спи, спи!» Или, поднося к его губам ложку с кушаньем: «Кушай, деточка!» Или для того, чтобы обратить его внимание на вкусовые нервы, на отношение пищи к телу, она говорит: «Это вкусно!» Чтобы обратить внимание ребенка на запах цветов, мать делает вид, будто она чихает, и говорит: «Как хорошо пахнет! Понюхай, милый!» Или, напротив, отворачивает с видом неудовольствия нос и лицо от

того цветка, который она хочет удалить от ребенка. Так всякая, даже самая простая мать, почти стыдясь самое себя, воспитывая своего любимца, боясь, как бы непосвященные глаза не осквернили ее святилища, держась в уединении, стремится самым естественным образом всесторонне развить деятельность всех его чувств и членов.

…Посмотрим и послушаем, как знакомит она своего ребенка с предметами в их движении: «Слушай, как птичка чирикает!», «Собачка лает: вау, вау!» И сейчас же после указания переходит к имени, от развития слуха к развитию зрения: «Где воробушек? Где вау, вау?» Мать идет еще дальше – от совместного представления предмета и свойства его к отдельному рассмотрению свойства самого по себе. «Птичка летит», – говорит сначала мать, указывая на настоящую летящую птицу. «Взгляни на птичку!» – говорит мать потом, уже указывая ребенку на «зайчика», т. е. на движущуюся световую точку, произведенную отражением водной или зеркальной поверхности. А чтобы объяснить затем, что это явление бесплотное, у которого с настоящей птицей есть одно общее свойство – движение, мать говорит ребенку: «Поймай птичку!» – и в то же время заставляет его закрыть своими руками этого «зайчика», или для того, чтобы дать ребенку понятие о движении в отдельности и в собственном смысле, мать говорит ребенку: «Тик-так!», указывая на маятникообразное движение какого-нибудь прямого предмета – или: «Туда-сюда».

Подобным же образом мать старается обратить внимание на перемену состояния вещей; например, показывая на свечу, она говорит: «Вот огонек!» – и, потушив ее: «Нет огонька!» Или: «Папа идет!» – «Папа ушел!» Или, желая обратить внимание ребенка на движение вещей: «Подойди, киска, к девочке», «Киска убежала». Чтобы возбудить деятельность тела и членов ребенка, она говорит: «Возьми этот цветочек!», «Поймай киску!» Или, медленно бросая мяч: «Догони, принеси мячик!»

Всеобъемлющая материнская любовь старается пробудить и укрепить столь важное чувство взаимной симпатии между ребенком и его отцом, братьями, сестрами, и для этого она говорит: «Приласкай милого папу»; или, проводя ручкой ребенка по щекам отца, она говорит: «Папа у нас милый, хороший!» Или: «Приласкай сестричку, сестричка добрая, хорошая» и т. д.

Кроме общего чувства взаимной симпатии, взятого само по себе, этого яйца, из которого развиваются такие великолепные плоды, материнская любовь старается дать почувствовать и понять ребенку также и *жизнь,* заключающуюся в нем самом, посредством *движения,* и притом движения закономерного, тактического, ритмического, посредством так называемого

пестования, т. е. посредством ритмического, тактического движения под ритмические, тактические звуки. Так следит истинная, неисковерканная мать за жизнью ребенка, развивающейся медленно; всесторонне укрепляет ее и таким образом все более и более побуждает все еще дремлющую, еще более всестороннюю жизнь и развивает ее.

И *подпевание* для еще маленьких, спокойных, в особенности засыпающих детей, не остается без внимания со стороны внимательных и разумных матерей, и на него должны смотреть воспитатели как на первое зерно будущего мелодического и вокального развития, зерно, которое они должны развить, и тогда, конечно, и здесь обнаружится такая же самодеятельность, как и при развитии речи: у детей как бы сами собой являются слова для обозначения новых понятий, своеобразных соединений и отношений, еще не замеченных свойств…

Для обучения человека *стоянию и беганию* не должны употребляться никакие подпоры, никакие помочи; он *должен стоять, когда у него есть силы* держаться самодеятельно и самостоятельно в равновесии, и должен *ходить, когда он, самодеятельно продвигаясь вперед, будет в состоянии самостоятельно держаться в равновесии.* Он не должен стоять раньше, нежели он научится сидеть, сидеть прямо и вставать, держась за неподалеку стоящий от него высокий предмет, и, наконец, свободно держаться в равновесии; он должен не прежде ходить, чем он научится ползать и самодеятельно подыматься, самостоятельно держаться в равновесии и, соблюдая последнее, двигаться вперед. Прежде всего к тому, чтобы самодеятельно подыматься поодаль матери, его побудит возвращение к груди матери; но скоро ребенок уже чувствует силу в своих ногах, радуется этому и повторяет только ради удовольствия ходить, как прежде доставляло ему удовольствие стояние, вновь выученное искусство; и спустя некоторое время он снова бессознательно практикует искусство чувствовать, и теперь раздражает его пестрый, круглый, гладкий камешек, пестрая, цветная, глянцевитая бумажка, плоская равномерная, треугольная или квадратная дощечка, прямоугольный кирпичик, пригодный для разных построек, листок, отличающийся своею формою, краскою, блеском, составом, и он старается освоиться с этим листком посредством новоизученного употребления членов, чтобы соединять однородное и различать разнородное…

…Дорого ребенку все, что входит вновь в его еще такой маленький кругозор, все, что расширяет его еще такой узкий мир, самый пустяк – для него новое открытие; но он не должен входить мертвым в маленький мир и не должен мертвым

оставаться в нем, иначе помрачит он свой маленький кругозор, обременит свой молодой мирок. Поэтому ребенок сам хотел бы знать, почему ему все это дорого, он хотел бы знать все свойства, всю сокровенную сущность окружающего его, чтобы когда-нибудь понять самого себя в своей склонности. Поэтому-то ребенок и перевертывает предмет на все манеры, поэтому-то он разбирает его по частям и часто разламывает совсем; поэтому-то он берет его в рот, раскусывает его или, по крайней мере, старается его раскусить. Мы браним и порицаем его, называя его поступок безобразным и неблагоразумным, но разве он не благоразумнее, чем мы, бранящие его? *Ребенок хочет знать внутреннюю сущность предмета;* это стремление не пустой каприз его, его побуждает то стремление, которое, будучи правильно понято и поддержано, имеет в виду познать Бога во всех его творениях… Все это делает ребенок для того, чтобы из внешних проявлений вещи узнать ее внутреннюю сущность и ее отношение к самому себе и чтобы прежде всего узнать причину своей любви, своей склонности, своего влечения к ней. Да разве мы сами, большие, взрослые, исследующие, поступаем иначе? Но это имеет значение и цену для нас только тогда, когда это делает учитель с кафедры, когда учитель с кафедры побуждает к этому наших сыновей; но в поведении ребенка мы этого не хотим видеть. Поэтому-то и теперь вразумительное слово самого толкового учителя зачастую остается для наших сыновей без действия, так как им теперь приходится с кафедры учиться тому, чему должны были бы научить их детские годы уже через наше пояснительное, живое слово, чему они могли бы научиться почти самоучкой. И немного, очень немного должна давать среда ребенку, чего требуют детские годы: только обозначать, называть нужное для ребенка, давать названия всему тому, что ребенок делает, чем он занимается, что видит и что находит. Богата жизнь ребенка, делающегося отроком, но мы не замечаем ее; богата впечатлениями его жизнь, но мы не чувствуем этого; она сообразна с назначением и призванием человека, но мы не чувствуем этого… Теперь мы хотели бы, конечно, силы и соки, склонности и порывы ребенка, переходящего в возраст отрочества, повести иначе, но уже слишком поздно; ибо мы не только не познали великого значения детской жизни, переходящей в отрочество, но и узнали ее неверно, не только не выходили этой жизни, но сбили ее с толку и заглушили.

Посмотрите – вон там ребенок по только что найденному камешку, который он, чтобы заключить по его действиям о его свойствах, потер о первую попавшуюся ему дощечку, открыл свойство окрашивания; он узнал, что это – кусочек извести, или

глины, или кирпича, или мела; взгляните, как он рад вновь открытому свойству и как он спешит всюду проявить его где-нибудь: уже наружная поверхность дощечки совсем изменилась. Прежде радовался ребенок еще незнакомому свойству, потом же измененной поверхности, то красной, то белой, то черной, то коричневой; но вскоре его уже занимают извивающиеся, прямые, кривые и другие формы; *благодаря этим линейным явлениям ребенок обращает внимание на линейное свойство окружающих предметов,* и теперь голова превращается для него в круглую линию и круглая окружность – в голову, а связанная с нею продолговато длинная окружность представляется ему туловищем; руки и ноги представляются ему прямыми или ломаными линиями, и такие линии представляются ему руками и ногами; пальцы представляет себе он как сходящиеся в одном пункте линии, а линии, находящиеся в таком соединении, представляются ему, творящему ребенку, руками и пальцами. Глаза являются ему в виде точек, а точки представляются ему глазами; и перед ним является и раскрывается новый мир; *ибо что человек стремится изображать, то он начинает понимать.*

Перед ребенком, который скоро придет в возраст отрочества, благодаря усвоению и изображению линейного, открывается во многих отношениях новый мир… Шар, который прокатился, камень, который был брошен кверху и упал, вода, которую задержали в одном месте и которая потекла по разным небольшим ровикам, – все они научили ребенка, что действие силы – в отдаленном явлении, что направление действия силы всегда имеет линейный характер. Изображение предметов посредством линии приводит ребенка скоро к пониманию и изображению *направления,* в котором действует сила. Вот течет ручей; говоря это, ребенок проводит черту, обозначающую направление ручья. Ребенок соединил несколько линий, которые обозначают для него дерево: «Вот еще вырастает ветка, а вот еще», и, говоря это, он проводит от дерева линии, обозначающие ветви. Очень характерно говорит затем ребенок: «А вот пролетела птичка» – и в направлении воображаемого полета тотчас же проводит свою изогнутую линию. Дайте ребенку мел или что-нибудь подобное, и скоро перед ним и вами будет стоять новое создание. Пусть также и отец сам нарисует ему в немногих штрихах человека, лошадь; и этот линейный человек, эта линейная лошадь доставят ребенку больше радости, нежели действительный человек, нежели действительная лошадь.

Как же вы, матери и окружающие ребенка, должны подойти к этому? Смотрите, будьте лишь внимательны, ребенок сам научит вас этому. Вот срисовывает для себя ребенок стол, в то время как

он обходит его границы и углы, поскольку он может достигнуть их, – он как бы срисовывает предмет по самому предмету: первая и вернейшая для ребенка ступень для того, чтобы познакомиться с пределами и формами предмета. Таким же образом рисует ребенок стул, скамью и окно. Но вот ребенок идет уже дальше, вот он проводит поперечные линии по квадратным доскам, по столу, по скамье и по сиденьям стульев в смутном предчувствии, что таким образом могут быть установлены форма и отношения поверхностей. Теперь он уже рисует форму в уменьшенном виде. Посмотрите, вот он нарисовал себе на листке бумаги стол, стул и скамью и еще ряд предметов. Разве вы не видите, как он развивал себя, как образовывал для этого? Движимые предметы, которые мог обозреть его взор, клал он на гладкую поверхность – или на доску, или на скамью, или на стол и рисовал их, водя рукою вокруг границ предмета. Скоро таким образом были срисованы ножницы, коробки, а скоро листья и ветки, даже собственная рука и теневые очертания предметов. *Благодаря этому многое развилось в ребенке, гораздо больше, чем возможно высказать: ясное понимание формы, возможность изображения ее отдельно от предмета, запоминание формы самой по себе, укрепление и развитие сноровки руки для свободного изображения ею.*

Заботливая мать или рачительный отец, хорошая семья, совсем не умея сами ничего нарисовать, стало быть, при полном отсутствии в семье настоящего рисовальщика могут ребенка-подростка настолько подвинуть в рисовании, что он довольно точно и похоже сумеет нарисовать прямую линию, поперечную линию, даже прямоугольный предмет в перпендикулярном положении, например зеркало, окно и пр. Но будет не только хорошо, но прямо необходимо для развития и укрепления силы и способности ребенка, если матери и отцы, не вдаваясь при этом в большие мелочи, *действия, поступки ребенка всегда будут связывать со словом;* например: «Я рисую стол, зеркало, теперь я веду поперечную линию стола». Такой процесс увеличивает внутреннюю и внешнюю силу, умножает знание, чрезвычайно пробуждает рассудок и размышление, предостерегающее от столь многих пороков, что у человека не может развиться рано *естественным путем,* ибо слово и рисунок, так как в отдельности ни то, ни другое не исчерпывают удовлетворительно изображаемого предмета, всегда объясняют и дополняют друг друга. *Рисунок, собственно говоря, занимает среднее место между словом и предметом,* имеет общие свойства и со словом и с предметом, и потому очень важно и для ребенка, и для отрока, и для взрослого человека как образовательное и развивающее средство. Настоящий рисунок имеет с вещью то общее, что он

стремится изобразить ее в ее формах, в очертаниях; а со словом у него то общее, что он никогда не представляет самой вещи, но лишь копию ее. В свою очередь, слово и рисунок противоположны друг другу по своей натуре: рисунок – мертвое, тогда как слово – живое, рисунок – видимое, слово – слышимое. *Поэтому слово и рисунок нераздельно принадлежат друг к другу, как свет и тень, день и ночь, дух и тело. Поэтому способность к рисованию так же непосредственно заключается в человеке, в ребенке, как и способность к языку* и требует так же безусловно, как и эта последняя, своего развития и образования, о чем уже в опыте громко засвидетельствовали охота и стремление ребенка к рисованию.

Рисование, т. е. изображение предмета посредством рисунка, и необходимо обусловленная рисованием острая наблюдательность приводят ребенка… к пониманию постоянно повторяющегося сочетания одинакового количества однородных предметов, например: два глаза, две руки, пять пальцев на каждой руке и на каждой ноге, шесть ног у жука или у мухи; и таким образом рисование предмета приводит к пониманию и наблюдению числа, неоднократное повторение одного и того же предмета обусловливает число, а определенное, различное множество находящихся в каком-нибудь отношении однородных предметов есть количество, число этих предметов. И таким образом, опять благодаря постепенному развитию способности счисления, развивается кругозор ребенка, мир его жизни и существенная потребность его души, ибо с некоторым томлением, с некоторым смутным предчувствием, что у него еще нет каких-то средств познавания, рассматривал до сих пор ребенок представлявшиеся ему большие или незначительные количества, кучи однородных или разнородных предметов, причем количественное отношение этих различных куч для него было еще невозможно ни узнать, ни понять, ни определить; но теперь он знает, что он имеет два больших и три маленьких камешка, четыре белых и пять желтых цветков и т. д. *Знание количественных отношений чрезвычайно возвышает самую жизнь ребенка.*

Но ум ребенка требует, чтобы мать и другие окружающие с самых ранних пор развивали в нем способность счисления по надлежащему методу и согласно законам человеческого мышления, сообразно тому, поскольку требует этого сама жизнь. Понаблюдайте внимательно за спокойным ребенком, и вы легко увидите, каким образом он идет сам собою, если и бессознательно, то во всяком случае верно по пути, согласному с законами человеческого мышления, восходя от наиболее

конкретного к невидимому и отвлеченному. А именно ребенок прежде всего прибавляет однородные предметы к однородным и получает таким образом, например, яблоки, орехи, груши, бобы. Мать или любящая руководящая среда пусть только добавляют теперь еще пояснительное слово, т. е. соединяют видимое со слышимым и таким образом приближают это к разумению и познанию, к внутреннему созерцанию ребенка, а именно: яблоки – груши – орехи – бобы и т. д.

Кто же не видел, кому же не приходилось иметь случай видеть, как ребенок складывает и группирует отдельные предметы в разные группы; матери остается и здесь лишь прибавить пояснительно живое слово, например: яблоко – яблоко – яблоко – яблоко и т. д. – просто яблоки; груша – груша – груша – груша и т. д. – просто груши; орех – орех – орех – орех и т. д. – просто орехи; боб – боб – боб – боб и т. д. – просто бобы, или что иное, камешки или листья, пусть ребенок группирует их в группы – всегда найдется под руками несколько предметов одного рода. Но чтобы это особенно пошло на пользу ребенку, пусть мать говорит вместе с ним заодно, как было только что показано.

Затем пусть мать, заставляя ребенка прикладывать один предмет к другому, определяет вместе с ребенком это прибавление и ясно высказывает, например: одно яблоко – еще одно яблоко – еще одно яблоко – опять одно яблоко – много яблок; одна груша – еще одна груша – опять одна груша – много груш; один орех – еще один орех – опять один орех – еще один орех – несколько орехов; один боб – еще один боб – еще один боб – опять один боб – несколько бобов; также и пальцы и т. д.

Множество каждого предмета всегда возрастает через равномерное прибавление одного предмета того же рода.

Вместо неопределенного прибавляемого слова: еще одно, опять одно – пусть мать выговаривает числительное, определенно называющее увеличение, и притом сообща с ребенком, всегда действительно считая предметы, так, например: одно яблоко – два яблока – три яблока и т. д.; одна груша – две груши – три груши – четыре груши и т. д.; один орех – два ореха – три ореха – четыре ореха и т. д.; один боб – два боба – три боба и т. д.

Затем пусть мать разложит по нескольку предметов каждого рода в естественно восходящем порядке чисел, и пусть она называет словом то, что она делает, например: яблоко – …яблоки – …яблоки – …яблоки и т. д.; груша – …груши – …груши – … груши – … груши – …груши; орех – …орехи – …орехи – …орехи и т. д.; боб – …бобы – …бобы – …бобы и т. д.

Затем пусть мать и ребенок говорят вместе, наконец, пусть мать заставит ребенка одного проделать как самое действие, так

и обозначение словом, счет.

…Теперь она должна назвать по порядку только одни числа и только в конце упомянуть род предметов, например: (один) – (два) – (три) – (четыре) яблока; (одна) – (две) – (три) – (четыре) груши; (один) – (два) – (три) – (четыре) ореха; (один) – (два) – (три) – (четыре) боба и т. д. Здесь количества предметов рассматриваются в отношении к их определенному числу, причем род их отступает на задний план.

Наконец мать называет лишь по порядку одни числовые величины, совершенно оставляя без внимания род предметов, т. е. раз – два – три – четыре – пять и т. д. Это есть чистое рассматривание и *созерцание чисел*, количеств самих по себе, в естественном порядке, созерцание отвлеченного числа.

Подобное знание ряда чисел, по крайней мере, до *десяти* должно быть ясно и прочно усвоено ребенком в детском возрасте; но ни в коем случае не следует сообщать ребенку числительные в виде пустых, мертвых звуков и заставлять его повторять их механически, т. е. опять-таки как пустые мертвые звуки: в таком случае ведь совсем безразлично было бы сказать ребенку: два, четыре, семь или восемь, один, пять, два, если бы только дух человеческий в конце концов сам, своею собственною силою, не отбрасывал всякую неестественность. Ребенок долгое время никогда не должен произносить числительные без созерцания действительно считанных или считаемых предметов.

Из этого процесса развития числовых понятий в то же время наглядно видно, каким образом и по каким законам ребенок восходит от созерцания отдельного предмета ко все более общим и общим понятиям; конечно, для наблюдателя этот переход может часто показаться чересчур быстрым.

Зато какое богатство, какое разнообразие и какую свежесть внутренней и внешней жизни находим мы теперь в ребенке, которого правильно вели, которого выхаживали и берегли как нужно в последнее время его детских лет – при выходе из детства и при входе в отрочество. Каких только нет здесь предметов мысли и ощущения, знания и умения будущего возмужалого человека, крайних корней которых вы не могли бы не найти в первом детстве, каких только предметов будущего обучения и будущей науки не нашли бы здесь, которые бы не коренились уже в этом же детстве! Язык и природа открыты перед ребенком; свойства числа, формы, величины, знание пространства, сущность сил, действие материи начинают открываться перед ним; цвет, ритм, тон и образ выступают уже перед ним в своих первых зародышах и в своих своеобразных особенностях; природа и мир искусства уже начинают с определенностью разделяться в его

глазах друг от друга, равно как и он сам твердо противопоставляет себя внешнему миру как чему-то противоположному; и уже развивается в нем чувство собственного внутреннего мира; и все-таки мы еще вовсе не коснулись целой стороны детской жизни: *это сторона сопутствия отцу и матери, братьям и сестрам по домашним делам, по делам их профессии.*

Я смотрю в поле и вижу, как почти двухлетний ребенок рабочего ведет его лошадь; отец дал в руки сыну вожжи; ребенок спокойно и уверенно шагает впереди лошади, по временам поглядывая назад, идет ли за ним лошадь. Он едва держит узду в руке, но все-таки он твердо убежден, что он ведет лошадь и что лошадь должна следовать за ним. И правда, посмотрите: отец останавливается, чтобы перебросится парою слов со своим приятелем, – конечно, при этом останавливается и лошадь; но ребенок, который смотрит на остановку лошади как на произвол, всею силою налегает на узду, чтобы побудить лошадь к дальнейшей дороге.

Сын моего соседа, мальчик, которому не будет и трех лет, возле забора моего сада стережет гусей своей матери; невелико пространство, на котором должны пастись маленькие веселые птицы; они убегают от малютки-*пастушка.* Гусята забегают на большую дорогу, где большое движение может быть опасно для них. Мать видит это и кричит сыну: «Сынок, смотри в оба!» И мальчик, которому, конечно, и самому не раз мешали в его собственных занятиях свободолюбивые гуси, – отвечает с большою серьезностью: «Ах, мама! Неужели же ты думаешь, что очень легко смотреть за гусями?»

А вот взгляните на подрастающего ребенка *садовника;* садовник полет, ребенок хочет ему помогать, и отец научает его различать петрушку от сельдерея, и при этом оба они обращают внимание на различие листьев и запаха растений. Вот сын *лесника* сопровождает отца в лесной питомник; ребенку кажется, что он видит лишь одни побеги молодых сосен; но отец говорит, что эта порода молочая, и знакомит его с различными свойствами сосны и молочая. Там целится, стреляет и попадает в цель отец и показывает внимательному сыну, что прямая линия всегда проходит через три точки, лежащие в одном направлении; он показывает ему, что для того, чтобы направить линию, т. е. ствол ружья, в определенный пункт, в этом направлении надо найти три точки и, что раз это есть, и все остальные точки пойдут по этой линии и по этому направлению. А вот стоит ребенок и смотрит, как его *отец кует раскаленное железо,* и отец учит его: это от жара железо увеличивается в объеме, и теперь бесполезно

стремиться вложить раскаленный железный прут в то отверстие, в которое он раньше проходил совсем легко: железо стало шире от теплоты. А вот *торговец, вешающий на весах,* показывает своему сыну, который со вниманием смотрит на отца, что чашка весов всегда опускается вниз, когда он или прибавляет на нее тяжесть или снимает с другой; и что весы остаются в равновесии, раз на каждой чашке находится по одинаковому количеству, как бы мало или велико ни было оно, но лишь бы оно было одинаковым. И притом это достигается не непонятными для ребенка словами, но благодаря тому, что сын сам снимает и кладет тяжести на весовые чашки. А вот еще отец, *ткач,* объясняет своему сыну, который внимательно смотрит на него, процесс тканья и дает ему самому попробовать ткать. А вот *красильщик* показывает своему наблюдательному сыну, каким образом некоторые жидкости изменяют цвет краски, а некоторые краски постоянно превращают в одни и те же цвета. Он говорит ему, что такая жидкость называется кислотою; он показывает также, что рисунок в форме должен иметь обратное положение и что он должен стоять налево, раз на материи он должен выйти направо. А здесь *купец* учит своего сына, что кофе есть вылущенный плод, зерно растения, и пользуется ближайшим случаем, чтобы показать ему этот плод. При ближайшей поездке за город он показывает своему сыну, как растут анис, мак, просо, конопля и т. д., которые в виде продолговатых, круглых, сырых, желтых, беловатых семян составляют предмет торговли.

Так неискалеченный, здоровый и телом и духом ребенок руководит хорошим отцом, а заботливый отец – сыном, всегда ищущим духовной и физической деятельности. Всякое занятие и всякий промысел, всякая профессия отца служат исходным пунктом для усвоения всякого человеческого знания. До какого только богатства знания может дойти сын крестьянина благодаря повозке и плугу своего отца, сын мельника благодаря отцовской мельнице, сын купца благодаря сырым и обработанным продуктам природы, составляющим предмет торговли отца! Какое богатство знаний может развиться из различных занятий фабричного рабочего! Все это настоящие взгляды и понятия, которые только с большим трудом и издержками дают школа и учебные годы, а часто и вовсе не в состоянии дать. Вот последствия домашней и семейной жизни, правильно проведенной, правильно употребленной, – правильного ухода за ребенком. Ребенок, ваш ребенок, отцы, чувствует это так глубоко, так живо, так правдиво – и поэтому-то он и окружает вас всегда, где бы вы ни были, куда бы вы ни пошли; при всем, чем бы вы ни занимались, что бы вы ни делали, *не отталкивайте его*

недружелюбно, не гоните его прочь от себя, не будьте нетерпеливы при его всегда повторяющихся вопросах; каждым грубым или резким словом вы уничтожаете почку на его жизненном дереве. Но, отвечая ему, не говорите больше, нежели это необходимо для того, чтобы он сам мог пополнить ваш ответ: ибо, конечно, легче услышать ответ от другого, быть может, даже половину только услышать и половину понять, нежели самому поискать и найти его для себя; но ответ, даже в четверть верный, найденный самостоятельно, для ребенка гораздо важнее, чем ответ, наполовину услышанный и наполовину понятый: последнее приводит к лености мышления и ума. Поэтому не отвечайте на вопросы ваших детей всегда прямо; но, *поскольку дети имеют для этого силы и опыт,* давайте им условия, в которых они могли бы получить ответ сами из круга своего опыта.

Остановимся же мы, родители, в особенности же мы, отцы, ибо нам в этом возрасте вверен ребенок, уже переходящий в отрочество, нашему особенному руководительству и уходу, остановимся же на созерцании того, что нам дает исполнение наших родительских обязанностей, нашего ухода за ним; мы испытываем радость! *Невозможно, чтобы для нас с какой-нибудь стороны приходила высшая радость, высшее наслаждение, кроме как от ведения наших детей, от жизни с нашими детьми, от того,* ***что мы живем для наших детей.*** Непонятно, каким образом мы где-нибудь можем искать или ожидать высших радостей, высшего наслаждения, больше совершенного удовлетворения наших благороднейших желаний, кроме как в занятии с нашими детьми, более отдыха, чем в кругу своих, где бы более чем вдвойне могли бы найти себе радость.

Взглянем же все на мирного отца в его простых, гражданских отношениях, в его счастливой, жизнерадостной семье, который… лишь в немногих словах резюмирует для самого себя цель своего поведения: «Приучить детей с ранних пор к размышлению – вот то, что я считаю главнейшим и важнейшим в деле детского воспитания»… Разве ребенок, воспитанный для размышления, не воспитывается в то же время и для трудолюбия, для деятельности, для всяких домашних и гражданских добродетелей? Вышеупомянутые слова суть как бы зерно, из которого развивается потом целое, тенистое, вечнозеленое дерево жизни, полное благоухающих цветов и здоровых, зрелых плодов. Прислушаемся к ним и запомним их мы, которые заставляют своих детей бродить вокруг себя без мысли и без труда и поэтому мертвыми…

…*Будем жить для своих детей:* тогда и жизнь наших детей принесет нам мир и отраду, тогда мы сами начнем делаться и

быть мудрыми!

III. Отрок

На рассмотренной до сих пор и предложенной усмотрению читателей ступени развития человека внешний мир, предметы внешнего мира были теснейшим образом связаны со словом и через слово, в свою очередь, – с человеком. Поэтому эта ступень по преимуществу есть ступень развития способности человеческой речи. Поэтому-то была так необходима при всяком поступке ребенка связь поступка с обозначением его посредством точного правильного слова. Каждый предмет приобретал смысл для ребенка как бы только благодаря слову; до слова он для ребенка вовсе не существовал, хотя, по-видимому, внешний глаз и замечал его; самое слово породило как бы впервые вещь для ребенка, поэтому слово и вещь, как ствол и сердцевина, как ветвь и сук, составляют неразрывное целое…

С отделением слова от вещи и вещи от слова, с отделением языка от говорящего и обратно… человек выходит из ступени детства и переходит *на ступень отрочества.*

Подобно тому как предшествующая ступень человеческого развития, *ступень детства* была преимущественно ступенью *жизни,* жизни самой по себе, только для того, чтобы жить, чтобы внутреннее проявлять во вне, то теперешняя ступень, ступень отроческая, есть по преимуществу ступень для того, чтобы внешнее делать внутренним, – ступень учения.

Для родителей и воспитателей пора младенчества была преимущественно порою *ухода;* следующая затем ступень, на которой человек выступает как единство и для единства – пора детства, пора преобладающего *воспитания.* Только что обозначенная ступень отрочества берет человека в отдельных отношениях и ради отдельных целей, чтобы позднее вывести их внутреннее единство… И таким образом, отрочество есть преимущественно пора *обучения.*

Дело развития и образования человека в отроческом возрасте, т. е. *обучение,* совершается не столько сообразно с сущностью самого человека, сколько согласно определенным, твердым и ясным *законам,* лежащим в самой основе вещей, в особенности же по тем законам, которым одинаково подчинены и человек и предмет… Поэтому-то оно может и должно совершаться со знанием дела, пониманием, осмотрительностью, благоразумно и сознательно.

Такое действие называется *школой* в самом широком смысле слова. Итак, школа есть то место, где человек доводится до познания предметов и их сущности по особым и общим законам,

присущим им, где человек благодаря внешнему, единичному и частному приводится к познанию общего, внутреннего, целого. Поэтому человек в отрочестве делается в то же время *учеником.* Вместе со ступенью отрочества для человека наступает время школьного обучения, дается ли оно в школе или вне ее, отцом ли или членами семьи, или же, наконец, учителем. Под школой мы таким образом здесь вовсе не разумеем классной комнаты или школьного пребывания, но мы разумеем сообщение знаний в виду определенной цели и в определенной внутренней последовательности.

Развитие и образование человека для достижения его назначения, для выполнения его профессии, есть устойчивое, беспрерывно идущее вперед нераздельное целое, всегда восходящее от одной ступени к другой: из возбужденного в младенце общего чувства развивается в ребенке порыв, наклонность; они приводят к образованию души и сердца; а из этого образования в отроке развивается умственная и волевая деятельность. Возвышение волевой деятельности до волевой устойчивости и, таким образом, оживление и образование чистой, твердой, сильной и устойчивой воли для проявления прежде всего чистой человечности самой по себе и через себя – вот главная цель и главный пункт в воспитании и обучении отрока в школе.

Воля есть духовная деятельность человека, сознательно исходящая из определенного пункта, идущая в определенном направлении к определенной цели, стоящая в согласии с общей сущностью человека. Этим все сказано и все определено, *что* родители и воспитатели, учителя и школа должны дать в эти годы человеку, отроку, и *чем* они должны быть для него. …*Пример и слова,* обучение, позднее поучение и пример суть путь и средства для этого. Не только один пример и не только одни слова! …Пример и слово, учение и пример как общее и частное одни не достигают этой цели, но при этом предполагается *чуткое, доброе сердце*, которое вырабатывается воспитанием в пору детства. Поэтому и воспитание отрочества основывается на воспитании детства, поэтому-то волевая деятельность вытекает из сердечной и душевной деятельности. А волевая твердость – из сердечной и душевной твердости, и где нет первого, там и второе достигается, завоевывается только с большим трудом.

Проявление же чуткого, доброго сердца, естественной отзывчивой души в ребенке есть внутреннее стремление… найти духовно объединяющую, все оживляющую духовную связь и закон, …благодаря которым предметы получают, по крайней мере, житейское значение, значение для жизни. Хотя это желание

на ступени детства удовлетворяется благодаря игре, в которой ребенок ставится в самую середину всех вещей, в то время как все вещи ставятся только в отношение к нему, к его жизни, однако прежде всего только семейная жизнь дает полное удовлетворение, только единственно она для каждой ступени образования, даже для всей жизни человека дает наиважнейшее развитие и образование доброго сердца и отзывчивой, благочестивой души в их настоящей жизненности и полной мощи. Уже в детском возрасте человек все относит к семейной жизни, видит все предметы только через нее, в зеркале и в форме семейной жизни, как это нам уже ясно из детского возраста.

Благодаря этому собственная семейная жизнь представляется ребенку… образцовой жизнью – это должны всегда помнить родители, чтобы ребенок мог представить ее во всей чистоте, во всей гармонии, во всей жизненной силе… В семье он видит родителей и членов семьи, и, кроме того, он видит взрослых в жизни и отношениях, касающихся его семьи: как они творят, действуют, поступают, работают. На этой ступени ребенок пытается изображать все, что, как он видит, делают, творят, изображают его родители, взрослые. Если раньше ребенок делал что-то лишь ради самой деятельности, то отрок совершает свою деятельность ради дела, ради произведения; инстинкт деятельности ребенка преобразовался в отроке в *инстинкт образования,* в *инстинкт изображения,* и это характеризует всю внешнюю жизнь, все внешние проявления отроческой жизни этого времени.

С какою охотою прежде всего разделяют мальчики и девочки этого возраста работы своего отца и матери, не пустячные и легкие, нет, нет, но работы, требующие напряжения, требующие силы и труда. Здесь, родители, будьте внимательны, осторожны, заботливы! Или вы одним разом можете, по крайней мере, на долгое время уничтожить деятельный и образовательный инстинкты ваших детей, если откажетесь принять помощь от ваших детей, пусть ребяческую, бесполезную, ничтожную, пусть даже и надоедающую и мешающую вам. Не позволяйте себе увлекаться делами, никогда не говорите: «Убирайся! Не приставай!» Или: «Я спешу, я один справлюсь быстрее!» Мальчики и девочки в результате терпят урон в своей внутренней деятельности, …они чувствуют себя одинокими, …они становятся вялыми и раздражительными. Довольно родителям раза три отказать ребенку, и он уже никогда не обратится с новым предложением разделить вашу работу… Да и кому не приходилось впоследствии слышать от родителей жалобы на воспитанных таким образом детей: «Когда дочь или сын еще не в

состоянии были помочь, они целый день занимались чем-нибудь, а теперь, когда у них есть и знания и силы, они не хотят ничего делать». Заметьте, родители, первое стремление к деятельности, первое стремление к образованию происходит из человека, сообразно *сущности* действующего в нем еще бессознательно начала, без всякого его активного участия, даже против его воли, что можно легко проверить на себе и в позднейшем возрасте: если человеку, в особенности молодому, на этот внутренний запрос к деятельности, в особенности к образованию, творчеству, изображению, что всегда сопряжено с физическим напряжением, встречается на пути внешнее препятствие, в особенности такое, как воля родителей, которое не может быть устранено, то сила тотчас ослабевает, а при неоднократном повторении противодействия совершенно отходит на задний план и превращается в бездеятельность. Дитя, отрок или девушка не спрашивают и не взвешивают, почему их помощь раз была уместна, а другой раз неуместна, они выбирают более удобное для себя с физической точки зрения, более удобное для *натуры;* они охотнее и легче всего не исполняют деятельности, чем более таковая кажется им вынужденной волею родителей… Поэтому, родители, если вы желаете впоследствии и в надлежащее время помощи от ваших детей, то воспитывайте с ранних пор в них инстинкт деятельности и в особенности в пору отрочества инстинкт образования, хотя бы это стоило вам некоторой борьбы над собою и некоторых жертв; это вознаградит вас сторицею впоследствии, подобно хорошему плоду на хорошей почве. Укрепляйте, развивайте эту помощь, дайте вашему ребенку важнейшее, в чем он теперь нуждается, позвольте ему применить свои силы к семейному и поэтому в особенности дорогому делу, чтобы он не только осознал свою силу, но и *умножил* ее. Если прежняя деятельность была лишь подражанием домашней жизни, то теперешняя есть участие в домашних делах: приходится поднимать, тащить, нести, рыть, копать; на всем желает отрок испытать свою силу…

Но не только взвешивание, испытание и упражнение силы влекут отрока, развивающаяся в нем теперь сокровенная жизнь увлечет его в высь и глубь, в даль и ширь, но в особенности она порождает стремление обозреть разнообразное, увидеть разрозненное в целом, *приблизить к себе отдаленное,* воспринять в себя ширину и множество, объять целое. Мальчик, вскарабкавшись на дерево, открывает новый мир: сверху все выглядит совершенно иначе, нежели представляется нашему обыкновенному стесненному боковому взгляду… «Сын станет сорвиголовой, он так беспокоит меня», – сокрушается мать. Но

отрок, которого с малых лет вели согласно постоянному развитию его силы, всегда будет очень немногим более обнаруживать своей силы, чем он уже испытал ее на деле, и таким образом, он всегда пройдет, как под покровом ангела-хранителя, через все опасности; тогда как другой, не знающий ни своей силы, ни требований к ней, отваживается на такие поступки, для которых у него нет еще даже и незначительной силы, таким образом, он очень рискует даже там, где для самого беспечного нет никакой опасности.

Не менее важно и благотворно для развития отрока удовлетворение таких его стремлений, как, например: спуститься в пещеру или овраг, побродить по тенистой роще и в темном лесу. Это – попытка найти еще ненайденное, увидеть и познать еще невиданное, вывести наружу и приблизить к себе и усвоить находящееся в тесноте и тени. Вот после долгих странствий отрок приносит неизвестные камни и растения, зверьков, живущих в сокровенных и темных местах: червей, жуков, пауков, ящериц. Он засыпает взрослых вопросами: «Как это называется, что это такое?» и т. д., и с каждым словом все богаче и яснее становится для него мир, не нужно лишь обрывать ребенка при его попытке разобраться в окружающем: «Фи, брось, это гадко!» – или «Брось, укусит!» Если ребенок послушался таких речей, то добрая часть его силы пропала даром… Правда, отчего не предупредить его ради осторожности, когда он будет брать неизвестных животных, но ни в коем случае нельзя запугивать.

Но отнюдь не всегда стремится только в высь, или в глубь, или в темноту наш действительно здоровый ребенок этого возраста: чтобы развить в себе осмотрительность, благоразумие и вдумчивость, он найдет немало работы и в обычной обстановке. Взгляните: вот он разводит себе маленький садик в сторонке, возле живой изгороди, отделяющей сад его отца; а вот он в колее или канаве с водой представляет себе течение реки; вот он наглядно знакомится с действием падения или напора воды, приладив вращающееся посредством воды колесо; а здесь он изучает свойство плавания, запустив в сделанный своими руками маленький пруд дощечку или кусок пробки. Мальчику этого возраста особенно приятно занятие с чистой, живой, подвижной водой, а также с материалом, поддающимся изменению: с песком, глиной и т. д. – это, можно сказать, его стихия, *ибо он в ранее добытом чувстве силы ищет полного господства над материей…*

Если вы, руководители детей, воспитатели, хотите видеть в миниатюре, как бы в образе, то, на что здесь было указано, то последуйте за мной в импровизированный класс, где вы найдете компанию мальчиков – человек восемь от 7 до 10 лет. На

большом столе старой комнаты вы найдете *ящик с кирпичиками.* Кирпичики эти имеют формы и пропорцию обыкновенных строительных кирпичей, каждый имеет длину, равную 1/6 их действительной величины, и представляет собой самый красивый и наиболее удобный для построек материал, который под стать возрастающей силе отрока; в качестве строительного средства *песок* и *опилки* также нашли себе место в комнате, а недавняя прогулка в прекрасном еловом лесу предоставила в распоряжение массу прекрасного зеленого *мха.* Теперь рекреация, где каждый начал свое дело по личному почину: там в углу совершенно скрытая от глаз ютится небольшая часовенка – крест и алтарь характеризуют дух настроения, это создание маленького мальчика с мирным характером; там на стуле двое предприняли уже сообща довольно значительное сооружение – многоэтажное строение, которое должно изображать замок, с высоты которого, как с горы, можно обозревать всю долину. Но что это выстроил вон тот потихоньку под столом? Это зеленый холм, на котором высятся старые развалины замка; под руками других там на ровном месте выросла деревенька. Теперь каждый окончил работу и осматривает ее, а также и работу своих соседей; каждому невольно приходят в голову желание и мысль: нельзя ли разрозненное представить в одно целое? И едва желание успело сделаться всеобщим, как тотчас уже проводятся общие дороги от деревеньки к крепости, от крепости к замку, от замка к часовне, а пустое пространство заполняется лугами и реками. А теперь заглянем в другую рекреацию: одни вылепили себе из *глины* целую страну, другие из *картона* сделали себе целый дом с дверьми и окнами. Вот один из *ореховой скорлупы* выстроил себе кораблик; каждый смотрит на свое произведение; хорошо оно, но стоит одиноко; он смотрит также на произведение своего соседа: соединить бы все вместе, куда было бы лучше! И тотчас же дом, как и замок, помещается на возвышенное место страны, а кораблик плывет уже по маленькому искусственному озеру; ко всеобщей радости, самый младший помещает своего пастушка и свое стадо пастись между горою и озером; теперь дети стоят все вместе и с радостью и довольством смотрят на дело своих собственных рук. А вон там внизу у источника, у ручья, что это за шум и гам? Это собрались мальчики постарше. Они устроили каналы, а на них – шлюзы, и мосты, и приморские города, запруды и мельницы, каждый нисколько не заботясь о других и не имея в виду работы другого. Но вот естественно должна пойти вода, а по воде сверху к низовью канала должны направиться корабли; но чуть ли не на каждом шагу – граница нового владельца, и каждый предъявляет свои права, как господин и

создатель, и каждый вынужден считаться с требованиями другого. Что же может привести их к согласию? Только *договоры*, и тотчас же государства соединяются между собою строгими договорами. Кто может измерить все великое значение этих детских игр? Кто может перечесть многосторонние плоды их? Только два вывода можно сделать с полной достоверностью: во-первых, что они возникают из чувства и ума самих детей, а во-вторых, что мальчики, игравшие в эти игры, становятся хорошими учениками, понятливыми, толковыми, вдумчивыми, с живым воображением, прилежными, энергичными; потом они обязательно будут хорошими юношами и в умственном, и в нравственном отношении, готовыми помочь ближнему и советом и делом; и раз они так играли, они станут хорошими, толковыми и благоразумными мужами.

Для этого возраста чрезвычайно важно обрабатывание собственных садов, и притом именно ради получения урожая, потому что здесь человек впервые видит путем органическим, закономерным и необходимым, как от его трудов возникают плоды, которые хотя и подчиняются внутренним законам естественной силы, однако во многих отношениях зависят от характера его деятельности. В особенности благодаря сельскохозяйственному труду находит себе полное и многостороннее удовлетворение страстное желание ребенка жить в единении с природой, познать природу; это желание побуждает его подолгу и каждый раз снова рассматривать растения и цветы, вдумчиво наблюдать их… Если же отрок не может иметь своего садика, за которым он мог бы сам ухаживать, то пусть, по крайней мере, будут его собственностью горшка два цветов, не редких, за которыми трудно ухаживать, но богатых листьями и цветами, самых обыкновенных растений… А через уход за растениями получит также удовлетворение и другая страсть отрока, интерес к живым предметам природы: к жукам, бабочкам, птицам…

Но отнюдь не все игры, не все занятия мальчика этого возраста – только чистые изображения предметов, напротив, многие из них по преимуществу – чистые упражнения или проверки силы. Но игра этого возраста всегда имеет свой собственный характер; а именно, если в прошлый период времени, в детском возрасте, только *деятельность* была целью игры, так теперь ее целью бывает всегда нечто определенное, сознательное, теперь этой целью является *изображение* как таковое, само изображаемое; и этот характер свободных отроческих игр с годами развивается все более и более; то же самое во всех подвижных играх: во время бегания, драки, борьбы, игры с мячом, во время военных и охотничьих игр и т. д. …Но

здесь отнюдь не одна физическая сила получает пищу, нет, но и умственная и нравственная сила во всех этих играх находится в повышенном, более определенном и более устойчивом состоянии…

Каждая местность должна иметь для проживающих в ней детей общую площадку для игр. Чудны были бы тогда плоды, которые произошли бы через это для общины, ибо игры этой ступени развития всегда общественного характера и таким образом развивают чутье и чувство общественного.

Но времена года и обстоятельства не всегда позволяют детям, свободным от домашних и школьных занятий, упражнять и развивать свою силу под открытым небом. Но во всяком случае отрок не должен оставаться в бездеятельности; поэтому-то в этом возрасте и все виды других внешних занятий и изображений, которые связаны с домом и комнатою, в особенности то, что принято называть механическими работами (ручным трудом): бумажная и картонная работы, лепка и т. д., – составляют существенную часть занятий отроков и так важны для них…

Но в человеке существует еще стремление, еще страстная потребность души, которые не чувствуют себя удовлетворенными всеми внешними занятиями… Настоящее со всей его полнотою и со всем его богатством не может удовлетворить его. Через то, что нечто существует в настоящем, узнает он, что нечто было в прошедшем. И то, что было до него, и о себе самом хотел бы он знать… Но кто мог бы рассказать ему об этом в согласии с истинным освещением фактов, как не те, которые жили до него, как не старшие? И он желает, чтобы эти последние рассказали ему об этом, *и, таким образом, в отроке этого возраста развивается потребность и стремление к рассказу, к сказыванию, к рассказыванию вообще, позднее к историческому…*

Но и само настоящее, в котором живет отрок, содержит в себе еще много такого, чего человек на этой ступени развития не в состоянии объяснить себе, но что он все-таки охотно желал бы себе истолковать, много такого, что ему является немым, тогда как ему хотелось бы, чтобы оно било и трепетало жизнью… и таким образом в нем развивается живая потребность *и стремление* к басне и сказке, которые предметам, лишенным языка, дают язык и смысл: первая, в пределах человеческих отношений и вторая – вне пределов человеческих отношений и вне человеческих, земных явлений…

То, что предчувствует душа отрока, то, что заставляет радостно биться его сердце, как, например, тогда, когда он чувствует свою силу или приближение весны, все это он хотел бы передать своим словом; но отрок чувствует, что он сам по себе не

обладает подходящим запасом слов; он ищет слов, и так как он не может найти таковых в себе самом, то он сердечно радуется, когда находит их в изречениях и особенно *в песне и пении…*

Страстное стремление узнать что-нибудь о старине и природе постоянно останавливает внимание отрока на развалинах, на старых стенах, на обрушившихся сводах. Это стремление к тому, что волнует сердце и душу, и, таким образом, можно заключить, что очень многие внешние явления, очень многие поступки отрока имеют внутреннее значение, характеризуют его внутреннюю, духовную, жизнь, и следовательно, они обладают *символическим характером.* Как было бы полезно и для родителей и для детей, для их настоящего и будущего, если бы родители поверили этому символическому в детской и отроческой жизни, если бы в этом отношении родители обращали бы внимание на жизнь своих детей; какая новая живая связь завязалась бы между родителями и ребенком, какая новая нить жизни провелась бы между их теперешней и будущей жизнью!

Такова *чистая* жизнь мальчика этого возраста.

Пороки отрочества

Перенесем теперь от этого констатирования внутренней и внешней чистой детской и отроческой жизни, которая является благословением людей, где господствует настоящее воспитание детей и отроков, сообразное с человеческой натурой, …перенесем свои взоры от этой чистой детской и отроческой жизни в детскую и отроческую жизнь, как она является нам, к сожалению, в действительности в большинстве случаев, хотя и не во всей полноте; заглянем в особенности в детскую, братскую, домашнюю деятельность, трудовую, школьную, товарищескую жизнь детей и отроков, и мы непременно должны будем признать, что там многое происходит совершенно иначе, что там встречаются упрямство, своенравие, изнеженность, духовная и физическая вялость и леность, коварство, чувственность и сластолюбие, тщеславие и самомнение, неуступчивость и властолюбие, отсутствие настоящих братских и детских чувств и отношений, пустота и верхоглядство, избегание труда и даже игр, непослушание и забвение Бога и т. д. Поищем же *источники этих и многих других порочных детских явлений,* которые отнюдь не могут быть отрицаемы, и в конце концов перед нами выступит двоякая причина: во-первых, совершенно неразвитая чистая человеческая натура, затем порочное развитие, ранние порочные неестественные ступени развития и искажения первоначально добрых человеческих сил, задатков и стремлений вследствие

произвольного, незаконного вмешательства в основной закономерный и необходимый ход развития человека. Ведь натура человека сама по себе хороша, и в человеке существуют хорошие по себе свойства и стремления, и человек отнюдь не дурен сам по себе, равно как не существует самих по себе дурных или зловредных свойств человека…

Назначение человека как земного явления, как земного существа – развить дух и тело в некоторой равномерности, в некотором равновесии с сознанием и разумом; всякая порочность, даже проявление порочности или злобы, которая заключается в человеке или совершается через него, которая пристает к нему и окружает его, как какое-то призрачное одеяние, которое он тотчас же снял бы, если бы он только мог прийти к ясному и отчетливому познанию своей натуры, …все эти порочности имеют свое основание только в нарушенном отношении этих двух сторон человека: в его *природе*… и в его сущности, в сущем в нем.

Поэтому в основе всякого проявления порочности в человеке лежит собственно и первоначально разбитое или сбитое с пути хорошее свойство, хорошее стремление, только задавленное, не понятое или дурно понятое, искаженное; и поэтому единственное, никогда не обманывающее средство уничтожить окончательно всякую порочность, злобу и греховность заключается в том, чтобы постараться поискать и найти первоначальный хороший источник… и тогда уже выхаживать и вести его надлежащим образом… Таким образом, бесспорно одно, по крайней мере, что в настоящее время в детском и отроческом мире чрезвычайно мало замечается собственно детского, истинно благочестивого чувства, мало благожелательства к ближнему, мало терпимости и мало истинно религиозного чувства, напротив, много эгоизма, недружелюбия, в особенности грубости и т. д. Причина этого заключается просто-напросто не в неразбуженном и неразвитом… равно в ребенке и отроке *чувстве общительности* между родителями и детьми, но, напротив, рано *уничтоженном* и *нарушенном*. Поэтому, если мы желаем, чтобы снова вернулись истинно братские отношения, истинные детские чувства, доверчивое и любовное благочестие, уживчивость, чувство солидарности и уважения между товарищами и ближними, то мы должны помнить, что это возможно, если мы… будем культивировать существующее в каждом человеке чувство общительности, если только оно существует там хотя бы отчасти; тогда мы опять вернем то, лишение чего так тяжело отзывается в нашей семейной человеческой и религиозной жизни.

Другой источник многих отроческих пороков – *поспешность, невнимательность, легкомыслие,* – словом, недомыслие, с

которым мы относимся к его инстинктивному поведению, захватывающему всю его деятельность чувств и физических ощущений, совершенно безвредному, невинному, даже похвальному, но последствия удовлетворения которого еще не представлялись отроку в его житейском опыте, причем ему и в голову не приходило себе самому объяснять последствия своего поведения. Так, один мальчик без всякого злого умысла, от чистого сердца, радуясь своей выдумке, напудрил парик своего очень любимого дяди известкой, совсем не видя тут ничего порочного, а еще менее думая о том, что едкая известка, конечно, должна повредить волосам парика и т. п. …Другой мальчик долго бросал камнями по направлению к маленькому окошку соседнего здания с самым серьезным намерением попасть в него, при этом он совсем как будто не догадывался, что, если камень попадет согласно его желанию и цели в окно, стекло непременно будет разбито; камень попадает в цель, раздается звон, и мальчик остается на месте как прикованный…

Конечно, глубокая истина, непризнание которой, к сожалению, ежедневно тяжело мстит за себя, – что в большинстве случаев прежде всего портит человека, ребенка и отрока, человек, другой человек, часто даже *сам воспитывающий человек;* это бывает вследствие того, что в основу всего, что ребенок или отрок делает или по неведению, или по непредусмотрительности, или даже вследствие слишком тонкого различения справедливого и несправедливого… всегда кладут злое, дурное, по меньшей мере, нечистое намерение. К сожалению, и теперь еще существуют такие неудачники среди воспитателей: в детях и отроках они всегда видят маленьких злых, упрямых и коварных чертенят, где другие увидят в крайнем случае шутку, зашедшую слишком далеко, или просто действие слишком смелой жажды жизни…

Такова свободно проявляющаяся внутренняя и внешняя жизнь человека, отрока, на той ступени развития, когда он становится учеником. Но что такое школа?

IV. Школа

А. Общие замечания

Ш*кола* есть стремление познакомить ребенка с сущностью и внутренней жизнью предметов и своей собственной, с внутренними отношениями предметов друг к другу, к человеку, к ученику, к живейшей основе и ясному для себя самого единству всех предметов, к Богу. *Цель преподавания* – привести к осознанию единства всех предметов и вместе с тем пребывания, существования, жизни всех их в Боге, чтобы когда-нибудь впоследствии поступать согласно с этим сознанием. *Средством и путем* для этого служит само обучение. Поэтому внешний мир благодаря школе и обучению является ученику… как стоящий в некотором отношении к этому миру, чем-то противоположным ему, обособленным, чуждым. Затем школа указывает внутренние направления и отношения отдельных предметов друг к другу и таким образом восходит все более и более к высшим обобщениям. Поэтому ученик отроческого возраста, вступая в школу, как бы переходит из внешнего порядка вещей в высший, духовный. Этот выход ребенка из внешнего и поверхностного порядка наряду с вступлением его в созерцание вещей внутреннее и поэтому приводящий к познанию и уразумению, этот выход ребенка из домашнего порядка в высший мировой делает отрока учеником, а школу тем, что она есть, школою. Усвоение детьми большего или меньшего количества разнообразностей, а стало быть внешностей, отнюдь не делает еще школу истинной школой, но лишь единственно *духовное, живое дыхание*, которое оживотворяет здесь все предметы, дыхание, которым охвачены все вещи.

…Поэтому школа сама по себе предполагает ясное познание самой себя, которое как бы парит над внешним миром и учеником и между ними обоими, объединяет в себе сущности обоих, носит в себе внутренний мир обоих, является посредником между обоими, дает обоим язык и взаимное понимание, – и это есть *учитель*, который потому так называется, что он должен быть в состоянии, по крайней мере, для большинства указать единство предметов; он – школьный учитель, потому что он должен указать и дать познать себе самому и другим внутреннюю, духовную сущность вещей. Это предчувствует, этого ожидает и на это надеется и этого требует каждое дитя, каждое школьное дитя от своего учителя – и это предчувствие, и эта надежда, и эта вера

составляют невидимые и многознаменательные узы между ними обоими…

Вера и доверие, надежда и чаяние, с которыми входит ребенок в школу – вот, что творит все, – вот, что создает в школе исполинские результаты; ибо ребенок входит в школу с детским упованием, тихой надеждой и томным предчувствием: здесь тебя научат такому, чему ты не можешь научиться вне школы; здесь ты получишь пищу для твоего ума и для твоей души, а кроме того, также и пищу для тела, здесь такие надежды и ожидания буквально живут в ребенке – здесь находятся пища и питье, которые утоляют голод и жажду, такие пища и питье, по принятии которых ты снова опять будешь всегда голодать и жаждать.

…Таким образом, только *дух* делает школу истинной школой… Дух, который живет во всем отдельном и во всем разнообразии, – вот что делает школу школой. Не забывайте этого никогда…

Далее, при живом представлении того, что есть школа и чем она должна быть, выясняется и ее действительное отношение к ее предметам и к самому обучению, без правильной постановки которых обучение остается бессмысленной игрой и без всякого воздействия на голову и сердце, на ум и душу.

В сказанном уже имеются ответы на вопросы или, по меньшей мере, легко получаются из него: *нужны ли школы? Почему нужны школы и учение? Чем они должны быть и как в них должно вести дело?*

Благодаря школе мы должны в качестве духовных существ сделаться мыслящими, сознательными, разумными (вдумчивыми, т. е. сознательно чувствующими и ощущающими) и таким образом обдуманно поступающими людьми, мы должны прежде всего стремиться к развитию своей силы, своего ума как полученного от Бога, к проявлению божественного в жизни, не забывая того, что тогда получает свое оправдание и свое удовлетворение и все земное. Мы должны возрастать мудростью и умом у Бога и у людей, в человеческих и божеских предметах; мы должны знать, что мы живем и должны жить в единении с тем, кто есть наш Отец, мы должны знать, что мы и все земное являемся храмом Бога живого; мы должны знать, что мы должны быть совершенны, как *Отец* наш, который находится на небеси, и вполне согласно этому знанию мы должны поступать и действовать. Сюда должна привести нас школа, ради этого должны существовать школа и обучение, и с этой целью они должны сообразоваться.

B. Учебные предметы

Чему *же должна учить* школа? Чему должен обучаться человек, отрок в качестве ученика? Только рассмотрение того, что представляет из себя и чего требует развитие человека на ступени отрочества для отрока и ученика, может привести к ответу на эти вопросы, но знание этого проистекает из понимания человека как отрока…

В жизни человека-отрока обнаруживается прежде всего живое чувство собственного духовного «я» и смутное предчувствие зависимости этого духовного «я» от высшей сущности… Человек как отрок и начинающий школьник является воспринимающим свою духовную сущность, предчувствующим Бога и духовную сущность всех вещей… Внешний мир является человеку на отроческой ступени с двух сторон: во-первых, возникшим благодаря требованию и силе человека, по воле и предписанию человека; во-вторых, обусловленным требованием силы, действующей в природе. Между этим внешним, формальным и физическим миром и миром внутренним, душевным и духовным выступает *язык*, сначала составляя с ними одно целое и потом постепенно освобождаясь от них и делаясь самостоятельным, но потому-то и соединяя их воедино.

Таким образом, *душа* и внешний мир, в данном случае прежде всего *природа*, и соединяющий их язык – вот полюсы отроческой жизни, каковыми они уже были для всего рода человеческого на первой ступени зрелости, как об этом свидетельствуют священные книги. Посредством их школа и обучение должны привести отрока к *троякому*, но единому познанию: к *познанию самого себя* во всех отношениях и, таким образом, к познанию человека вообще согласно его сущности и его отношениям; к *познанию Бога*, вечного условия, вечной причины, вечного основания и вечного источника его сущности и сущности всех вещей, и к *познанию природы* и внешнего мира как выходящего из вечно духовного и обусловленного им. Обучение и школа должны привести человека к жизни и поступкам, стоящим в полном согласии с этим трояким, но в себе едином познанием; школа и учение должны… постоянно прогрессируя, довести человека до достижения своего назначения, своего призвания, до достижения земного совершенства.

C. Семья и школа

В семье растет ребенок, в семье вырастает он в отрока и школьника: поэтому-то к семье должна примкнуть и школа.

Единение школы и жизни, единение домашней, семейной и учебной жизни – вот первое и самое необходимое условие полного развития или развития, ведущего к законченному развитию и воспитанию человека в этот период. Единение семейной и школьной жизни есть непременное условие человеческого воспитания в этот период…

В качестве отдельных направлений этой объединенной школьной и семейной жизни… из внутренних и внешних запросов мальчика как начинающего школьника прямо вытекает следующее:

1. Оживление, питание, укрепление и развитие религиозного чутья, держащего человеческую душу в единении с Богом и все живее и живее объединяющего ее с Богом, – чутья, которое предчувствует и твердо помнит живое, необходимое единство всех вещей при всем разнообразии явлений и которое благодаря своей жизненности и мощи заставляет ребенка жить и действовать согласно этому единству, сообразно этому и ради этой цели.

2. Уважение религиозных изречений, в особенности о природе и человеке, об их отношениях к Богу, главным образом для молитвы. Эти изречения – как бы зеркало, в котором мальчик, человек видит свои исконные, единящие с Богом чувства, ощущения, чаяния и стремления, как на картине, и доводит их таким образом до сознания и удерживает крепко в своей душе.

3. Уважение, знание и развитие тела как носителя духа и средства для выражения его сущности в упражнениях, упорядоченных и постепенно ведущих к такому развитию тела.

4. Созерцание и наблюдение природы и внешнего мира, требующие прежде, чем перейти к отдаленному, знания ближайшего окружающего.

5. Усвоение небольших поэтических выражений, охватывающих природу и жизнь; в особенности усвоение небольших стихотворений, которые дают жизнь предметам ближайшей окружающей природы и значение явлениям и событиям собственной домашней жизни, показывают их в чистом и глубоком значении, как в просветленном зеркале, и в особенности усвоение для пения и через пение.

6. Упражнения в дикции и изустной речи, исходящие из содержания природы и внешнего мира, примыкающие к нему и переходящие к созерцанию внутреннего мира, но постоянно, внимательно и неукоснительно имея в виду только язык и речь, как действующее на слух изобразительное средство.

7. Упражнения во внешних пространственных, телесных изображениях по правилам и заказам, идущие поступательно от

простого к сложному. Сюда относятся произведения из… твердого материала: построения, ручные работы из бумаги, картона, дерева, равно как и моделирование из бесформенного, но поддающегося формировке мягкого материала.

8. Упражнение посредством линий на плоскости в отношении к отвесным и горизонтальным направлениям, определяемым средней и грудной линией человека, являющееся наглядным средством для понимания всех внешних образов, которое, будучи повторенным неоднократно в перекрестном направлении, образует сеть (*рисование* по сетке исходя из определенного).

9. Понимание красок в их различии и однообразии и нанесение их на уже готовый рисунок; а также срисовывание с картин, рисование с преобладающим соблюдением цветов и их отношений, живопись по сетке, по квадратикам.

10. Игры, т. е. свободное выражение себя и свободные упражнения во всякого рода играх.

11. Рассказывание историй и сказаний, басен и сказок применительно к событиям дня, времени и жизни.

12. Небольшие путешествия и сравнительно значительные прогулки.

И все это идет вперемежку в домашней и школьной жизни, семейной жизни и жизни общечеловеческой, при живом участии в школьных и семейных делах; ибо мальчики этого возраста должны мало-помалу подготовляться к определенным небольшим домашним работам. Более того, они могут действительно обучаться у отцов – ремесленников и земледельцев, как это практикуется в некоторых простых семьях… В особенности очень важно для мальчиков этого старшего возраста ежедневно, по крайней мере час или два, твердо и определенно отдаваться внешнему делу, делу внешнего производства. Отсюда могли бы произойти последствия величайшей важности для жизни. Одним из величайших недостатков наших до сих пор существовавших школьных учреждений, в особенности так называемых латинских и ученых школ, бесспорно, является то обстоятельство, что вступающие в них дети совсем не принимают участия ни в каких домашних делах, ни в каких делах, имеющих в виду внешнюю производительность… Физические занятия, деятельность для внешнего труда и производства не только укрепляют тело, но и в особенности дух, различные направления духовной деятельности, так как дух после такой освежающей *трудовой купальни* (лучше я не могу выразиться) с новыми, свежими силами приступает вновь к своим духовным занятиям.

Если мы рассмотрим теперь предметы, все, отмеченные раньше и относящиеся одновременно и к семье и к школе, то они

сами собой разгруппируются согласно общим запросам молодого человека. Это будут:

а) предметы более спокойной, тихой, внутренней жизни;

б) предметы более восприимчивой, внутри действующей жизни;

в) предметы более выступающей вовне, внешним образом складывающейся жизни.

Поэтому-то они и охватывают все вообще потребности человека. …На них развиваются все физические чувства, все внутренние и внешние задатки и силы человека, …упражняются и совершенствуются и… таким образом удовлетворяются все запросы человеческой жизни. Наконец, мы видим, как требования на эти предметы, невзирая на всю их многочисленность и разнообразие, легко удовлетворяются просто устроенной семейной и школьной жизнью, их общими усилиями. Таким образом они естественно вполне удовлетворяют запросам человека на этой ступени.

* * *

Таким образом, человек с самого основания своего существования и бытия, в его росте и проявлениях, по всем сторонам, ступеням и условиям развития его существа до наступления возраста мальчика изображен в общих чертах, и в общем виде указаны средства в их живой связи, необходимом взаимоотношении и естественном разветвлении, во всем их значении, посредством которых человек может и должен быть развит в подлежащем рассмотрению периоде, согласно требованию этого периода и соответственно его существу, если цель его развития – совершенство.

Если мы бросим взгляд на все познанное до сих пор и высказанное, то мы увидим, что многие явления в жизни мальчиков, правда, еще не имеют определенного направления; так, например, занятие красками вовсе не имеет в виду художника, и также занятие тонами и музыкой отнюдь не имеет в виду подготовить музыканта, но эти занятия имеют целью и преследуют в человеке, в мальчике, прежде всего всестороннее развитие и изображение его существа; они в общем столь необходимая пища для его ума, они тот эфир, которым дышит и живет дух человека, чтобы приобрести мощь и силу, я сказал бы, объем, потому что данные человеку Богом духовные задатки, вытекающие с непреоборимою необходимостью по всем направлениям, непременно являются в виде многообразия и как

таковое должны быть удовлетворены; им непременно надо идти навстречу в должном многообразии.

Поэтому мы должны, наконец, осознать, что, вмешиваясь в природу мальчика, мы ей чрезвычайно вредим тем, что слишком подавляем и направляем по ложному пути эти необходимые, многосторонние духовные направления в подрастающем человеке… Мы должны относительно воспитания наших детей и подумать и принять во внимание, что царствие Божие есть царство духовного и что поэтому духовное в человеке, и в наших детях по крайней мере, есть часть духовного царства, царства Божия, и поэтому с должным вниманием отнестись к общему образованию духовного в человеке, в наших детях, образованию собственно человеческого, т. е. Божественного…

…Вообще говоря, *что пропущено в детском возрасте в воспитании и развитии человека и чем в это время пренебрегли – этого никогда нельзя возместить*…

Поэтому, если мы желаем, чтобы наши дети, если они действительно уже находятся в последней трети или даже четверти детского возраста, сделались бы дельными, настоящими людьми, то, если они до тех пор еще не изучили, не развили того, что они должны были изучить и развить детьми или начинающими мальчиками, они должны вернуться непременно к детскому возрасту, к начинающемуся или начавшемуся возрасту мальчика, чтобы хоть теперь не упустить того, что еще можно восполнить.

Заключение

Если мы теперь подведем итог той ступени и цели того образования, которого человек достиг при помощи изложенного до сих пор развивающего способа воспитания и обучения, то с определенностью выступает следующее: мальчик дошел до смутного понимания своего самостоятельного духовного «Я» и своего существа; он чувствует и знает себя как духовное целое; в нем вызвана способность воспринимать в себя целое как в своем единстве, так и многообразии; в нем зародилась способность изображать вне себя целое как таковое и в его необходимых частях, себя самого, свое «Я» в единстве и в многообразии его существа… Мы находим и узнаем человека, уже когда он делается мальчиком, способным для самого высшего и важного, для выполнения своего назначения, своей цели, для изображения своего существа, божественного существа. Превратить эту способность затем в твердый навык, в сознание, понимание и ясность, в свободно сложившуюся жизнь – вот чему посвящена с детских лет будущая жизнь человека на соответствующих ступенях его развития и образования. Показать пути и средства к тому и ввести их в жизнь и действительность – вот чему посвящено продолжение этого сочинения и жизнь его автора; и как мальчики как раз того возраста, которому принадлежит эта книга, исполненные бодрого духа, жизнерадостности, веселья и счастья, вступившие, в то время как писалась эта книга, в тот образовательный круг, из которого она вышла, и окружавшие автора во время его писания, играя и никогда не уставая требовать все нового для удовлетворения и пищи для своего стремления к деятельности и жизни и так образовать из себя свое существо, как эти мальчики могли бы служить поручителями, если бы нужно было внешнее поручительство, в том, что автор писал правду, так они служат порукою, что он напишет правду.

Детский сад
(Детские игры. Устройство детского сада)

Глава I
Основные положения

В изложении самого Фребеля

В настоящее время, в какое бы положение ни был поставлен человек, в каком бы звании и при каком бы роде деятельности он ни находился, везде он принужден, смотря по занимаемому им положению, внимательно относиться к различным явлениям и разнообразным фактам современной окружающей нас действительности. Но если мы отвратим взоры от этих многообразных явлений нашего времени, как бы сильно и настойчиво ни было их воздействие на наш духовный склад, на наше настроение, на нашу жизнь, если мы обратим свое внимание на самый *характер* времени и постараемся окинуть единым взором *целое*, проследить его первопричины и первоосновы, его внутренний дух и цели, то перед нами окажется следующая картина. То, что повсюду сплошь приводит в движение отдельных людей и целые народы, что сообщает эпохе ее характер, ее общий отпечаток, образует дух времени и определяет цель его стремлений, – есть *побуждение,* стремление к развитию, к совершенствованию, к прогрессу, – одним словом, *воспитание, стремление к воспитанию.*

Если мы станем искать внутреннюю первопричину этого стремления, то она предстанет перед нами в виде очень близкого нам, беспрерывно продолжающегося явления, а именно она окажется в круговращении, периодичности и цикличности почти всех явлений в жизни. То, что мы наблюдаем ежедневно в смене дня и ночи, ежегодно в смене времен года, а на нас самих – в смене возрастов жизни, то же самое повторяется и со всем человеческим родом, со всем человечеством, если рассматривать его, подобно *отдельному* человеку, как нечто цельное. И оно точно так же переживает свои «времена года»: в такой же неизбежной необходимости, в строгом порядке и с ненарушимой последовательностью проходят огромные промежутки, эпохи своей жизни, с той только разницей, что здесь промежутки измеряются тысячелетиями, а там – месяцами, неделями, днями…

Естественноисторическое и особенно астрономическое, космологическое истолкование жизни и истории человеческого рода проясняет и потому весьма значительно облегчает нам жизнь и ее понимание, и мы сейчас увидим, как это сказывается в

характере переживаемой нами эпохи, в ее преимущественно воспитательных тенденциях, особенно у людей Запада, а среди них, преимущественно у нас, жителей Германии.

Вся жизнь человека и человечества есть *единая* жизнь воспитания; если мы примем это в соображение, то напрашивается такая мысль: что же это такое, благодаря чему наше время проявляет себя преимущественно перед другими эпохами как время воспитательных тенденций, прогресса человеческого рода, человечества?

В качестве главного основного положения для удовлетворительного решения этого столь важного для нас вопроса является прежде всего следующее. Для человека истинно только то, *что находится в пределах его ясного сознания, что вполне прошло через сознание*, как бы снова возродилось в его душе; и притом именно было опознано снова таким же сознательным путем и не только как нечто единичное, но как живой член известного более крупного целого.

Но что имеет значение для отдельного индивидуума, и прежде всего для отдельного человека, то сохраняет свою силу, как уже было сказано выше, и для всего человеческого рода; и для него несомненно существует и истинно только то, что прошло через *сознание всех*, благодаря чему и сам род человеческий познается и оценивается не только как нечто целое и единичное, но и как составная часть высшего далеко расчлененного целого.

Основательный ответ на вышеприведенный вопрос зависит также и от другого обстоятельства, а именно: эпоху обозначает собою исключительно только такой факт, который наблюдается не только в отдельных лицах, но и в целой массе независимых друг от друга индивидуумов. Поэтому то, что до сих пор действительно *проводилось в жизнь и осуществлялось* в качестве воспитательного мотива стараниями *отдельных лиц и отдельных народов,* а также достаточно *чувствовалось* и другими, было предметом их *стремлений* и все больше и больше доводилось до сознания отдельных индивидуумов, – это должно (по возможности или в соответствующих масштабах) сознательно *проводиться в жизнь и большинством как некоторым духовно объединенным целым, должно отразиться на его настроении и найти себе место в его духовном мире.* Хотя и предыдущие эпохи обнаруживали воспитательные тенденции как в отдельных проявлениях, так и в общей картине жизни, однако у них всегда недоставало или общности, или *ясного сознания* их стремлений. И то, и другое, внутренне соединенное друг с другом, присуще более новому, теперешнему времени и потому преимущественно обозначает наступление нового периода развития человечества и

указывает на воспитательный характер этого периода.

Но то же самое сказывается неопровержимо и с еще большей силой в отдельных требованиях настоящего времени. Вот эти требования, выраженные с полной определенностью:

Во-первых, самоуглубление и самопознание как у отдельных индивидуумов и народов, так и у всего человечества.

Во-вторых, как следствие первого требования, прежде всего у матерей и у всех женщин должна быть возведена в степень ясного сознания та воспитательная роль, которая им предназначена высшим стремлением к продолжению жизни и является для человека инстинктивной.

В-третьих, мы должны признать со стороны сердца и ума особое назначение, а равно и достоинство женщин во всей их совокупности, видя в них не только действительную, но и одинаково важную часть человеческого рода и такую же его половину, как и мужчины; это признание должно быть проводимо в жизни на деле.

В-четвертых, нужно признать равным образом особое достоинство и значение уже за *ребенком* и в соответствующей мере за детской жизнью, рассматривая все это как нечто целое; это признание должно быть проведено в жизнь, действительно пользоваться вниманием и служить руководящим началом.

В-пятых, признание жизни семьи в качестве члена в жизни общины, установление и признание постоянного взаимодействия между ними.

В-шестых, требование сознательного и живого распорядка внутри общины и совместного образа действий ее членов в общественных и государственных, а следовательно, и в социальных и политических отношениях. Эти отношения имеют более внешний характер.

В-седьмых, требование того же в более внутренних отношениях между школой и семьей и между ними обеими и церковью.

В-восьмых, как результат, ясное представление отношения *силы, массы* (материи) и *формы* к *идее*, к *мысли*, вообще к *управляющему началу*.

В-девятых, стремление к всестороннему жизненному единению с *природой*, с *человечеством*, с *Богом*, и это есть главное неопровержимое доказательство истинно воспитательного характера переживаемой нами эпохи…

Таковы наиболее существенные тенденции, которые в жизни современности дают о себе знать не только ясно, но и громко, а равно и те требования новой эпохи жизни, которые настоятельно и неуклонно выступают вперед.

Однако характеристика этого периода как преимущественно воспитательного никоим образом не ограничивается тем, что в нем проявляются налицо вышеупомянутые тенденции, частью отдельно, а частью иногда и в связи между собой, ибо отдельно, а частью и в связи они встречались в разные и даже во все времена. Замечательно и в высшей степени важно для настоящего времени (и этим оно особенно отличается от предыдущих периодов и в отношении к ним характеризуется как преимущественно воспитательное) то, что *все эти тенденции*, чего еще никогда не было в истории, проявляются одновременно и, можно сказать, *почти с одинаковой силой и напряжением*. Далее еще, пожалуй, важнее, еще больше характеризует это время как исключительно воспитательное по сравнению с предыдущими следующее. *Нельзя удовлетворить* ***ни одного*** *из его требований в* ***отдельности****, а необходимо выполнить их* ***все*** *вместе, если нужно осуществить вполне хоть* ***одно*** *из них;* и как раз *это условие* в отношении воспитания, и именно в отношении воспитания отдельного человека, семьи и общины, народа и человечества, – одним словом, в отношении воспитания общества, создает в наше время *истинное* государство, т. е. такое, которое постоянно из себя самого черпает новые юные силы.

Как же выполнить это, по-видимому, столь трудное требование? Как развить эту важную жизненную задачу? Совсем просто: подобно тому как садовник или земледелец ухаживает за своими растениями, придерживаясь во всех отношениях связи с природой, и доводит их до полного развития, выполняя все ее требования, точно так же и мы должны стараться относиться к ребенку и вообще к человеку исходя из *его природы*, его *внутренних законов*, должны развивать его, воспитывать и образовывать в нерушимом единении с жизнью и природой, в постоянной связи с первоисточником всякой жизни.

Такое понимание ребенка и человека вообще и отношение к ним во всесторонней связи с жизнью предполагает самонаблюдение, наблюдение над природой человека и ребенка, вообще наблюдение над всяким его развитием и ростом, где бы они ни обнаруживались. Это является ***первым*** и высшим основным положением и главным требованием при воспитании человека.

Далее, из этого всестороннего наблюдения жизни для необходимого применения его к воспитанию человека и ребенка вытекает еще следующий весьма важный вывод, который имеет существенное значение для решения поставленной задачи. То, что заложено в качестве основы в целом, должно сказываться и в самой маленькой его части; следовательно, также и то, что

заложено в человечестве, как целом, сказывается уже в самом маленьком, в самом молодом из его членов, и далее, что заложено в человечестве, как целом, и проявляется уже в ребенке, покоится в нем в виде субстанции, зародыша, обнаруживается также и в малейшей части его существа, вполне определенно поддается наблюдению в нем духовным зрением. Таково ***второе*** основное положение, на котором основывается истинное воспитание человека и ребенка и которое подвигает вперед разрешение интересующей нас задачи.

Из такого толкования природы человека и ребенка, природы индивидуума как жизни, находящейся вне нас, как и вещей вообще, вытекает далее ***третье*** существенное положение педагогики. Подобно тому как внутреннее развитие, развитие изнутри имеет непосредственную связь с некоторой причиной, действующей изнутри, так и внешнее развитие зависит от некоторого побуждения, действующего извне, и оба эти *равных и противоположных* условия (ибо *всякая* жизнь имеет единое в себе, а следовательно, и равное себе основание) дают вместе с единой жизнью, объединяющей в себе оба условия, известный результат, продукт, в настоящем случае – *воспитанного, образованного человека.*

Поэтому мы должны признать ***четвертым*** законом развития, воспитания и образования следующее положение: *только совместным действием равных и противоположных условий (факторов) и путем уравнений, связи их в жизни и посредством жизни ребенок и человек вообще делаются человеком в истинном смысле этого слова.*

Поэтому сообразно со всеми изложенными положениями первым стремлением, первой нашей обязанностью в настоящее время должно быть следующее. Каждый, кто признает истинным изложенные основы воспитания и образования, должен начать применение и выполнение их прежде всего на себе самом, а затем и на своих питомцах. Особенно необходимо привлечь к этому делу всех воспитателей, в особенности же женский пол – жен и матерей, а также более или менее взрослых их дочерей – помощниц в деле воспитания. По отношению к ним это не представляет никакой трудности: нужно только возвысить их природное стремление, иногда усилить его, затем сделать сознательным, заставить твердо, неуклонно и последовательно проводить его в жизнь и снабдить их всеми необходимыми средствами и способами для правильного выполнения поставленной задачи.

Но было бы опять-таки односторонним, если бы воспитание осталось только в руках одних женщин, на том основании, что по

законам природы женщины – первые воспитательницы человека. Нет! По только что выясненному обязательному закону противоположности обучение, в особенности внешнее, принадлежит также и мужчинам как будущим учителям, защитникам детей, их воспитателям, отцам семейств, руководителям общины и народа; и их содействие в образовании должно начинаться не только в отроческих и юношеских, но уже и в детских годах, чтобы с ранних лет можно было всесторонне подготовлять ребенка к его назначению и чтобы охранять и поддерживать более слабый и более нежный пол в исполнении трудного дела воспитания.

Итак, сообразно с этой идеей целого человек должен быть рассматриваем уже при своем первом появлении на свет как существо двойственное, как два, хотя и противоположных, но в то же время и совершенно равных, бок о бок стоящих пола. Таким образом, к ребенку необходимо относиться, принимая во внимание его чувства и внешнее строение во всей его природе, его тело и душу, его *чувствование* и *существование*, его *понимание*, его *восприятие* и способность восприятия и способность понимания – его рассудок, разум, его *существо*, обнимающее все его качества и все его *духовные силы.* Нужно, следовательно, смотреть на него как на существо, доходящее в своем развитии от простых ощущений до полного сознания, до разумного хотения и действия, следовательно, как на существо, обладающее смыслом, разумное, нравственное и благонравное и потому носящее в себе идею единения жизни, божества, природы и человечества.

Так как всякое истинное развитие и образование, а вместе с тем и воспитание имеют свою основу и источник в чувстве и в ощущении, а также и в предчувствии, следовательно, и сердце, то все это должно находить себе соответствующую пищу уже с раннего детства, уже при первом развитии тела, его членов, чувств и ума ребенка, а для этого необходимо, чтобы ребенок был вводим вместе с тем в область гармонии и созвучия, в область ритмического, мелодического и динамического (ритма и мелодии), а следовательно, в область *музыкальных звуков* (тонов) и *пения*, к которым дети сами, как мы знаем, имеют большую склонность, мало того, даже требуют этого.

Мы наблюдаем, как матери и вообще те, кто ухаживает за детьми, быстро успокаивают ребенка, прибегая к ритмическим движениям (к так называемому пестованию, качанию, к равномерному постукиванию и т. п.), и как ребенок действительно чувствует себя при этом удовлетворенным. А это, по-видимому, находится в связи с биением пульса, следовательно

с деятельностью сердца, и, как обыкновенно думают, связано с местом нахождения наших чувств…

Таким образом, ритмическое движение и гармоническое пение неизбежно принадлежат уже с раннего детства к средствам во всех отношениях удовлетворяющего, а следовательно, и здорового воспитания человека, и мы должны признать, что вышеизложенные строгие требования переживаемой нами воспитательной эпохи могут быть удовлетворены вполне лишь при условии применения и в известной мере пения уже в раннем детстве: оно рано укрепляет в ребенке элемент благородного и делает его еще более восприимчивым в этом отношении. Поэтому-то и первые игры, служащие для развития тела, отдельных его членов и чувств ребенка… по большей части сопровождаются пением. Благодаря этому в область столь важного первоначального укрепляющего и развивающего воспитания ребенка вводится *слово*, способствующее сравнительному мышлению, – этот наиболее существенный элемент в человеческом воспитании, в воспитании человека-ребенка – сначала инстинктивно в виде материнской болтовни, а затем особенно решительно в виде музыкальных звуков песни.

Но при таком всесторонне начатом, проникающем в душу и чувство и требующем ухода только в своих первых зачатках развитии чувств, членов, всего тела и души ребенок нуждается еще и в *предмете*, на котором он мог бы самостоятельно и самодеятельно развиваться далее и полнее; в самом деле, уже очень рано мы наблюдаем, как ребенок для употребления в дело, для укрепления и упражнения силы своих рук и пальцев старается схватывать окружающие предметы, даже что-нибудь у себя самого, например свои щеки и т. д., при этом он сжимает свой большой палец или крепко держит схваченный палец матери и т. д.

Природа, именно природа человека, требует (и это уже рано обнаруживается в ребенке) для проявления находящейся внутри него жизни, для проявления своего внутреннего существа соответствующего образа, т. е. *образа противоположного и равного ему;* это требование, это стремление есть нечто неразрывно соединенное с человеком, неотделимое от его явления и существования на земле…

Если это общечеловеческое требование, стремление не выполняется для ребенка при помощи какого-либо извне попадающегося ему предмета, то он старается удовлетворить этому требованию своей природы посредством своего воображения, своей фантазии. Но образы, созданные таким путем, очень легко заводят человека, и даже уже в раннем

детстве, в область безграничного неопределенного; к тому же таким путем они скорее ослабляют человека, чем укрепляют… Однако далеко не безразлично, а, напротив, в высшей степени важно, какой именно предмет дается человеку или в данном случае ребенку как образ, истинно равный и противоположный его собственной сущности… Обратимся к самому ребенку с этим вопросом и посмотрим, какие предметы выберет он в самый ранний период своего развития в качестве такого внешнего образа своего собственного «Я» и своих стремлений. Самые простые неодушевленные, как мы выражаемся, но в то же время – и это очень примечательно – наиболее тяжелые предметы. Дерево и камни ему больше всего нравятся; мальчики любят носить что-нибудь побольше и потяжелее, и среди таких предметов прежде всего выискивают себе игрушку; точно так же и девочки делают своей любимой игрушкой тяжелую, большую куклу или кусок дерева. Так, одна мать из высшего городского круга, рано наблюдавшая за своей жизнью, сообщила мне, что когда она была девочкой, то любимой ее игрушкой был случайно попавшийся ей тяжелый мешок с песком, так как именно он вызывал в ней представление о весе настоящего ребенка и вводил ее в тот обман, которому она с удовольствием предавалась, воображая, что носит настоящего ребенка…

Итак, предмет должен быть подобием ребенка, т. е. он должен быть замкнутым в себе, носить в себе жизнь, развивать и усваивать ее себе, уравнивать противоположности жизни в своем собственном существе; ребенок ищет такого предмета, который ему противоположен и вместе равен. *Как нечто равное ему,* этот предмет должен быть, **во-первых**, таким, из которого ребенок, как существо, предназначенное для свободного раскрытия своего собственного «Я», мог бы сделать как бы все, т. е. мог бы в нем и под видом его представить самого себя и подразумевать что ему угодно.

Во-вторых, это должно быть нечто ему прямо противоположное, это должна быть *вещь, средство*, тогда как ребенок сам по себе и для себя самого является только чистой целью.

Из этих условий ясен характер первой детской игрушки, и в них с инстинктивной ясностью сказывается также глубокий смысл, с которым ребенок выбирает для своих игр палку, дощечку, кусочек дерева, огромную куклу, тяжелый мешок с песком или, с другой стороны, глину, кучу земли или песка, земляной курган, в котором он с лихорадочным увлечением может зарыться. Ясно также, почему он, однако, в конце концов для наиболее свободного раскрытия своего существа охотнее

выбирает *мяч*, который как известно, является для всего этого центральным и объединяющим пунктом, можно сказать, заместителем всего того, чего ребенок ищет в предмете, служащем ему подобием, для развития и раскрытия своих душевных сил. Мяч соединяет в себе все потребные для этого качества: замкнутость в себе и в то же время способность служить заместителем всех вещей; покой и движение, всеобщность и единство, всесторонность и однообразие поверхности, элементы видимые и недоступные для зрения (например, его середина, ось и т. д.). *Посредством* мяча ребенок может изобразить и вообразить бесчисленное множество образов, которые он носит в себе в виде желаний, идей и мыслей. *С помощью* мяча он может бесконечно подражать всему, что видит вокруг себя. Следовательно, мяч является для него как средством воспроизведения его внутреннего мира, так и средством для ознакомления с внешним миром и подражания его явлениям.

Так можно объяснить появление мяча и ответить на вопрос: почему *мяч* как *игрушка* так дорог для детей? А именно игра для человека вообще и для ребенка в особенности есть *зеркало* его собственного внутреннего и окружающего его внешнего мира, и притом зеркало, необходимое в детстве по самому складу внутренних, а следовательно, свободных побуждений ребенка, требуемое его общим стремлением к жизни и занятиям.

Поэтому мяч есть нечто такое, что, в соединении с наклонностью ребенка к деятельности, благодаря своей бесконечной подвижности и разнообразию своего применения постоянно и всевозможными способами *побуждает* ребенка *к игре,* к свободному отражению своего внутреннего и окружающего внешнего мира, а следовательно, есть его любимая игрушка.

Если мы сопоставим это со сказанным раньше, то легко уясним себе, почему мяч служит для ребенка *самой любимой* игрушкой и в течение всего отроческого возраста в виде разнообразных игр в мяч… Что же касается преимущественно игр в мяч, как самого раннего и первого средства развития ребенка, то по этому вопросу можно взять для рассмотрения только мяч сам по себе в его простом виде и в самых простых отношениях.

Мячом можно пользоваться, не привязывая его или привязав на шнурке, в том и другом случае или в свободном пространстве, или на какой-либо плоской поверхности, двигая его в перпендикулярном, горизонтальном или наклонном направлении. Таким образом, он является то в роли руководителя в области внешнего мира, изображая самые предметы внешнего мира, например котенка, то в роли самого ребенка, изображая его тело и отдельные члены, – можно сказать, в роли обучающего

гимнаста.

Подобно тому как до сих пор мы рассматривали мяч по отношению к его форме и лишь настолько, насколько это касается ребенка и внешнего мира вообще, так точно его можно рассматривать и употреблять в качестве игрушки для ребенка; сам по себе мяч можно рассматривать здесь, во-первых, по отношению к его *величине*, во-вторых, по отношению к его *цвету*, в-третьих, по отношению к *числу*, в-четвертых, по отношению к *материалу*, из которого он сделан, и, наконец, в-пятых, по отношению к его *твердости*, или *упругости*; а благодаря этим последним качествам при падении его на соответствующую поверхность его можно, пожалуй, рассматривать и по отношению к производимому им *звуку*.

Во всех этих условиях мяч вступает во все новые и новые отношения к ребенку, и здесь сказывается его всеобъемлющая применимость в качестве постоянного, безусловно безупречного средства воспитания, образования и истинного средства развития ребенка.

…Сообразно со своей природой и инстинктивно ребенок в дополнение к познанному им *отдельному* ищет *множественности*… Но это несознательное стремление ребенка в его инстинктивных поисках множественности необходимо развить уже в раннем периоде детства, подобно тому как садовник способствует развитию цветов в растении, сделать его сознательным, что очень важно в педагогическом отношении, ибо иначе поиски множественности могут выродиться в грубое стремление к приобретению и в необузданное требование обладания.

Но ребенка не удовлетворяет простая однообразная множественность как таковая, ибо ребенок во множественности уже с ранних пор ищет *объединяющего ее единства.* Это единство должно бросаться ему в глаза при изучении множественности как видимая связь всех разнообразных ее элементов. Наиболее удовлетворительно достигается это, когда мы имеем дело с мячами одинаковой величины и материала, с помощью *цвета*, а именно с помощью расцвечивания их в *шесть* наиболее чистых цветов радуги (с различением светло– и темно-голубого цвета – в *семь*) – голубой, зеленый, желтый, оранжевый, красный и фиолетовый, – которые, представляя собой удивительно замкнутое в себе единство… олицетворяют в радуге образ внешнего мира, мира между небом и землей, Божеством и человечеством… Ребенку даются в качестве игрушки постепенно то поодиночке, то в различных комбинациях шесть мячей, окрашенных в шесть упомянутых цветов, каковые ребенок всегда

и принимает с удовольствием даже и поодиночке, а с еще большим удовольствием в соединении по *два*, например два мяча противоположных цветов – красный и зеленый, голубой и оранжевый и т. д., еще лучше в соединении по *три*, например трех главных цветов – красный, голубой и желтый или трех промежуточных или смешанных цветов – фиолетовый, зеленый, оранжевый. Точно так же возможно с помощью простого и столь естественного соединения двух, трех, четырех и т. д. мячей в одну плотно сомкнутую массу сообщать ребенку при угадывании известной формы и понятие о различном числе… С возрастанием ребенка сюда присоединяется также понятие о величине, *твердости* и *упругости* (эластичности), а также о способности мяча при падении на что-либо свободное, но прочно стоящее, например на поверхность стола, издавать *звук*.

…Мы с умыслом останавливаемся так долго на доказательстве того, что мяч есть действительно первая детская игрушка, так как именно это положение весьма часто оспаривалось; по крайней мере, находили односторонним и странным стремление восстановить старые права мяча в роли первой детской игрушки.

Но как для развития тела и мышления, точно так же мяч в высшей степени важен и для развития сердца, чувства и характера, важен и как средство охранения доброй нравственности, как талисман, так как, предоставляя детям свободно и всесторонне пользоваться мячом, мы избавляем их от дурного расположения духа и спасаем от всяких нравственных недугов, вытекающих из последнего источника. То же происходит и в отношении всякого рода неумеренных желаний и страстей, так как игра в мяч ничуть не способствует их проявлению и развитию, а, напротив, поддерживает в ребенке желание деятельности и занятий сообразно с основными свойствами его природы, развивает в нем это желание в согласии с законами его собственной жизни и придает ему определенные формы.

…Прямой и равной противоположностью *мягкому мячу* является *твердый, плотный шар*; поэтому он и должен быть по простому и естественному ходу развития следующей потребной для ребенка игрушкой.

Поверхность шара более правильная и гладкая, и потому он легче приводится в движение, чем мяч; с другой стороны, он тяжелее мяча и потому более устойчив и яснее держится там, где он раз остановился, но вследствие своей большей тяжести он требует от ребенка и более развитой силы и ловкости в обращении с ним. А подобно тому как шар предполагает большее развитие силы и ловкости, точно так же при употреблении его

слышится, правда, и больше шума и стука, чем простых звуков, что обусловлено как его большим весом, так и большей силой, с которой приходится им действовать. И то, и другое в игре с шаром доставляет детям удовольствие, так как является доказательством укрепления и увеличения их силы.

…*Шар* именно есть спутник мяча в детских играх, но он ни в коем случае не вытесняет мяч, как достаточно уже ясно из предыдущего, а сообща с ним способствует дальнейшему развитию ребенка.

Поэтому необходимо здесь же раз навсегда выставить еще одно положение, не менее важное, чем предыдущее, а именно, что каждая игрушка, каждое средство забавы, словом, все *следующие игры никогда не исключают употребления предыдущих игр*, но пользование одной из них только подчеркивается, выясняется и т. д. благодаря другой. Применение в игре шара… имеет много аналогичного с играми в мяч, с той только разницей, что движения при игре с шаром резче и определеннее, чем при игре в мяч. Чтобы заставить шар двигаться на нитке или на шнурке, нужно только приделать к нему *ушко* из проволоки.

Итак, шар предназначен для того, чтобы во время игры и посредством игры развить в ребенке способности наблюдения и представления и даже… его характер, и притом незаметно для него самого. Благодаря разнообразному катанию и вращению шара он наподобие обучающего гимнаста (это выражение мы употребляли уже по отношению к мячу) способствует также развитию тела и отдельных членов ребенка. Для того чтобы избежать повторения в будущем, заметим раз и навсегда при рассмотрении этой игры, что слова в речи, разговоре и пении, а также в стихах и маленьких рифмованных песнях, конечно, с соблюдением подходящей для детского развития формы, соответствуя развитию головы и сердца ребенка, его мышлению и чувствованию, уму и характеру, должны с ранних лет прокладывать первый путь к воспитанию в человеке стремления к всестороннему развитию его личности…

Отметим еще как нечто существенное при игре с шаром, что, подобно тому как при играх в мяч цвета, подобно радостям жизни, образуют общую связь для множественности, такую же роль при игре с шаром играют, подобно светлым и темным сторонам жизни, смене дня и ночи, белые и черные шары, противоположные полюсы, крайние пункты цветного круга, которые с одной стороны или на одном полюсе разрежаются в светлый и белый цвет, а на другом – как бы сгущаются в темный, черный цвет.

…Посмотрим теперь, каков же должен быть безусловно

необходимый переход к следующей игрушке.

Шар имеет одну поверхность, и он, следовательно, – круглый. Противоположное ему тело должно быть ограничено прямыми и иметь несколько плоскостей. Шар не имеет ни углов, ни ребер. В противоположном теле должны быть и углы и ребра. Таковы *противоположные* качества следующего за шаром предмета для игры. Теперь перейдем к качествам *одинаковым*: шар имеет три друг другу равных и пересекающихся под прямым углом направления, или оси, а эти оси должны выступать ясно и определенно, если тело, как шар, находится в состоянии покоя. Они должны заключаться и в необходимом ближайшем предмете для игры, как качества, *одинаковые* с соответствующими качествами шара, вместе с упомянутыми *противоположными* качествами. Но таким условиям может удовлетворять исключительно только *куб* или шестигранник. Следовательно, кубик и должен бесспорно и необходимо быть третьим развивающе-воспитывающим спутником детских игр.

Сообразно с большим числом его качеств в сравнении с простым круглым шаром и применения кубика в игре также более разнообразны. Кубик, имеющий плоскую поверхность и находящийся всегда в состоянии устойчивости, является для ребенка чем-то противоположно-равным круглому и легко приводимому к движению шару… Через посредство своей *формы* он приводит прежде всего к усвоению понятия о форме тел и к познанию ее условий, сторон, граней и углов (поверхностей, линий, точек) и их различных взаимных отношений по форме, положению и величине.

…*Кубик* вводит, **во-первых**, в познание формы и величины, а **во-вторых**, таким же самым постоянным и самым натуральным способом в понимание числа и его отношений, и потому этот способ ребенку наиболее приятен и наиболее доступен для чувственного восприятия. Сам кубик оказывается при этом благодаря всевозможным числовым соотношениям, представляемым его сторонами, гранями, точками, углами и т. д., похожим на своеобразного учителя арифметики. Но здесь необходимо также указать на собственное наблюдение детей; однако еще более, даже исключительно это необходимо при следующем, **третьем** способе рассмотрения кубика.

Здесь он в своих *различных положениях и разнообразными движениями своими представляет нам целый ряд самых различных и своеобразных явлений;* эти игры ввиду разнообразия их, особенно если ребенок играет в одиночку, способны целиком и полностью *захватить* его. А в своем высшем значении эти игры также весьма важны для ребенка: они обнаруживают и

доказывают, что человек создан для исследования и что в нем он должен упражняться уже с детского возраста; в самом раннем возрасте ребенок должен уметь отделять кажущееся от действительно существующего.

…Точно так же, **в-четвертых**, кубик вводит ребенка понятным для него способом посредством давления, оказываемого им на руку, посредством поднимания и опускания его на нитке в основные понятия физики и механики, науки о движении.

Наконец, **в-пятых**, посредством фантазий ребенка, видящего в кубике то квадратный камень, то тюк товара, то обрубок дерева, то каменный садовый стол, то деревянную кадку в оранжерее и т. п., он знакомит ребенка с самой жизнью и встречающимися в ней предметами.

Здесь напрашивается само собой одно замечание, касающееся детских игр вообще; его следовало бы сделать, может быть, и раньше и потому больше нельзя уже обходить молчанием, так как оно чрезвычайно важно для всей совокупности детских занятий и для суждения об отношениях ребенка как чувственно-мыслящего существа к предмету его игры, к самой игре, к *чувству удовлетворения* этой игрою. Это замечание следующее: чувство удовлетворения у ребенка при игре и чувство удовольствия, вызванное ею, собственно имеют ближайшую связь ни в коем случае не с самим предметом игры и его внешней формой, точно так же отнюдь не с его собственной ценностью и обнаруживающимся уже его применением, но, скорее, с тем, что ребенок может изобразить посредством данного предмета, с тем, что он может *представить* себе, *духовно созерцать, мыслить* под тем или другим внешним образом и в связи с ним. Следовательно, и это крайне важно в детских играх – с тем, что во время игры и при игре происходит в душе ребенка, что пробуждается игрою внутри него и получает дальнейшее развитие и форму в течение игры. Вот что доставляет ребенку *удовольствие* в игре, обусловливает его *удовлетворение* ею, а отнюдь не предмет игры сам по себе. Поэтому из всех предметов детских игр, каков бы ни был их внешний вид, наибольшее удовольствие доставит ребенку тот, посредством и с помощью которого он сможет создать и реализовать наибольшее число образов, т. е. сумеет вызвать в себе наибольшее количество вполне удовлетворяющих его представлений, живых образов и фантазий, и притом настолько живо, как будто бы он созерцал их действительно внутри и вне себя, хотя бы в самых несовершенных очертаниях и формах. Это созерцание и действительное представление вещей вне себя, даже в очень несовершенном виде,

и есть именно то, что придает игре и связанной с ней игре фантазии столь высокую, исключительную ценность…

…То, что сказано здесь по поводу кубика, могло бы быть сказано также и по поводу рассмотренных уже раньше способов воспитания детей, равно как и при обзоре всех следующих способов ведения игр и занятий… ибо это и составляет именно ту душу, которая живет в целом и которой это целое обязано своим существованием, своею жизнью и дальнейшим развитием.

…*Закон посредства есть важнейший закон* Вселенной и человечества и, вообще, закон *жизни*; а ребенок как член человеческого рода и вместе с тем частица общей жизни должен рассматриваться с ранних пор в полном соответствии с высшими и всепроникающими законами жизни, должен сообразно с ними развиваться и воспитываться. Но ребенок к тому же сам по себе есть сама жизнь, а его игры и занятия – выражения этой жизни; поэтому и посредство в его играх, в приемах и способах их ведения должно являться необходимым и вместе с тем вполне естественным. Доказательство налицо, при ближайшем же предмете игры.

Шар и кубик представляют собой прямые противоположности: они относятся друг к другу как единство и множество, особенно же – как движение и покой, как круглое и прямое. Но закон посредства требует для обоих этих противоположно-равных тел и предметов игры чего-нибудь *посредствующего* между ними, а такой промежуточной стадией между ними является *каток*: он соединяет в себе замкнутое *единство*, представляемое его круглой поверхностью, и *множество*, выраженное в обеих плоскостях. Основание его – поверхность катка – в первом случае (при единстве) выражает *движение*, во втором случае (при множественности) – *покой*, соединяет в себе прямое и круглое.

Таким образом, *каток* есть *пятый* предмет для детских игр, и жизнь ребенка, особенно на лоне природы, подтверждает истинность и справедливость этого его назначения; стоит только посмотреть, как охотно дети играют с каткообразными или круглыми деревяшками, с так называемыми городками, а особенно с отпиленными от них более короткими и более похожими на диск кружками, что в сущности одно и то же, так как и последние катятся к своей цели, более по прямому направлению.

…Однако необходимо сделать замечание иного рода, имеющее существенное значение: *шар, каток* и *кубик*, как противоположности со своим посредствующим элементом, являются в игре, подобно упомянутым выше двум тройкам мячей, замкнутым в себе целым, и в своей совокупности, напоминающей

семью, образуют *второй дар игры*. Позже мы даем руководство для дальнейшего применения их в играх.

Здесь же я позволю себе сделать только одно небольшое указание на отношение этих первых предметов детской игры к более широкому кругу явлений общественной жизни и сферы искусства. *Кубик, каток* и *шар*, как нераздельная троица, указывают на другую троицу в области архитектуры: колонну с *пьедесталом* (кубик), *столб* (каток) и *капитель* (шар)…

В чем же заключается сущность рассматриваемых нами до сих пор средств для игры? В том, что каждое из них, каждый предмет игры был всегда отдельным, замкнутым в себе, нераздельным целым, и только в конце концов в заключение собственно наших рассуждений мы видим, что три отдельных предмета по их взаимным отношениям друг к другу могут в свою очередь образовать нечто целое, единое в себе, как раньше мяч, но в противоположность ему – целое, состоящее из отдельных *частей*, которые относятся между собою и к целому так же, как отдельные *члены* к единому в себе целому.

Но к тому же приводит нас и материнский инстинкт: мать старается успокоить своего трудно поддающегося успокоению ребенка, предоставляя в его распоряжение массу вещей. Точно так же и ребенок инстинктивно старается забрать побольше предметов, которые можно соединить между собой; причем предметы, поддающиеся разъединению, он охотно делит на части и эти части с удовольствием рассматривает в одиночку, отдельно от остальных.

С этим врожденным влечением ребенка к разделенному и расчлененному целому и с требованием, выставленным для следующего дара игры уже в конце употребления второго дара, как такого целого, состоящего из различных членов, согласуется также и закон прогрессирования средств для игры. Этому закону удовлетворяет кубик, однажды разделенный по линиям, проведенным посредине каждой из его граней, и соединяющий в себе таким образом противоположности *единства* и *множественности*. Таким образом прежний целый кубик оказывается разделенным на *восемь* совершенно равных частичных кубиков и этим как бы говорит: форму *куба* очень важно наблюдать в жизни, и вот перед вами *восемь* совершенно равных между собою частичных кубиков.

Представляется поистине волшебным, как это восемь таких простых кубиков, из которых каждый обнаруживает точно то же, что и всякий другой, так сильно привлекают внимание детей, и притом уже с двухлетнего возраста; каким образом эта совсем простая игрушка с ее постоянной, неизменяемой формой и

внешностью, с ее постоянно сохраняющимся числом оказывается действительно приятной, искренно дорогой и ценной для детей, обладающих свойством постоянно стремиться к чему-нибудь иному и новому; с каким удовольствием они усваивают это маленькое число постоянно одних и тех же спутников своих игр, подобно тому как сказочный мир свыкается со своими маленькими гномами именно потому, что они ко всему приспосабливаются, все могут сделать, везде готовы помочь.

…Мяч, каток, кубик, возбуждающие наиболее недоброжелательства против всего нашего способа понимания и толкования детского возраста, наиболее оспариваемые нашими противниками средства для игры, а вместе с ними и наши восемь простых одинаковых кубиков… ведут наиболее удовлетворительным путем к упражнению в упомянутом величайшем искусстве жизни. Ведь именно они в своем постоянном и резком внешнем разделении, о котором мы говорили, культивируют и развивают искомые качества и притом, как показывает жизнь многих сотен детей, посвящающих себя этим занятиям, самым нежным, осязательным, теплым, чистым и строго единым способом. Это самое разительное доказательство приемлемости и глубокой обоснованности отстаиваемой нами *идеи* истинного воспитания человека: именно то, что они должны были обнаружить по своей *незначительности*, поднимает их значение на недосягаемую высоту. Такое же значение имеет и упрек в том, будто дети во время занятий фребелевскими играми во фребелевских детских садах бывают слишком серьезны и не проявляют ни веселой развязности, ни улыбки в выражении лица. Но жизнь со своей глубокой серьезностью должна быть понята ими как можно раньше, особенно в теперешнее время. Разве не говорит нам один из наиболее прославленных педагогов – Жан Поль: «Игра для ребенка имеет величайшую серьезность; он занимается ею точно каким-нибудь делом, какой-нибудь работой, она побуждает его к мышлению, приводит в действие его чувства и волю, затрагивает его характер, ум и поступки».

Наслаждайтесь же, дети, фребелевскими играми: они обеспечивают вам величайшее сокровище в жизни – единую в себе жизнь; они обеспечивают вам разумную жизнь, оправдывают чаяние вашего сердца и укрепляют таким образом в вас спасительную веру в единое, вечное, невидимое и доброе начало – Бога. При всех проявлениях вашего обобщающего мышления, достойного *единого* духа, при ощущении изящной *формы* ваших живых впечатлений и ясной мысли в жизни Бог будет с вами.

Глава II
Жизнь ребенка

Первоначальная деятельность ребенка

Подобно спелому *семени*, выпавшему из породившего его растения, новорожденное дитя носит *жизнь* в себе самом и, подобно семени, своею собственной *самодеятельностью* развивает жизнь из себя… точно так же *действия* и *поступки*… являются внутренними, имеющими целью посредством внешнего проявления обнаружить эту внутреннюю деятельность.

…Действия и поступки, неразрывно связанные с *ощущением* и *восприятием*, указывающие на дремлющее самоуразумение и самовосприятие, равно как и на зарождающееся самообладание – вот раннее проявление жизни у ребенка, проявление человеческого существования в детском возрасте.

В этом совершенно своеобразном способе деятельности, проявляющейся у ребенка уже по истечении первой так называемой дремотной четверти года, в совокупности тех проявлений первого детства, каковые удобнее всего охватываются словом *«заниматься»*, в стремлении ребенка *занять себя*, пробуждающемся вместе с первыми проявлениями внутренней жизни у ребенка, т. е. в стремлении, наряду с *ощущением* и *восприятием* жизни, *деятельно* относиться к ее возрастающему развитию, – вот в чем заключается *сущность человека* как творения, предназначенного к самопознаванию и впоследствии к самосознанию, выраженная в довольно определенно, хотя первоначально слабо и смутно сказывающемся стремлении к наблюдению и уразумению окружающего. Как мы уже узнали с самого начала, именно в правильном понимании детской склонности к занятиям и в надлежащем уходе за нею, в охранении и предохранении детских занятий получается полное удовлетворение для человека уже с самого раннего детства…

Поэтому к уходу за детскими занятиями, к охранению первых занятий ребенка должно направляться и из него должно исходить все, что полагается делать для истинно ч*еловеческого* развития ребенка, для всесторонне-удовлетворительного его воспитания; ибо склонность к занятиям находится в соответствии с триединым проявлением человеческой деятельности – в виде *действия, ощущения и мышления*, вполне соответствует его природной способности *мочь, понимать, воспринимать*, опознавать себя, все более и более сознавать и определять себя;

таким образом, *благодаря* склонности к занятиям, в ребенке заключен весь человек, а с ним и все *человеческое*, сама жизнь.

…Человек сначала почти ничего не может сделать без помощи извне; следовательно, ничего в его жизни не делается без препятствий, всякое действие требует напряжения и перевеса сил, прилагаемых изнутри, над внешними препятствиями (обратное показывает нам, например, только что вылупившийся из яйца утенок, который уже плавает на воде); поэтому все внешнее требует со стороны человека преодоления, как известное стеснение его деятельности; даже в период *преобладания беспомощности* внешнее требует преодоления и притом исключительно только внутренним *увеличением* и внешним усилением и умножением силы посредством свободной *деятельности воли.*

Это внутреннее *самовозрастание силы,* вытекающее из свободной деятельности воли, и обусловленное им увеличение и умножение внешних ее проявлений составляют, таким образом, громадное преимущество человека над животным, и тем более еще, что человек рождается в состоянии высшей беспомощности.

Беспомощность и собственная воля (собственный смысл) делаются поэтому скоро крайними пунктами, противоположными точками (полюсами) в жизни ребенка, для которых центральным пунктом, пунктом объединения, а следовательно, и уподобления является самодеятельность и свободная деятельность, *занятие*, самозанятие. В этом заключается для педагога и воспитателя человека ясный и верный ключ к пониманию внутренней и внешней жизни детей и юношества и ее часто трудно объяснимых и с трудом поддающихся толкованию и устранению явлений. Этим путем открывается для воспитателя свободный доступ для проникновения в светлые и темные стороны детской и юношеской жизни, для понимания ее часто противоречивых на первый взгляд явлений. В самом деле, на почве стремления к деятельности и занятий, основанных на самодеятельности… получается скоро постепенное *привыкание* к ним, образуется *привычка* (часто инертность, вялое к ним отношение)…

Поэтому изучать в ребенке привычки и навыки, приспособления, в особенности по отношению к их причинам и следствиям, для воспитателей так же важно, как и изучать и воспитывать в нем стремление к занятиям…

Подобно тому как из свободной деятельности и самодеятельности ребенка получается привычка, точно так же из этой последней развивается *подражательная деятельность, подражание;* и ее также не менее важно не оставлять без рассмотрения, как и явления привычки, приспособления и

самодеятельности (при уходе за детьми); ибо мы видим, что внутренняя, духовная жизнь ребенка проявляется в явлениях трех родов – *свободной деятельности, привычке и подражании,* – образующих собою триединое замкнутое в себе целое. Эти три явления являются с раннего возраста тесно соединенными между собою в жизни ребенка и дают нам в высшей степени важные о ней сведения…

Изучение окружающего, самостоятельное восприятие внешнего мира и игра, самостоятельное действие, исходящее из внутренних побуждений, проявление своей внутренней жизни являются, таким образом, первыми самостоятельными занятиями ребенка, если его телесные потребности удовлетворены и если он чувствует себя здоровым и сильным…

Таким образом, мы видим, что человек благодаря этим трем видам своей деятельности рано постигает свое назначение. Точно так же в них разрешаются и все явления его будущей жизни, в них заключается как бы триединый относительный и центральный пункт всей жизни.

Но для достижения своих целей и выполнения своего назначения на земле человек наделен, с одной стороны, *чувствами*, органами для перевода внешнего мира внутрь себя, а с другой – силой телесной и *членами* для того, чтобы представлять свой внутренний мир вне себя… наконец, для того, чтобы постигать духовное единство, человеческое *существо* является в виде способного к предугадыванию и единого *чувства*, поскольку оно является и воспринимающим и объединяющим в себе *духом*.

Поэтому отсюда само собою ясно, насколько… важно… для ребенка воспитание его тела и чувств; но так же точно и в отношении духовной, сравнивающей и объединяющей его деятельности…

Не говорите мне, возлюбленные родители и воспитатели детей: «Как могут быть заложены в жизни особенно только что упомянутые духовные направления и отношения в жизни ребенка, рождающегося таким бессознательным и беспомощным?» Конечно, они заложены в нем со дня рождения, и если бы не были заложены, то их нельзя было бы и развить в нем; на том, что они в нем заложены, основана любовь к детям у высшего Друга детей, его суждения о них, его *сопоставление их с собою,* его требования *для них*. Если бы они не были в нем заложены, то и материнское чувство, обладающее способностью непосредственного познавания, не стало бы смотреть на ребенка с первого момента его появления, его существования как на существо, наделенное пониманием, восприятием и волею, и он в таком случае никогда

не мог бы сделаться собственностью и плодом жизни матерей; ибо, где нет предрасположения к чему-либо и зародыша чего-либо, там это что-нибудь никогда не может быть вызвано и явиться.

Итак, смутное предчувствие сознательной жизни внутри себя и жизни вокруг себя, основанное на этом упражнение собственных сил, испытание этих сил и вытекающее отсюда сравнение, упражнение своей самостоятельности, испытание ее и вытекающее отсюда сравнение – вот самый крайний пункт и наиболее глубокое основание всех явлений в первый и наиболее ранний период жизни ребенка, основание первых шагов его деятельности.

Поэтому дадим ребенку, как только пробудится его самостоятельность и самостоятельная деятельность, пробудится в нем способность распоряжаться своими членами и чувствами, как только он станет свободно двигать своими ручонками и ножками, воспринимать звуки, различать их и направлять свое внимание, свои взоры туда, откуда они идут, – дадим ему тогда такой предмет для его пробудившейся самодеятельности и самостоятельной деятельности, который сам выражает собою самостоятельность и в то же время подвижность, который может быть охвачен, понят ребенком в этой его самостоятельности и подвижности, в котором, как и в собственной душе ребенка, таится единство всякого многообразия, которое бросается ему в глаза в его новом положении в жизни, в котором он, хотя бы еще и совсем бессознательно, может видеть, как в зеркале, собственную, скрытую в нем самом, самостоятельную и в то же время подвижную жизнь, равно как может упражнять и испытывать ее. Таким предметом, как уже было сказано ранее, оказывается *шар* или, скорее, *мяч*.

Глава III
Мяч

Первая детская игрушка

…Каким же образом следует рассматривать и применять мяч прежде всего для первоначального общего укрепления ребенка, для первоначального упражнения его телесных сил, для развития деятельности его членов и чувств, а также для пробуждения и поддержания внимания и свободной самостоятельности ребенка?

Совершенно согласно с природой самого мяча и потребностями ребенка.

Однако посмотрим, с каким удовольствием маленький ребенок все обнимает и забирает в свои руки и, если нет под рукой ничего другого, то хватает свой собственный большой палец, свою собственную другую руку, кулак. Обратим также внимание и на то, что, наверное, заслуживает самого серьезного к себе отношения, а именно на то, как каждая рука в отдельности и обе вместе устроены как бы специально для того, чтобы обнять собою, заключить в себе шар или мяч…

Поэтому давайте с ранних пор малютке мячик в его маленькую ручку сначала хотя бы просто для того, чтобы он его обхватил, схватил, как бы для того, чтобы положить на него свои маленькие пальчики, как обручи, с целью уразуметь его круглую форму и научиться таким образом *владеть им,* держать его, удерживать его в своей руке.

Уже этим способом с ранних пор укрепляются у ребенка мускулы пальцев, кисти руки и всей руки, а также происходит надлежащее развитие и усовершенствование руки и пальцев, прежде всего в целях самостоятельного обращения с самим мячом, а потом и в целях правильного и надлежащего обращения с другими вещами. А всякому известно, что в жизни человека и уже с детского возраста многое зависит от надлежащего понимания всякой вещи и правильного обращения с нею как в прямом, так и в переносном, фигуральном смысле. Поэтому для будущей жизни ребенка в высшей степени важно, если он с ранних пор научается действительно всесторонне обращаться хотя бы с одним отдельным, находящимся вне его предметом.

Чтобы мяч представлялся для ребенка, уже достигшего потребной для этого степени развития, предметом отдельным, вторым в сравнении с ним самим, для легкого достижения этого необходимо, чтобы ты, любезная мать, и вы, любезные

воспитатели ребенка, сначала привязывали на шнурок тот мячик, который вы дали в руку ребенку, и тянули бы за шнурок вверх потихоньку, но все-таки так, как будто бы вы хотели взять мячик из его руки… Чувство, испытываемое при проявлении своей силы, а равно и перемена движения скоро станет доставлять удовольствие ребенку, а упражнение с рукой сообщит ему и его руке некоторую долю ловкости.

В этом, любезная мать, заключается самое начало твоей игры с твоим дорогим малюткой при помощи мяча. А из нее сейчас же вытекает другая, совершенно новая игра, имеющая для ребенка значение чего-то совсем нового – стоит только мячу при соответственном потягивании и поднимании его на шнурке выскользнуть из его ручки. Тогда мячик начнет свободно качаться перед глазами ребенка как самостоятельный предмет, и в ребенке зарождается благодаря этому новое чувство, новый способ восприятия предмета как чего-то ему вполне уже знакомого, изученного им и совершенно самостоятельно ему теперь противостоящего… Посредством повторения этой игры в нем укрепляется, усиливается и уясняется чувство, так глубоко пронизывающее всю жизнь человека, а потому и столь важное, лежащее в его основе восприятие *нераздельного, единого и отдельного, одинокого* существования, восприятие *обладания* предметом *в настоящем и в прошлом*…

Из представления присутствия и исчезновения предмета для ребенка скоро развивается представление обратного появления предмета вновь… из представления обладания в настоящем и прошлом – представление обратного овладевания предметом. И таким образом, представления *бытия, обладания и нового бытия, нового обладания* являются, с одной стороны, самыми важными представлениями для всей человеческой жизни в их следствиях, а с другой – самыми первыми, наиболее темными представлениями, которые возникают в ребенке вместе с появлением его на свет.

Из них и притом одновременно с ними развиваются у ребенка три крупных вида восприятия – *предмета, пространства* и *времени*, которые сначала покоились в душе ребенка в совокупном восприятии. Точно так же далее, из восприятий существования, обладания и возникновения в отношении к пространству и предмету и в связи с ними развиваются новые восприятия – *настоящего, прошедшего* и *будущего* по отношению ко времени. И именно все эти девять восприятий, которые открывают ребенку двери в новую, предметную (среди предметов) жизнь, раскрываются наиболее ясно на одном-*единственном* мяче и при помощи *постоянной* игры с ним.

…От уразумения сущности – бытия, обладания и возникновения – предмета, пространства и времени, а также от правильного толкования и изучения настоящего, прошедшего и будущего для человека не только зависит будущее, предстоящее ему выполнение его назначения на земле, но и сам человек затрагивается таким образом уже в детстве во всех проявлениях своего триединого существа и в совокупности всех его природных укладов (способностей), которые получают в нем расчленение сообразно с его сущностью. Чем больше вы выясните себе это, родители и воспитатели детей, чем более определенно будете применять это при вашем уходе за детьми, тем продуктивнее будет ваша воспитательная работа.

…Мы же желаем и стараемся добиться, чтобы образ действий, на который вполне правильно нападает природное материнское чутье, был вполне выяснен, *подвергнут систематическому постоянному совершенствованию*…

Таким образом, мать, руководимая своим человеческим материнским инстинктом, если ей приходится что-нибудь делать с ребенком, – немое само по себе действие… соединяет, почти без исключения, со знаком, выражающемся в звуке, невидимом и исчезающем уже при самом его возникновении, а именно *со словом.*

Из соединения противоположностей и из двойственности предметов – немого и звучного, постоянного и исчезающего, видимого и невидимого, телесного и неуловимо воздушного – для ребенка, который в свою очередь заключает в себе, в своем единстве элементы этой двойственности, в результате открывается возможность *духовного познания предмета,* запечатления его в душе, сознания предмета, и таким образом в ребенке развивается сознание вообще.

…Одухотворяющее слово, по крайней мере одухотворяющее пение, принадлежит к числу самодеятельных занятий ребенка, а следовательно, должно входить и в его игры… хотя, конечно… о понимании слов языка со стороны ребенка при этом не может быть и речи, так как для этого у него еще недостаточно развито как общее чувство слуха, так особенно и необходимое для этого чувство специального слуха.

Каким же образом приобщить к игре это сопровождающее ее слово, этот, можно сказать, язык детских игр?

Это должно сделать как можно более по-детски, по возможности таким способом, который наиболее соответствует обращению матери с ребенком и характеру самой игры; настолько по-детски, чтобы мать создавала слова этого языка в самый момент их употребления в игре с ребенком, каждый раз,

как бы даже совершенно бессознательно, черпала их из своей души и из жизни, чтобы этот язык исчезал вместе с произнесением каждого слова; ибо он должен выражать высшую индивидуальную жизнь матери, испытываемую ею непосредственно в момент общения с ребенком; поэтому его невозможно закрепить и представить на письме со всей его своеобразностью, со всей его пробуждающей и питающей молодую жизнь полнотой, вызываемой мгновенным душевным возбуждением, единством настроений, взглядом, движением, звуком, в особенности пением и т. д.

Однако, чтобы нам все-таки по возможности всесторонне сговориться с любезными и дорогими воспитателями, мы позволим себе, по крайней мере, одно замечание.

Как только у ребенка немножко разовьется способность речи, мы начинаем замечать, как он в движении и на самом процессе движения, которое обращает на себя его внимание, старается различить какой-нибудь звук и затем старается подражать ему звуком своего голоса… Так, мы должны обратить внимание на то, что ребенок начинает пользоваться языком в своих обозначениях: словами «тик, так» он улавливает, выражает и запечатлевает преимущественно *телесную* сторону движения; словами же «бим, бом» истолковывает у себя в душе, если можно так выразиться, движение со стороны возбуждаемого им *чувства*; появляющимися позже в его обиходе словами «туда, сюда» он запечатлевает движение преимущественно как объект сравнения, познания, и притом в начале своей мыслительной деятельности запечатлевает преимущественно *духовно*.

…Мы возвращаемся снова к нашей игре, предугадывая наперед глубокое значение ее.

Мяч, привязанный на шнурке, после легкого, но постоянного напряжения нити ускользает из руки ребенка, и мать произносит слова: «Бим, бом; бим, бом!» – «Тик, так!» – «Туда, сюда; туда, сюда!», – обозначающие движение мяча.

Уже эта совсем простая игра благодаря единению звука, слова и кое-чего другого допускает некоторое видоизменение: «Смотри, детка, вот мячик: туда, сюда; туда, сюда!» (См. рис. 1 и 2 на с.165.)

Мяч висит покойно: «Вот висит мячик!»

Мяч медленно поднимается и опускается на шнурке со словами: «Вверх, вниз; вверх, вниз!» (См. рис. 5, 6.)

Мяч заставляют качаться *через* какой-нибудь предмет, например, через подставленную поперек другую руку, и при этом говорят: «Там, здесь; там, здесь!», «По ту сторону, по эту сторону!» (См. рис. 3, 4.)

Или шнурок, на котором висит мяч, значительно удлиняют, так, что мяч начинает качаться медленно, то приближаясь к ребенку, то удаляясь от него. При этом говорят: «Близко, далеко; близко, далеко!», или «Вот мячик подходит к нам, а вот уходит от нас!», или же в совершенно общих выражениях: «Вот подходит, а вот уходит!»

Обозначая медленность движения, говорят по слогам: «Мед-лен-но, мед-лен-но!»

Придавая мячу вращательное движение в свободном пространстве, говорят: «Кругом, кругом!», «Направо кругом, направо кругом!», «Налево кругом, налево кругом!» (См. рис. 13, 14, 15.)

Или, играя с мячом на глазах у ребенка на какой-нибудь неподвижной поверхности, например на столе, и заставляя его падать постоянно на одно и то же место, говорят: «Тап, тап, тап!»

«Тап, тап, тап!» – говорят, заставляя мяч падать на разные места поверхности, в особенности по прямой линии. (См. рис. 7.)

«Скок, мячик, скок!»; «Вот теперь мячик прыгает!»; «Скок, скок, скок!» – так говорят, заставляя мячик быстро падать на стол и в силу своей упругости снова отскакивать от него. (См. рис. 9.) Или оказывают ему при обратном движении особую помощь, быстро и коротко оттягивая или отдергивая его за нитку, и при этом говорят: «Высоко прыгает мячик!»; «Мячик уже не может больше прыгать: он устал, ложится спать!»

Подбрасывая быстро мячик со стола на какой-нибудь предмет, например на его собственный ящичек (футлярчик), говорят: «Гоп, наверх!» – или, быстро перебрасывая его или заставляя его перепрыгнуть через ящичек, говорят: «Гоп, через (мимо)!» (См. рис. 8, 10.)

Далее мяч вращают на столе в горизонтальном кругу вокруг его собственной оси и, подражая более внешности такого движения, говорят: «рррр» – просто: «Кругом, кругом!» (См. рис. 20 на с. 166.)

…Далее с мячом можно проделывать те же вращательные движения в свободном пространстве, но только или суживая при этом круги по направлению к центру и приговаривая: «Уже, уже, уже!», – или же расширяя их по мере удаления от центра и приговаривая: «Шире, шире, шире!» (См. рис. 16, 17.)

… Далее мяч без шнурка можно катать по горизонтальной поверхности, приговаривая: «Катись, катись, катись!»; «Вот мячик катится». (См. рис. 11, 12.)

Или можно заставить мяч отпрыгивать от какой-нибудь поверхности, например от поверхности его ящичка или книги. При этом можно говорить: «Вернись к нам, мячик!» – «Вот мячик

возвращается!» – «Лови мячик!» – «Мячик упал!» – «Достань мячик!» – «Ищи мячик!» При этом мать поднимает ребенка и подносит туда, где лежит мяч, чтобы он сам мог поднять его. Вообще, при наличности у ребенка некоторого развития, как физического, так и духовного, а также некоторой силы следует постоянно заставлять его самого поднимать мяч, если тот упадет на пол; а если ребенок еще слишком мал и беспомощен, чтобы самому передвинуться за мячом, то его следует подносить туда, где упал мяч, а особенно когда он сам его туда забросил, чтобы он с ранних пор понимал последствия своих поступков и мог убедиться на опыте, что он может и должен выполнить определенные требования и исправить последствия своими собственными силами…

«Где мячик?» – «Он снова здесь!» – «Мячик, оставайся теперь у малютки (у нас)!»

Или взять мяч в руки и спросить: «Где мячик?» Потом снова раскрыть руку и сказать: «Вот он». (См. рис. 25, 26.)

Каждое из этих упражнений само по себе можно повторять сколько угодно, пока это доставляет удовольствие ребенку. Благодаря повторениям эти упражнения приобретают важность как в смысле расширения круга опытов ребенка, так особенно для уяснения их и для достижения в них определенности и раздельности. Впрочем, для разумных и внимательных матерей и воспитателей все это само собой вытекает из самой игры и упражнений.

Затем мяч опускают во что-нибудь со всех сторон замкнутое, например в футлярчик для мяча, и говорят: «Мячик спрятался!» (См. рис. 29.) Запирают футлярчик и говорят: «Мячик ушел!»; «Он хочет спать!»; «Малютка устал, он тоже хочет спать!»

Уже эти и многие другие наблюдения и упражнения в их соединениях могут дать бесконечное множество разновидностей для детских занятий, для пробуждения и поддержки в ребенке телесной и духовной деятельности, в особенности когда его члены укрепятся и разовьются настолько, что ему уже можно будет, по крайней мере отчасти, давать в распоряжение мяч, и когда он благодаря достаточному развитию способности речи в состоянии будет вступить в разговор со своими воспитателями. Однако здесь, в применении к мячу, мы должны вспомнить еще об одной черте детской натуры, составляющей целую область в детских играх и занятиях, а именно о том свойстве ребенка, *благодаря которому он так охотно видит все в каждом предмете и делает все из каждого предмета.*

Нельзя упускать из виду, что вблизи ребенка, кругом на глазах у него находятся всевозможные предметы, как

неодушевленные, так и одушевленные; на последние благодаря их естественному появлению и исчезновению особенно направляется внимание ребенка, частью непроизвольно, само собой, частью же намеренно его воспитателями: жизнь вообще привлекает и будит жизнь. Внимание ребенка привлекается появлением собаки или кошки, он замечает птичку в клетке, воробья в окне, голубя, петуха и наседку, курочку и цыпленка на дворе, он видит экипаж и лошадь и т. д.

Сообразно с упомянутым свойством и потребностью ребенка качающийся мяч может превратиться для него в птичку. Стоит только сказать ему: «Смотри, как летает птичка: то туда, то сюда!»

Прыгающий мяч может напомнить ему кошку, если сказать: «Вот кошечка прыгает на скамейку!»

Или собаку, если сказать: «Гоп, вот собака прыгает через забор!»

Или же мяч обращается в цыпленка при словах: «Цып, цып, цып, к нам бежит цыпленочек!»

Или в петушка при словах: «Цып, цып, цып, петушок зернышки клюет!»

Или в белочку, которая будто бы карабкается на дерево или сползает с него…

Мяч без шнурка может обратиться то в овцу, которую нужно стеречь; то в лошадку или прыгающего жеребенка; то в собаку, которая бежит к нему, если сказать: «Гав, гав, гав!» Мяч на шнурке может изображать запряженный экипаж-тележку или, если зима, санки и сотни других предметов.

…Ребенку в игре можно изображать такие предметы, которые он еще никогда не видел. Насколько излишне предусмотрительно было бы избегать этого, настолько же необдуманно и излишнее расширение этих опытов; они найдут себе оправдание в умеренном применении, ограниченном простым здравым смыслом. Жизнь с ее законами и естественным ходом человеческого развития точно так же поступает и со взрослыми, развитыми людьми; ведь если человек предназначен для постоянного роста в нем элементов сознания, то он должен также запасаться и обладать способностью к умозаключению и суждению. Точно так же как взрослый человек, обладает совершенно своеобразной способностью предчувствующего представления и новорожденный ребенок. Никогда не следует забывать, а, наоборот, необходимо постоянно иметь в виду в качестве важного руководящего положения то, что не впоследствии только ребенок становится человеком, *но он уже человек со всеми его основными свойствами и единством его*

существа.

ПЕРВАЯ ИГРА РЕБЕНКА

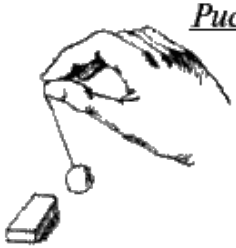
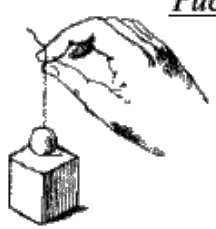
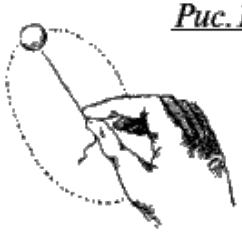
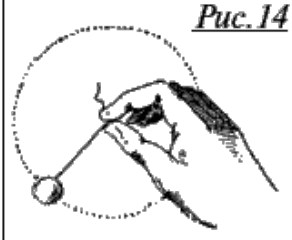
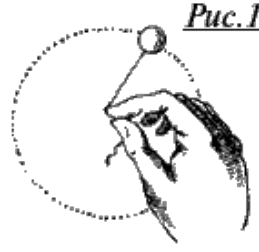
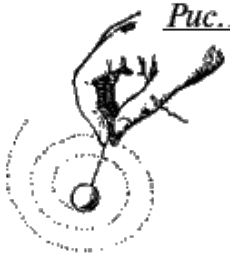
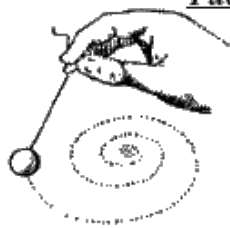
Рис.1 Туда, сюда!	Рис.2 Туда, сюда!	Рис.3 По ту сторону!
Рис.4  По эту сторону!	Рис.5 Вверх!	Рис.6 Вниз!
Рис.7 Тап, тап, тап!	Рис.8  Гоп, вверх!	Рис.9 Скок, скок, скок!
Рис.10 Гоп, через!	Рис.11 Катись, катись, катись!	Рис.12 Назад!
Рис.13  Кругом, кругом!	Рис.14  Налево кругом!	Рис.15  Направо кругом!

Рис.16



Уже, уже!

Рис.17



Шире, шире!

Рис.18

Выше, выше!

Рис.19

Ниже, ниже!

Рис.20

Кругом, кругом!

Рис.21

Быстрей, быстрей!

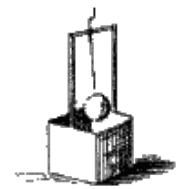
Рис.22

Тяни, тяни, тяни!

Рис.23

Бац! Вот мячик и упал!

Рис.24



Бим, бом

Рис.25

Мячик пропал!

Рис.26

Вот он!

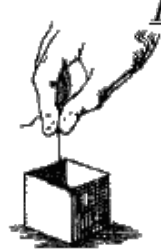
Рис.27

Лови мячик!

Рис.28

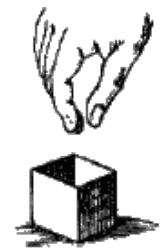
Держи мячик!

Рис.29



Мячик глубоко опустился!

Рис.30



Ищи мячик!

…Возвращаясь к рассмотрению мяча как первой детской игрушки, мы отмечаем еще одно его существенное качество, состоящее в том, что он как заместитель и как средство для демонстрации всякого замкнутого в себе и самостоятельного в своей внутренней организации предмета дает только *основную форму и общий план* для наблюдения, демонстрации и применения на практике всего того, что можно себе представить как целое и как таковое самостоятельно применять на практике, так что и на некоторых других предметах можно демонстрировать, как и на мяче, много операций, например присутствие предмета, его исчезновение, возвращение; искание, нахождение, добывание, схватывание, обхватывание, держание в руке; катание, езду, вращение и т. д., хотя и не всё. Так, например, на других предметах нельзя демонстрировать всевозможные виды движения, какие возможно показать на мяче, благодаря чему он и оказывается столь предпочтительной и привлекательной игрушкой для ребенка. Поэтому, в видах повышения прочности усвоения приобретаемых познаний и расширения круга развития ребенка, необходимо стараться, насколько это возможно и необходимо, демонстрировать то, что уже показано с помощью мяча, и на *других* предметах, например на яблоке, платке, клубке, ключе, орехе, цветке и т. п., и таким образом, с одной стороны, знакомить ребенка с самими этими предметами во всевозможных их применениях, а с другой – демонстрировать с их помощью другие предметы. Но мяч должен при этом постоянно оставаться объединяющим, а также разъясняющим и объясняющим, следовательно, истинным средством для представления и уразумения других предметов и главной игрушкой, связывающей ребенка как с его воспитателями, так и вообще с окружающим его миром.

Когда ребенок подрос уже настолько, что в состоянии сидеть и находить в этом для себя удовольствие, а также может переползать и перекатываться с одного места на другое, тогда игра с мячом получает существенное расширение: в комнате расстилают ковер, сажают на него ребенка и дают ему мяч на шнурке или без шнурка – в полное его распоряжение. Можно даже, если это легко устроить, прикрепить мяч надлежащей величины на достаточно крепком шнурке к потолку комнаты. Тогда ребенку будет дана возможность самостоятельно заниматься им, раскачивая его в разные стороны, а, кроме того, поднимаясь к мячу, он будет иметь возможность стоять на ногах. Так он научится сохранять равновесие и стоять лучше, чем опираясь о какое-нибудь прочно укрепленное тело – стул или

скамейку, так как там у него нет такой нужды следить за своим центром тяжести, как здесь. И если он упадет, то здесь, на хорошем ковре, он менее ушибется, чем там. Но гораздо целесообразнее, в особенности для того, чтобы научить ребенка стоять, взять мяч побольше, привязать его на прочном и достаточно длинном шнурке, чтобы ребенок, сидя на довольно плотном ковре, мог взять его в руки. Затем, заставив ребенка крепко держаться за мяч, попробовать поднимать на шнурке мяч вместе с ребенком. Поднимание и опускание доставят удовольствие ребенку, а в то же время будут укрепляться все мускулы его тела, в особенности мускулы бедер и голени. Ребенок поднимается за мячом в стоячее положение, а затем скоро и легко он научится стоять и самостоятельно.

Это очень интересный и в то же время очень важный момент, так как здесь в воспитание ребенка может вмешаться благодетельное воспитывающее влияние отца, насколько это позволяет ему его профессия; и мяч является здесь снова посредствующим элементом между ребенком и отцом точно так же, как раньше он был посредником между ребенком и матерью. Ребенок должен подрастать в непрерывной связи с отцом и при постоянном его воздействии должен как бы тянуться *вслед за ним*, крепнуть под его постоянным *руководством.* Все это при надлежащем расширении дает только что описанная игра с мячом, благодаря которой, еще раз повторяю, отец становится по отношению к ребенку в подобающее ему положение, требующее *силы* (рассудительности, соображения и т. д.), но также и обнаруживающее силу и таким образом развивающее силу в другом. В предыдущей игре, в особенности через посредство языка, *мать* шла навстречу ребенку со своей *нежностью*.

Такова первая детская игра с мячом в ее сущности, в ее применении на практике и в ее общих воздействиях на ребенка. Посредством нее вам, дорогие родители, дается средство для *непрерывного прогрессивного* развития вашего питомца, что настолько же здорово, насколько и важно для развития начальной деятельности его членов и чувств до степени умения самостоятельно сидеть и самостоятельно заниматься, а также дается средство, позволяющее *непрерывно* следить и ухаживать за этим развитием. Таким образом, мы видим, как широко удовлетворяются жизненные потребности ребенка.

…Тот путь ведения детских занятий, на который стала уже первая детская игра и который, начиная с мяча, развиваясь далее по внутренним законам, беспрепятственно будет преследоваться нами при дальнейшем рассмотрении средств, употребляемых для детских занятий, уже с ранних пор направляет ребенка к

согласному развитию в нем начал *полезности, красоты* и *правды*. У родителей, таким образом, рано является необходимое для достижения гармонического развития их ребенка средство распознавать, к какой стороне развития он имеет преимущественно наклонность; ибо как *жизнь, искусство и наука* не исключают друг друга, так и человек, а тем более ребенок, не должен воспитываться и развиваться односторонне, исключительно в сторону одного какого-нибудь направления жизни.

Точно так же посредством мяча как первой игрушки достигается выработка различных направлений умственных сил ребенка. Посредством мяча он научается фиксировать зрительные впечатления не только от предмета, находящегося в покое, но и от смены происходящих с ним явлений. Приведенные игры с мячом пробуждают и упражняют способность ума снова представлять перед собою предмет, бывший перед глазами, созерцать его в душе даже по окончании внешнего его наблюдения. Эти игры пробуждают и упражняют способность *представления воспоминания,* способность удерживать в памяти предмет, раньше бывший перед глазами, снова вспоминать о нем. Они развивают *память*.

О пробуждении и развитии способностей ума *сравнивать, заключать, судить, думать* говорилось уже раньше. А каким образом эти игры пробуждают и упражняют способности ребенка, дают им дальнейшее развитие и каким образом эти способности подлежат дальнейшей формировке в душе – все это легко доступно для наблюдения всякому наблюдателю…

Еще раз повторяю вам, любезные матери, дорогие отцы и все вообще воспитатели детей, не думайте и не верьте, будто ребенок в этой преимущественно физической стадии своего развития, когда он еще не может вовсе обходиться без посторонней помощи, является невосприимчивым ко всему вышеприведенному в целом, или хотя бы к отдельным приведенным нами явлениям, или, наконец, хотя бы к одному из них. Вы глубоко заблуждаетесь и заблуждаетесь к великому ущербу для всей будущей жизни вашего ребенка и для результатов вашего столь напряженного при других условиях ухода за ним…

Однако нам остается отметить еще один пункт в нашем рассмотрении и изучении игры с мячом: это столь же определенное, сколь и ясное и закономерное развитие *способности речи* у ребенка в течение этой игры…

Язык слов, сопровождающий первую детскую игру, является ясным, определенным, полным, совершенно точным, простым и тем не менее совершенно удовлетворяющим своему назначению.

Уже первые слова, которые изображены ребенком языком и самой игрой и постоянно продолжают заново изобретаться, составляют весь его словарный запас; именно ими обозначены *тоны, звуки, заключения.* Ясно и раздельно выступает каждое из них; в чистом виде по своей сущности являются они в детских словах… ими вполне определена и обозначена вся область тонов языка. Точно так же находящийся в обращении при игре запас слов, как бы он ни был мал, охватывает всю область языка, служащего для наблюдения и изучения предмета в пространстве. Слова детского языка представляют собою по большей части основы или корни слов, и из них уже дальше вполне жизненно, закономерно и всесторонне развивается настоящий язык слов, как *отпечаток* обоих миров – *внутреннего и внешнего.*

Все это и еще многое другое… дается ребенку мячом – первой его игрушкой; с помощью мяча ребенок развивается, на нем укрепляется он в единстве своего существа и жизни, равномерно относя его к телу и духу; в первых играх с мячом проявляется жизнь ребенка, а для ребенка обнаруживается внешний мир в его единстве.

Глава IV
Песни при игре в мяч

Весьма кратко мы желаем наметить здесь, каким образом мяч удовлетворяет всем требованиям первого и раннего ухода за детьми.

…У мяча есть масса, занимающая известное пространство, вид, величина, материя, цвет; мяч может издавать известные звуки; он представляет собою замкнутое целое и различные части других целых; следовательно, он есть целое и части в одно и то же время; он заключает в себе единство и множество вместе; его можно делить; он подвижен, но вместе с тем может покоиться. Но главным образом мяч обладает внутренней силой, или прыгает; он тяжел, имеет невидимый, но ощутимый центр тяжести, невидимую, но постигаемую средину; при этом он всему поддается и уступает, как бы во все превращается, и сообразно с этим по требованию ребенка он становится всем, что, далее, и составляет самое существенное его свойство. В мяче для всякой потребности и для всякого возраста все сильнее и многостороннее развиваются новые качества. Преимущественно благодаря последнему свойству мяч становится *навсегда самым дорогим товарищем игр ребенка*…

Благодаря только что намеченному обозрению сущности и применимости мяча оказывается, что он принадлежит первым трем ступеням развития детства, и притом каждой ступени – с расширенными, как бы иными качествами и функциями. Говоря это, мы остаемся в пределах детства дошкольного возраста. Мяч принадлежит: 1) собственно возрасту кормления ребенка грудью; ступени укрепляющейся и развивающейся силы; 2) ступени достигнутой самодеятельности и свободной деятельности, самостоятельности ребенка; ступени приобретенной им способности проявлять свое «Я» и свою личность и 3) ступени развивающейся потребности в обществе, в общественной совместной жизни.

На каждой из этих ступеней есть свой совершенно оригинальный способ пользования мячом, благодаря чему на каждой ступени он, по-видимому, делается как бы другим предметом.

В предшествующей главе мы дали подробное изложение основных ступеней развития ребенка и тех своеобразных способов применения мяча, которые требуются этими ступенями.

Здесь, говоря о песне, сопровождающей игры с мячом, мы

выдвигаем вперед то, что в большей или меньшей степени принадлежит всем этим трем ступеням, будучи убеждены, что естественный, неиспорченный смысл ребенка, матери и воспитателей в каждом отдельном случае найдет правильный способ применения… Руководящее воспитанием лицо должно становиться *ребенком* в смысле наивности, единения с предметом, полной жизни вместе с ребенком, *но оно не должно действовать по-детски, так как ребенок ищет серьезности и стремится к ней.* Если поэтому наш ребенок будет рассеянным, шаловливым и слишком изнеженным, то причину этого мы должны будем искать в предшествующем обращении с ним. Ввиду важности этого обстоятельства мы повторим еще раз: ребенок ищет серьезности, важного, но при веселости и радостном настроении. Если в этом мы пойдем навстречу инстинктивному пониманию и стремлению ребенка, то этим мы наполовину облегчим дело воспитания и наполовину уже достигнем своей цели. Поэтому лица с детским настроением, наивным и веселым, а также и дети, которые только на несколько лет старше, нежели наши дети, являются самыми любезными товарищами по играм как на первой, так на третьей ступени их развития и при нашем мяче.

При самом первом применении песен, как и при всяком первом лепете, детском разговоре и болтовне с милыми малютками, речь может идти только о впечатлении тона и всей мимики, которая примыкает к целому, но отнюдь не о понимании слов; это разумеется само собою, но, чтобы избежать слишком поспешного ложного толкования, мы должны все-таки обратить на это внимание.

Позже, когда явится способность речи и навык в ней, усвоение этих маленьких песен явится само собою без всяких сторонних требований, пожалуй даже тогда скорее, когда этого усвоения не будут требовать прямо.

(Далее Фребелем приводятся песни, сопровождающие уже описанные игры с мячом, помогающие ребенку увидеть и познать многообразие предметов, их взаимное отношение, пробудить чувства к представляемым одушевленным и неодушевленным предметам. – *Л. В.*)

Эти игры с мячом не только укрепляют и развивают, но и действительно воспитывают и образовывают, облагораживают и развивают нравственно; таким образом, они ведут при всестороннем согласии природы и жизни к ближайшей двойной цели и назначению всякого истинного ухода за детьми: *здоровому духу в здоровом теле.*

…Но эта цель будет достигнута лишь тогда, если вы в смысле и в языке песен, которые вашу собственную деятельность должны

лишь отражать в зеркале, в чистоте вашего проникнутого любовью к детям стремления воспитывать их, сами выполните то, что они изображают. «Посмотри, малютка, как прекрасен мячик!» – в этом так произнесенном слове «прекрасен» для ребенка заключается совершенно особенная прелесть; это – предчувствие, что из-за внешности показанного предмета действительно обнаруживается то, что находится внутри, нечто высшее… И эту чистую *радость* можешь ты, мать, можешь ты, воспитательница, пробудить в твоем ребенке… Радость, чистая радость, особенно в груди ребенка, является основою, как бы источником и исходным пунктом всего доброго…

Но радость пробуждает доверие. Итак, веди же и ты с радостью твое дитя в жизнь, в которой оно должно созерцать божественное и любить его, жить в единении с Богом и уповать на Бога.

Глава V
Дальнейшее развитие ребенка и большая сложность игры в мяч

…По мере развития силы у ребенка и пользование мячом становится разнообразнее, по крайней мере, свободнее, я сказал бы, самостоятельнее. Так, например, сначала ребенок выкатывает только мячик из футляра на стол и бросает его снова в футляр, а затем уже бросает его снова в футляр с блюдечка, а из футляра снова на блюдечко и катает его кругом в блюдечке (и то, и другое – часто повторяющиеся проявления начальной жизни и игры у ребенка). Точно так же ребенок очень быстро научается перебрасывать маленький мячик из одной руки в другую, раз он подметит, что он может из своей собственной руки сделать блюдечко, углубив ее и как бы выдолбив наподобие блюдца. Ребенок и особенно маленькая девочка впоследствии подолгу только тем и занимаются, что все время переливают воду или пересыпают песок из одного какого-нибудь вместилища в другое. Далее рекомендуется подражать этой деятельности ребенка, расширяя ее и обставляя ее более определенно, а именно рекомендуется также перебрасывать мяч из одной руки в другую, но при этом попеременно задерживать и прятать его то там, то здесь, чтобы яснее подчеркнуть нахождение его в той или другой руке, а затем снова быстро перебрасывать его, когда он лежит открыто то на той, то на другой руке.

Но ребенок, равно как и взрослый человек, с удовольствием получает *разъяснения* того, что его окружает, что с ним происходит, и со стороны… Ребенок требует *объяснения* от всего, что его окружает, от окружающих его сознательных существ, наделенных способностью речи, требует, по крайней мере, каких-нибудь данных и указаний относительно того или другого интересующего его отношения. Навстречу этому предчувствию и требованию, исходящему из самой внутренней части детского существа, должны пойти окружающие его воспитатели и прежде всего его родители. Только этим достигается в ребенке… любовь и уважение по отношению к родителям, почтительная признательность к их возрасту и опытности. Поэтому воспитатель, подражая игре ребенка и давая ему таким образом возможность отчетливее наблюдать ее, может при этом петь приблизительно следующую песенку:

И здесь он,

И там он, —
Вблизи, вдали
Он виден нам, —
То вдруг совсем исчез из глаз —
Вот здесь, сейчас.

Или:

Туда, сюда сновал в свой срок,
Как ткацкий он челнок;
Ткал без устали с утра,
Выткал лишь аршин сукна.

Вряд ли, конечно, необходимо упоминать о том, что этим мы символически обозначаем протекший во время игры *промежуток времени.* Точно так же отнюдь не нужно и тем более не составляет обязательного требования, чтобы ребенок указывал на это или чтобы об этом напоминали ему другие. Объяснение в данном случае тесно связано с чувством, ощущением, восприятием (выносимым из игры). Если ребенок обращается к матери с жалобой или с просьбой: «Мама, время тянется слишком долго (мне скучно). Что мне делать?» – на это можно только коротко ответить: «Займись сам». Иными словами, это обозначает: «Займись сам, своими собственными средствами, с окружающими тебя предметами». Я думаю, что для вдумчивых, осмысленных родителей, матерей и воспитателей больше ничего не требуется, чтобы почувствовать внутреннюю постоянную связь уже первых и самых маленьких детских игр с позднейшей жизнью в зрелом возрасте, наполненной занятиями по должности или вообще с будущей деловой жизнью нашего питомца, который сейчас пока является перед нами еще ребенком…

До сих пор мы описывали только такие игры, в которых ребенок играл один, сам с собой; но необходимость веселого и подвижного или, как говорят сами дети, «забавного» элемента в игре требует присоединить к одному участнику игры еще другого, *товарища по игре*…

Если число играющих детей доходит до *шести* или даже до *восьми* и если их умение играть мячом доходит до известной степени ловкости и даже известной уверенности при игре, то можно ввести в игру *два* и больше мячей сообразно с числом играющих, и притом мячей разноцветных, например: один – *зеленый*, другой – *красный*, третий – *желтый*, так что, переплетаясь во время игры, они будут давать подобие венка. При

этом можно петь следующую песенку:

Разлетайтесь
По местам все,
Заплетайтесь
В вихре-вальсе!
Каждый будет вновь готовым
Сплесть венком вас
Роз махровым!

…Пусть хотя бы в наиболее пригодных для этого городах среди семейств, которые чувствуют себя связанными человеческими интересами, по-человечески взаимно уважают друг друга и объединяются уже сами по себе и по существу дела на почве общей истинной любви и заботы о своих детях, устраивались и с внешней стороны посредством соединения их в одно целое союзы (общества) для осуществления таких учреждений, которые бы имели своею целью общее заботливое попечение и всестороннее развитие их детей, находящихся еще в раннем детском возрасте, в особенности путем гуманного воспитания их природного стремления к занятиям, в качестве объединяющего пункта их совместной жизни. Благодетельные последствия, успех подобных учреждений для домашней и общественной жизни, для жизни гражданской и общечеловеческой были бы неисчислимы, простирались бы до бесконечности.

Единственным средством для этой цели служит *добровольное соединение единомысленных семейств в* ***союзные учреждения*** с целью дать их детям, не достигшим еще школьного возраста, путем общего надлежащего ухода за ними, руководства и занятия их все то, чего только могут добиваться они сами сообразно с их природой и чего должны требовать для них их родители, не порывая связи со всей совокупностью современных жизненных условий…

…Ввиду высокой важности предмета, не только в целях рекомендуемого нами здесь предприятия в его совокупности, но в качестве существенной его составной части необходимо вместе с ним вызвать к жизни… и ***учреждение для подготовки воспитателей детей*** путем наблюдения за детской жизнью, а в особенности путем наблюдения за развитием в них творческой деятельности и потребности в игре, т. е. потребности постоянно быть чем-нибудь занятыми… Необходимо, следовательно, вызвать к жизни учреждение для подготовки руководителей и воспитателей, непосредственно занимающихся в нем с известным

количеством детей дошкольного возраста, сообразно с требованиями первоначального основного наглядного обучения.

Пусть же эта мысль встретит глубокое сочувствие и вызовет горячее участие к этому делу на благо детей и семейств, к благополучию всех общин и всего человеческого рода и к счастью для отдельных лиц и всего дела.

Глава VI
Игры ребенка

Подобно тому как первоначальное физическое питание ребенка для поддержания, укрепления и развития его физической жизни должно находиться и действительно находится в соответствии с развитием его органов пищеварения, точно так же и первоначальный уход и питание в области душевной жизни ребенка должны стоять в непосредственной связи с развитием его членов и особенно органов его душевной жизни.

Подобно тому как состояние покоя является главным образом выражением и требованием физической жизни, так же точно движение является у ребенка выражением и требованием его душевной жизни…

Параллельно и в соответствии с развитием органов душевной жизни, именно с развитием зрения и слуха, развиваются и органы движения, и среди них прежде всего руки и кисти рук. Поэтому для первой игры с ребенком как выражение доступного ему с ранних пор движения тела в пространстве, соединяющее к тому же в себе единство и разнообразие, мы дали матери окрашенный в *блестящий цвет* (красный, зеленый или желтый) *мяч,* служащий для ребенка, так сказать, *нормальным телом*…; мяч, обладающий сверх того еще упругостью, снабжен, с одной стороны, блестящим цветом, а с другой – возбуждающим теплоту покровом; благодаря издаваемому им *свету* он воспринимается зрением, а благодаря *теплоте* – чувством; и все-таки он воспринимается в целом как единое в себе явление предметного порядка.

Итак, уже в первой осмысленной игре благодаря восприятию и наблюдению… у ребенка появляются первые душевные впечатления, как бы первые знания, зарождающиеся вследствие его *самодеятельности*, равно как и благодаря *материнской любви,* носящей в себе его жизнь и ее требования.

Итак, из наблюдения отношений между матерью и ребенком как в физической, так и в духовной жизни с очевидностью вытекает необходимость отметить столь важные в человеческой и общечеловеческой жизни факты, а именно что *любовь и познание*, чувство любви и познавательная способность находятся во взаимной внутренней связи между собой и что *жизненное общее воспитание* является объединением и общим источником их обоих…

При таком понимании этой взаимной духовной жизни матери и ребенка описанная в предыдущих главах этой книги первая игра

с *упругим, цветным и теплым* мячом находит себе настоящее место и получает глубокое, истинное значение и соответствующее применение. Она приходится на третий месяц жизни ребенка, но может начинаться также и во втором месяце, а с четвертого месяца она играет роль уже определенной игры и затем в течение долгого времени, подвергаясь дальнейшему развитию и всевозможным видоизменениям и применениям, проходит красной нитью через всю жизнь ребенка…

Однако скоро простое и равное себе во всех своих частях тело со своим постоянным и сравнительно тихим движением перестает удовлетворять ребенка. Тогда больше привлечет его внимание предмет прямо противоположного характера, который обладает способностью не только быстро и неожиданно переходить из состояния покоя в противоположное состояние движения, но и заявлять о себе при этом посредством *шума, гула и звука,* как бы посредством языка.

Это пункт, с которого игра с ребенком, а также и сама игрушка получают совершенно иную внешность: в качестве игрушки у ребенка вместо нежного, мягкого, тихо движущегося мяча выступает на сцену твердый катающийся шар и соединяющий в себе больше внешнего разнообразия и потому способный произвести больше шума при движении – *кубик.*

Глава VII
Шар и кубик как вторая игрушка ребенка

Со второй половины первого года и в течение ее, когда ребенок начинает уже заметно заниматься сам с собой, шар и кубик в силу упомянутых их качеств часто доставят ему больше удовольствия, чем мяч, но все-таки ребенок не будет порывать связи и с мячом – своей любимой игрушкой.

…Шар и кубик с их противоположным равенством, как игра, неразрывно связаны друг с другом. *Шар и кубик* относятся друг к другу, как единство в едином к единству в разнообразии, или же, можно сказать, как разнообразие в единстве к единству в разнообразии, или же, наконец, как характер к уму. А так как оба эти направления душевного развития, обе эти душевные силы рано обнаруживаются в ребенке, то поэтому и шар с кубиком надо давать ему для игры вместе, надо знакомить его с ними в игре, посредством игры, хотя бы и попеременно, но не забывая связи между ними. Если ребенку, подлежащему одновременно и нравственному и умственному развитию, давать их в качестве игрушки и вводить в игру по одиночке, то это будет обозначать или, по крайней мере, будет казаться, что хотят отделить чувство от мысли, ощущение от познавания, характер от ума, будто хотят развить одно за счет другого и, следовательно, одно подчинить другому. Развитие их должно быть одновременно; они неразрывно связаны друг с другом, подобно как вместе с самою жизнью, с воспроизведением и действием, с поступками.

…Мир и удовольствие, здоровье и полнота жизни только тогда находят себе место в жизни ребенка, когда его игра, как и вообще все его развитие, находится в согласии с общей жизнью Вселенной.

Поэтому именно в стремлении достигнуть этого согласия и удовлетворить всем намеченным требованиям в этом отношении заключается основание всех описанных нами и выведенных под общим названием «второго дара» игр и занятий ребенка с шаром и кубиком (как раньше с мячом). Здесь мы приведем только несколько образцов такого обоснования этих игр.

Указания для употребления шара и кубика как второй детской игрушки

Употребление шара и кубика связывается с двояким явлением, наблюдаемым в детской комнате или вообще в первое

время детской жизни: матерям и заботливым воспитателям приходится успокаивать неспокойного ребенка, когда его беспокойство выражается в *неопределенном*, связанном с чувством неудовлетворенности стремлении к определенной и удовлетворяющей его внешней деятельности, следовательно, в стремлении к успокоению, то посредством *движения* подвижного предмета, то посредством неоднократно повторяющейся *установки* предмета, который может стоять.

По причинам, глубоко заложенным в душе и жизни человеческой, свободное и постоянно кругообразное движение уже в раннем возрасте доставляет большое удовольствие детям. На шаре оно демонстрируется с особенной ясностью…

…Ребенок совершенно бессознательно желает и надеется через посредство сопровождающего ознакомление с предметом слова получить сведения и объяснения, касающиеся каждого предмета, его жизни и значения, в особенности же его отношения к нему, ребенку.

Поэтому мы сделали попытку при обзоре этой второй серии средств для детских игр и занятий с помощью движения и слова указать на жизненную и вещественную связь, на взаимодействие в жизни между ребенком и игрушкой – и тем более потому, что при употреблении этой игрушки способность слуха у ребенка в общем уже развита, а способность речи начинает развиваться. Но этими своими указаниями мы отнюдь не желаем доказать, что подобранные нами слова самые лучшие, а тем более единственные, которые можно употреблять за переменою движения игрушки. Нет! Наоборот, мы верим и желаем, чтобы нашлись еще более подходящие для этой цели слова песен, еще более соединяющие ребенка и игру, еще более охватывающие жизнь ребенка и предмет игры.

…Здесь можно … указать, что с шаром возможны почти все те же упражнения, игры и наблюдения, что и с мячом, но только многие из них в силу тяжести и твердости шара производятся с гораздо большей определенностью и ясностью (см. рис. 1, 2 на с.192). Так же точно игра с шаром в силу большого шума и других свойств, обнаруживаемых особенно при играх, требующих катания его, должна еще более происходить на полу комнаты, на котором и ребенок к этому времени может сидеть на своей подстилке и заниматься уже более самостоятельно и самодеятельно. С этой стороны выходит, что шар вместе с дальнейшим развитием ребенка естественно становится и его следующей игрушкой.

Так как … ко времени появления игры с шаром, слух ребенка в общем оказывается уже развитым и начинает уже развиваться и

способность речи, то разумные матери и воспитательницы могут уже в это время, с помощью определенных вопросов, вступать с ребенком в некоторый разговор. Например:

«Что делает шар?» – «Он танцует». – «А что теперь делает шар?» – «Он летает». – «Кто танцует?" – «Кто летает?» – «Нужно ли шарику покачаться?»

Радостное выражение согласия заменяет на первых порах слова, тогда как радостное ожидание и определенное желание, наоборот, вызывают и развивают в свою очередь способность речи. Таким образом, в высшей степени важно, чтобы вместе с игрой все более и более определенно и сознательно соединялось воспитание и развитие способности речи и в особенности чтобы ребенок рано привыкал правильно и определенно обозначать все словами параллельно с ясным наблюдением и пониманием. Благодаря всему этому жизнь ребенка будет получать более целесообразное и всестороннее развитие.

Кубик, как прямая противоположность шару, дополняет его в игре: кубик чрезвычайно подвижен своею формою, отличается от шара разнообразием своих частей, качеств, в особенности же способов его наблюдения. Благодаря всему этому и игра с ним принимает иной характер, и впечатление, производимое ею, иное (см. рис. 3–9 на с. 192, 193).

Так как кубик является как бы многосторонним осуществлением *плоской* поверхности, то для него требуется плоскость, на которой он мог бы стоять. Чтобы крепко и прочно стоять, для шара нужна только одна основная точка, тогда как для кубика требуется целая *поверхность*, служащая ему *основанием*, или, что одно и то же, несколько точек, лежащих на одной плоскости. Шар одним легчайшим прикосновением можно привести в движение, тогда как кубик *стоит прочно*, и, чтобы его сдвинуть с места, его нужно поднять, или столкнуть, или стянуть, или сбросить с занимаемого им места.

Чтобы с самого начала игры с кубиком сделать осязательной указанную противоположность между ним и шаром для ребенка, который в это время стремится сосредоточить свои наблюдения на чем-либо *твердом, неподвижном*, мать сильным движением ставит кубик перед ребенком и говорит кубику с оттенком побуждения, приказания в голосе:

Стой, твердо стой!
Стой, кубик мой!..

Или:

Ну, стой здесь спокойно, дай всем любоваться!
Нам можешь всегда ты вполне доверяться!

…Далее, пусть мать возьмет один из пальцев или одну из ручек ребенка и попробует совсем тихим, слабым прикосновением к кубику подвинуть его, но так, чтобы кубик не тронулся с места. Тогда мать старается обратить на это внимание ребенка и говорит ему следующее:

Что захотели – кубик сейчас,
Стоя на месте, сделал для нас.

Или:

Да, он желает спокойно стоять,
С места себя не дает он сдвигать!

Однако мать наконец превозмогает тяжесть кубика с помощью ручки или пальца ребенка сдвигает его с места, напевая или приговаривая при этом ребенку следующие слова:

Долго ты стоял на месте.
Мы катать все станем вместе.

Или:

Ты отдохнул… Ну, вот же вот
Спеши теперь опять вперед!

Здесь мы как раз сталкиваемся с одним положением, выставленным в этом сочинении скорее в виде требования, а именно: всегда, насколько это возможно, необходимо привлекать к участию в игре хотя бы и очень слабую собственную силу и незначительную деятельность самого ребенка, чтобы дать некоторое развитие его членам, повысить их силу и дать им упражнение и чтобы ребенок приобретал опыт и впечатления непосредственно с помощью и во время своей собственной деятельности.

Какое богатство, какое разнообразие отдельных процессов развития можно возбудить в ребенке уже этими немногими опытами, произведенными разумной матерью или заботливым

воспитателем! Спокойное, крепкое и прочное *стояние* (кубика) на сравнительно большой основной *поверхности; заполнение пространства* предметом; *тяжесть* предмета, ощущаемая посредством *давления; преодоление* в конце концов этой тяжести и возможное при этом *передвижение* предмета на другое место с помощью сравнительно большей *силы* – восприятие всего этого и многого другого просто как переменных явлений *при частом повторении* доставит полугодовалому или по крайней мере не дожившему еще до года ребенку большое удовольствие, в особенности если самую игру суметь поставить во внутреннюю связь с его жизнью, с его стремлением к деятельности. Так, например, можно положить кубик на горизонтально вытянутую ладонь ребенка и при этом петь:

Твою вниз руку кубик тянет —
Сожми, и падать он не станет!

Или, наоборот, заставляют ребенка обхватить рукой шар или кубик и держать крепко:

Рука не даст ему упасть —
Твоя над кубиком вся власть.

Эти игры или, если угодно их так называть, забавы могут быть умножены самыми разнообразными способами их видоизменения, в особенности же посредством соединения нескольких в одну. Не нужно только при этом в том или другом пункте идти вразрез с желаниями самого ребенка. Наоборот, всегда следует идти навстречу обстоятельствам, требованиям и нуждам, заявляемым самим ребенком, а также и его собственным проявлениям жизни и деятельности…

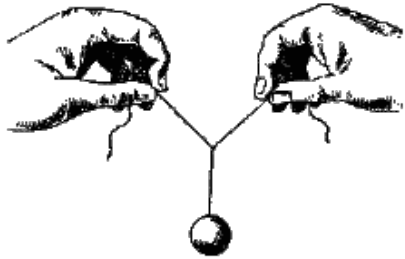
Если матери попытаются вплетать в игру, хотя бы в незначительных размерах, самодеятельность ребенка, то они скоро увидят, как забавляет ребенка на некоторое время его собственная работа; впоследствии он способен будет забавляться ею более продолжительное время и в конце концов такие опыты приведут его к тихим (молчаливым) самостоятельным построениям, к осмысленному самостоятельному наблюдению…

ВТОРАЯ ИГРА РЕБЕНКА

Рис.1

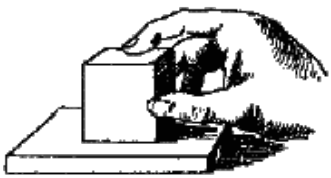
Кругом, кругом. Это – не безделье! Кругом, кругом! Это ль не веселье?! Ну вертись, веселись!

Рис.2



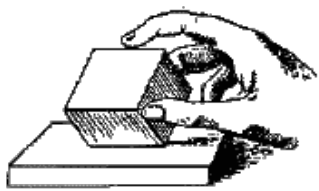
Как я кружусь, как шар катаю, Всех любоваться приглашаю!

Рис.3



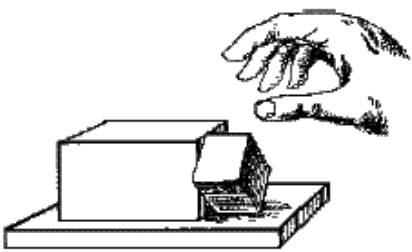
Стой, твёрдо стой! Стой, кубик мой!..

Рис.4



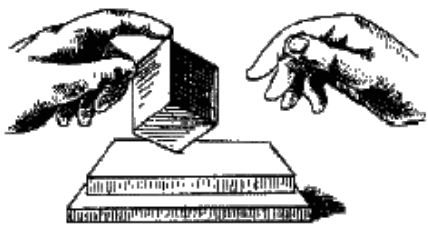
Сюда качнётся он, туда – Стоять не любит никогда.

Рис.5



На ножке он стоит, – Кто ж делать так велит?

Рис.6



На одной ноге стою, И верчусь – не устаю.

Рис.7

Ты сумел одну открыть, Где ж другие могут быть?

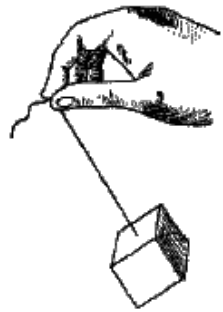
Рис.8

Только две теперь открылись... Все куда ж другие скрылись?

Рис.9

Как я ни подниму, как кубик ни верчу я, три стороны его лишь сразу покажу я!

Рис.10

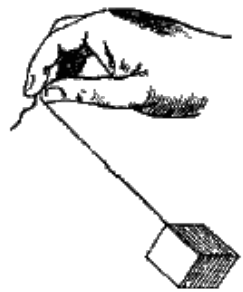


Влево и вправо. Качаться, качаться! Тебя веселить я хочу и качаться!

Рис.11

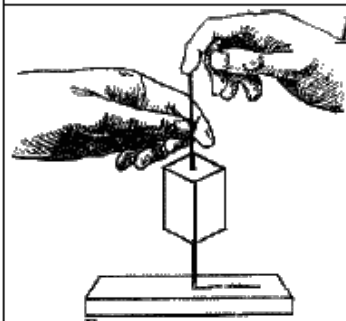
На длинной на верёвке
При всей своей сноровке
Качаться мне легко –
То вблизь, то далеко.

Рис.12



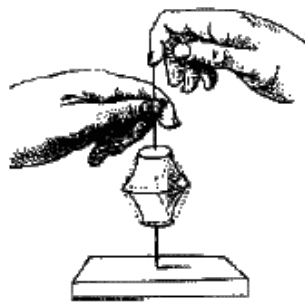
На одном вися углу,
Весь я вытянусь в длину.

Рис.13



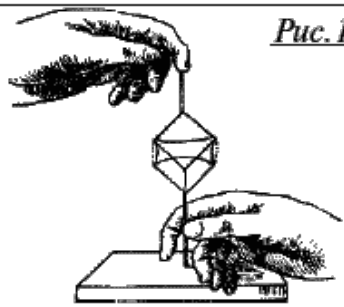
Вкруг оси поверни-ка,
Мой валик разгляди-ка!

Рис.14



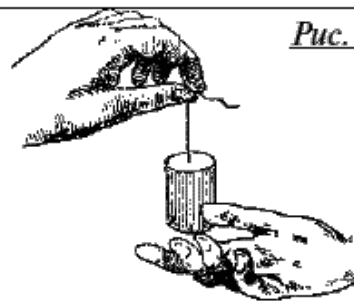
Поворачивай вкруг оси –
Круг увидишь ты прекрасный!

Рис.15



Вкруг двух углов вращай – и вдруг
Увидишь много новых штук.

Рис.16



Крепче ты сожми вдвойне,
Так вертеться лучше мне!

…О важности наблюдения присутствия и исчезновения предмета и применения его в игре с ребенком говорилось раньше (в отделе о мяче. См. главу III)…

Предыдущие игры знакомили ребенка с кубиком в состоянии покоя… Но еще больше удовольствия доставит ребенку наблюдение кубика во время его более свободного переменного *движения* (см. рис. 10–15 на с. 193).

Простейший вид движения – это *качание*, и притом сначала опять в первом положении, при котором выделяются при наблюдении нижняя, основная и верхняя грани кубика, т. е. когда шнурок, на котором качается кубик, прикреплен к серединке одной из его *граней*.

Но все то, что проделывалось с кубиком, подвешенным за серединку одной из его граней, или в плоскостном его положении можно проделать с ним и тогда, когда он подвешен за одно из своих ребер, а также и за одну из его вершин. Таким образом, и здесь кубик является перед ребенком при постоянно изменяющемся вращательном движении во всех трех своих главных положениях. Точно так же с ним воспроизводятся движения катания и качания, которые указаны по отношению к мячу.

Подобно тому как до сих пор шар и кубик были использованы для игры с ребенком поодиночке, точно так же их можно употреблять для той же цели во всевозможных *сочетаниях* между собою. Мы упоминаем здесь только об одном самом важном из этих сочетаний, а именно о том, что кубик трудно и даже вовсе невозможно поставить на шар, тогда как шар, наоборот, легко поставить на кубик.

Это сочетание, как постоянное и прочно установленное, дает кое-что существенное: именно *шар* по своему внешнему виду является как бы телесным выражением легко *подвижного*, тогда как *кубик* сам по себе является телесным выражением постоянного *неподвижного*. А в упомянутом соединении они являются оба телесным выражением *одушевленного, живого*, и именно живого, способного к самостоятельной свободной деятельности, отдаленно напоминающего даже телесное выражение самого человека.

Известно, что ребенок с ранних пор интересуется круглыми и пестрыми камешками, отыскивает и собирает их. Конечно, он интересуется телами прямосторонними и прямолинейными, в особенности же имеющими форму кубика или бруска. Он старается складывать первые друг с другом и друг на друга, а последние носит и обращается с ними уже как с куклами. И вот

если соединить с продолговатым телом шарообразное, то оно тотчас приобретает для ребенка значение и становится пространственным выражением *живого*, и именно *живого* ***человека***.

…Но когда ребенок забавляется с куклой, то значительно большую роль при этом играет смутное и переносное (метафорическое) внутреннее восприятие жизни или, скорее, непосредственное собственное чувство жизни, чем внешнее наблюдение, сравнивающее настоящего младенца (в пеленках) с повитой куклой; ибо, хотя бы ребенка самого никогда не пеленали и хотя бы он никогда не видел повитого младенца, он с одинаковым удовольствием будет заниматься своей повитой куклой. Таким образом, удовольствие, испытываемое ребенком при игре с куклой, имеет гораздо более глубокую внутреннюю причину и более связанное с существом человека духовное основание, чем обыкновенно предполагают, и ни в коем случае оно не основано только на внешнем сравнении и сходстве формы. Поэтому эту забаву с куклой необходимо осторожно поддерживать и разумно развивать в ребенке. На этой забаве в ребенке развивается много человеческих качеств, так как благодаря ей для него самого, его разумно наблюдательных родителей и воспитателей становится доступно и понятно его собственное существо. Таким путем на игре в куклы и через посредство этой игры обнаруживается духовная разница в определении жизни между мальчиком и девочкой. Мальчика будет дольше занимать игра с шаром и кубиком как с *отдельными* и противоположными друг другу предметами, тогда как девочка, напротив, рано заинтересуется куклой, внутренне *объединяющей в себе* противоположности шара и кубика. Внутреннее значение этого факта заключается в том, что *мальчик* рано предвидит и чувствует свое назначение – *властвовать над внешней природой и проникать в ее тайны, а девочка – свое – уход за природой и жизнью*. Впоследствии это различие выступает еще яснее, а именно: объединение шарообразной и прямолинейной форм в глазах девочки становится в игре куклой, ребенком, тогда как в глазах мальчика соединение того и другого в локте матери или в палке отца становится лошадкой, коньком; причем это последнее выражает назначение мальчика как мужчины – господствовать в жизни и проникать в ее тайны, а первое выражает назначение девочки как женщины – уход за жизнью.

Мы сознаем необходимость рекомендовать родителям и воспитателям с ранних пор наблюдать все явления в жизни ребенка, все проявления жизни у него наблюдать именно с этой точки зрения, сообразуясь с наиболее внутренними и духовными

процессами в нем. Счастье детям, пользующимся таким воспитанием! Да живут в мире и радости родители, способствующие этому!

…Далее, очень существенно обратить внимание заботливых и разумных воспитателей еще и на то, что шар и кубик, а также все, что с помощью их изображается, дают и должны давать только ***норму***, только *нормальные, основные, символические* наблюдения и изображения, которые могут быть получены и с помощью других предметов, могут быть отысканы и на других предметах и, насколько представляется к тому возможность в обстоятельствах и жизненных условиях, должны быть найдены и изображены с помощью их.

…Дать в руки ребенку какую-нибудь простую и в то же время вполне исчерпывающую его потребности и всестороннюю норму, в которой он мог бы легко узнавать всякий другой предмет, и научить его владеть и распоряжаться ею – это и значит восполнить недостаток, так сильно ощущаемый еще и теперь человеком с раннего возраста, как в средстве для наблюдения и обучения, так и в средстве для всестороннего саморазвития и самовоспитания.

…На *различных* предметах, окружающих ребенка, можно *в раздельном виде и поодиночке* наблюдать все то, что является в кубике в составном и объединенном наблюдении (виде).

…Ребенок, мало-помалу прогрессируя в своем собственном развитии, в течение игры и с помощью нее *доходит* сначала до предположения, потом до наблюдения и, наконец, до познания *единства, постоянства и закономерности* и даже до познания *тождества законов всякого развития,* а эти познания и применения их в собственной жизни существенно необходимы для человека, в особенности впоследствии, в зрелом возрасте – для постижения смысла и *цели* в жизни. Для него важно также, чтобы уже в детстве, с ранних пор ему удалось самому пережить игры и постигнуть при посредстве игры по отношению как к своему внутреннему, так и внешнему миру, как *из* ***единства*** *получается* ***многообразие****, множественность, и каким образом множественность и* ***многообразие*** *в конце концов снова открываются и разрешаются в* ***единстве****.*

Глава VIII
Шар и кубик как средство для изображения других предметов

Об изображении других предметов с помощью шара и кубика уже неоднократно говорилось в связи с характеристиками их основных свойств. Однако есть и еще много наблюдений, говорить о которых до сих пор не было повода. Так, например, кубик может быть то *столом*, на котором ставится что-нибудь для ребенка, то *скамеечкой*, на которую мать ставит свои ноги, то *стулом*, на котором она сидит вместе с ребенком, то *очагом*, на котором нужно сварить что-нибудь для ребенка, то *ящиком* (шкатулкой), в котором спрятано что-нибудь, то *комодом*, который закрыт, то *домом*, который заперт, то *колодцем*, который покрыт, то, наконец, *печкой*, которая закрыта, то *тюком товара,* который свален в кучу. Затем, в другой раз, он может быть *молотком*, которым нужно прибить что-нибудь для ребенка, иногда, если воткнуть палочку в ребро кубика, он может быть *киркой*, а если воткнуть палочку в его угол – то *мотыгой*, которой окапывается грядка. Наконец, иногда он может изображать собою *ребенка*, который вертится, *девочку*, которая танцует, *котенка*, который хочет поймать свой собственный хвост; затем это *комок снега, снежный обвал*, который падает с крыши или с горы, скала, которая отрывается и устремляется в долину; а если его поставить на плоскую поверхность и вертикально воткнуть в него сверху палочку, то *цветочный горшок*, в котором только что посажено стройное деревцо, и т. д.

Благодаря таким наблюдениям ребенок рано приучается наблюдать и познавать *одну* вещь с многих точек зрения и *различные* вещи в *одном* каком-либо отношении и, кроме того, в *различных* отдельных предметах замечать их *общие* признаки и изучать их в отвлеченной совокупности. И таким образом, предмет, изученный ребенком со всевозможных сторон, связывающих его с жизнью, чувством и умом самого ребенка, становится действительно ему *дорог*.

Здесь напрашивается нам … одно существенное замечание, … а именно: *только внутреннее единение в настроении и жизни*, существующее *между матерью и ребенком*, между ним и его воспитательницей, сообщает этой, а равно и всякой другой игре с ребенком истинную жизнь, придает ей настоящее, присущее ей глубокое значение и настоящее, свойственное ей действие, порождает в жизни ребенка сначала почки, затем цветы и наконец

плоды. От взрослого человека, принимающего разумное участие в игре, не может ускользнуть, что обоих играющих внутренне объединяет собственно *троякая* ***любовь*** со стороны взрослого: *любовь к ребенку, любовь к средству для игры… и любовь к великому жизненному целому*, по отношению к которому они оба являются подчиненными целыми. …Средство для игры (орудие игры) пробуждает, воспитывает и развивает жизнь в ребенке, и потому своим, хотя и немым, участием в игре оно как бы обнаруживает любовь к ребенку; далее оно делает видимыми для ребенка жизнь и любовь к нему играющего с ним взрослого человека; наконец, предмет, употребляемый при игре, дает возможность ребенку во время процесса игры и с помощью самой игры, делающей его веселым, радостным и довольным, ощутить непосредственно свою собственную жизнь, а отчасти и жизнь всего окружающего внешнего мира…

Таким образом, по поводу рассмотрения настоящей игры и всех, особенно наиболее ранних, детских игр мы приходим к следующему существенному замечанию: степень, или ступень, достигаемого всестороннего внутреннего *жизненного, чувственного и умственного удовлетворения* является, собственно, определяющим началом для всей будущей жизни человека, началом, дающим ей основной тон, выражение и характер.

Внутренняя ***удовлетворенность*** *вообще,* в особенности же *удовлетворенность в области чувств рано и даже очень рано должна быть доставлена* ребенку, должна быть предметом постоянного ухода, должна быть вполне ему обеспечена. От этого зависит все будущее внутреннее благополучие и неблагополучие, все будущее внутреннее и, следовательно, истинное счастье в жизни человека…

Воспитывать уже с ранних пор эту удовлетворенность в ребенке и взрослом человеке, укреплять ее в нем и превращать в твердость чувств, ума и постоянство жизни, наделять его этой удовлетворенностью как высшим даром при выходе в жизнь и на весь жизненный путь – вот одна из самых важных и существенных целей описанных нами игр. Но для достижения ее необходимо и здесь, как и при занятиях с ребенком, при всяком воспитании в ребенке стремления к жизни и деятельности, соблюдать *три условия*: чтобы воспитание было сопряжено с укреплением и прояснением жизни у ребенка и, следовательно, с внутренним *единением его с самим собою;* чтобы оно находилось в согласии и *единении со средством для его занятий* и, наконец, чтобы оно сопровождалось *высшим единением со всем жизненным целым,* с общей жизнью и жизнью Вселенной и носило в себе определенное, не подлежащее никакому сомнению выражение

всего этого. То, что мы выше называли *любовью*, фигурирует здесь под названием «*единение*».

Для этой цели затеяны и преобразованы в угоду чувству эти и следующие игры, которые, доставляя удовольствие ребенку, удовлетворяют также и потребностям мысли взрослого человека и соединяют ребенка с жизнью и природой, имея в виду воспитать в ребенке с ранних пор светлое настроение мысли и чувства и, наоборот, удалить от него мрачное, неприветливое настроение и губительную угрюмость…

Хотя игра с шаром и мячом предназначена для занятий с ребенком в возрасте от начала второго и до конца третьего года, но он и после будет заниматься ими вполне целесообразно и соответственно с процессом своего развития. Поэтому здесь отметим только, что применение этой игры в таких годах вполне *соответствует способности речи и ходу ее развития у ребенка.* В ней встречаются простейшие слова: *там, где, куда, как, туда, сюда* и т. д., далее ряд простых слов, отличающихся друг от друга одним начальным звуком, которые лежат в области доступной для ребенка артикуляции, и потому если их явственно произнести, то он может их в точности воспроизвести сам. Запас слов обнимает как предметы, так равно и действия и качества. Воспроизведение и применение этой игры на практике дает вкупе с игрой первого дара, с игрой в мяч, без сомнения, прекрасную точку опоры и начальный пункт для развития речи у ребенка…

Глава IX
Первый обзор игр или Средство для воспитания стремления к занятиям у детей

...Первое, чем мы старались с помощью внешнего воздействия развить общую деятельность ребенка, были: ***мяч*** и противоположное ему, как бы вытекающее из него в качестве прочно установленных его разновидностей: ***шар*** и ***кубик.***

На игре с *мячом* и посредством его как замкнутого в себе самом, подвижного, упругого, светящегося, издающего теплоту предмета ребенок воспринимает свою жизнь, свою силу, свою деятельность и деятельность своих чувств на первой ступени своего сознания, и притом в единении их между собою, и таким образом *упражняет* их.

На игре с *шаром* и *кубиком* и посредством их, напротив, ребенок сознательно знакомится еще с некоторыми из своих чувств, а также в особенности с применением к делу своих членов, *упражняя* их в то же время в игре и посредством игры.

Поэтому *мяч* является для ребенка средством для наблюдения и заместителем важного в себе действия, единой в себе силы.

Шар является для ребенка заместителем каждого замкнутого в себе простого предмета в отдельности. В нем ребенок предугадывает множественность предметов, покоящуюся пока в состоянии единства.

Кубик является для ребенка заместителем всякого более многообразного предмета, находящегося на дальнейшей ступени развития. В нем ребенок предугадывает единство, лежащее в основе всякого многообразия, из которого это многообразие и исходит.

В *шаре* и *кубике*, если их рассматривать в сравнении между собой, при внешнем их наблюдении ребенку представляется то, что особенно важно для всей его последующей жизни, а именно их противоположное равенство, которое он имеет возможность наблюдать повсюду вокруг себя и нередко даже в себе самом.

Но подобно тому как человек объединяет в себе то и другое, замкнутый в себе простой предмет и разнообразные более сложные предметы, и разлагает их в себе как противоположности, точно так же из них обоих, именно при внешнем соединении *шара* и *кубика*, получается для ребенка выражение чего-то одушевленного, живого, в частности, получается *кукла*.

Итак, ребенок требует, с одной стороны, сложения отдельных частей, воссоединения разрозненных элементов, а с другой –

также и разделения на части связанного, единого целого. Поэтому-то ребенок стремится все открыть или разделить (разнять). Итак, *шар* и *кубик, разделенные* на части, сообразно с *внутренними условиями* каждого из них, и будут необходимой следующей стадией развития детских игр и средств для занятий.

Однако и здесь творчески-деятельная жизнь ребенка требует, чтобы были приложены старания вновь связать и соединить, и притом по возможности различными способами, то, что было только что разделено при участии самодеятельности самого ребенка: главнейшая его забава состоит в быстром чередовании построения и разрушения, соединения и разделения, к чему мы вскоре еще вернемся.

Если бросить испытующий взгляд на формы детских построений и составлений, не обращая внимания на то, что они сейчас же будут разрушены и разрознены, то на большом числе их можно распознать, что:

1) это будут или *жизненные формы,* подражающие окружающей жизни, и таких будет большинство;

2) или чистые соединения, приводящие к какому-либо единому в себе образу – и, следовательно, преимущественно *формы красоты* (эстетические);

3) или, наконец, соединения и изображения как результат сравнения по форме, величине, положению и т. д., – следовательно, преимущественно *формы познания*.

Таким образом, у нас получается следующее первое обозрение игр и средств для воспитания стремления к занятиям в ребенке.

(вообще выражение чего-либо живого)

Шар и кубик разделены по внутренним основаниям, вытекающим из свойств каждого из них. Затем каждый из них снова самостоятельно соединяется ребенком в формы жизни, красоты и познания, соответствующие преимущественно:

в шаре – чувству и характеру;

в кубике – мысли и уму ребенка.

Глава X
Третья игра ребенка

Предисловие
Внешнее занятие, игра ребенка и его внутренний мир

…Родители и воспитатели! Мы должны неуклонно сосредоточивать свое внимание на следующем. *В занятиях и играх ребенка с самим собой в особенности в первые годы его жизни формируется в согласии с окружающим его миром и под его незаметным влиянием не только* ***зародыш****, но и* ***сердцевина*** *всей его будущей жизни по отношению ко всему тому, что мы должны признать уже данным в этом зародыше и сердцевине, а именно по отношению к индивидуальной окраске жизни, самостоятельности, будущей личности (и индивидуальности вообще).* Поэтому уже первые занятия с самим собой способствуют не только упражнению и укреплению тела, его членов и органов внешних чувств, но даже прежде всего развитию чувств и образованию ума, а также пробуждению внутреннего смысла и настоящей рассудительности…

…Мы должны вновь развивать в детях и юношестве как настоящую любовь к родителям, так и истинное уважение к взрослым и старшим, уважение к опыту и суждению, глубоко заложенное первоначально (со дня рождения) в детях и юношестве, и, наконец, любовь и даже стремление к указаниям родителей в жизни. Мы должны дать детям почувствовать и уразуметь умом и сердцем их собственную внутреннюю жизнь и ее потребности, мы должны заставить их одновременно с творческой деятельностью, проявляемой ими снаружи, заглядывать к себе в душу и зорко следить за тем, что там делается, и, наоборот, мы обязаны предостерегать себя от того, как бы пустым разъяснением их внимания снаружи не сделать их бессодержательными изнутри.

…Без сомнения, мы объясняем слишком много явлений в наиболее ранней жизни детей одним только стремлением их к физическому благополучию, тогда как истинная причина их – духовного свойства. …Детей уже с самых ранних пор не следует проносить мимо окружающих их предметов без слов, безучастно, не обращая на них никакого их внимания, а, наоборот, нужно показывать им эти предметы, и притом по возможности с разных сторон и в различных отношениях. Точно так же замечателен факт, …что одна только любовь к внешней личности ребенка, …

исключительно физическое попечение о нем мало привязывают его к лицу, окружающему его такими заботами, …даже более того, ребенок вовсе ускользает от того, кто сосредоточивает свое милостивое внимание исключительно на его внешней личности. Это явление заслуживает всестороннего изучения и дальнейшего исследования со стороны родителей и воспитателей.

…Постоянное и даже возрастающее уважение, любовь и даже благоговение детей создаются и гарантируются для родителей, взрослых и вообще старших по возрасту тем, *что делается ими* вообще *для воспитания* ***духовной*** *жизни детей*, а в особенности тем, что они дают ребенку возможность и способность развиваться с ранних пор сообразно с его, хотя и слабыми еще, физическими и духовными силами и соразмерно с его, хотя и незначительными еще, способностями и в то же время свободно, самодеятельно и самостоятельно, постоянно чувствуя в себе присутствие неустанного и зоркого высшего руководства и в то же время не замечая над собой внешней руководящей руки…

Поэтому забота о воспитании в ребенке внутреннего и духовного начала должна начинаться сейчас же после появления его на свет, присоединиться непосредственно к заботе о его физической жизни…

Итак, раньше всего, и притом раньше, чем у ребенка появится какое-либо навеянное ему извне замечание, ему должна светить, как солнце, и согревать его следующая мысль: «Уход, развитие и образование моего внутреннего существа, как целого в себе, а также и как члена высшего жизненного целого, составляет цель всего того, что делается для меня извне, что делают для меня взрослые люди, и прежде всего мои родители»…

…Давайте вместе поживее переселимся в тот уголок семейной комнаты, в котором ребенок занимается своими играми, или к игральному столу в детской комнате и попробуем подметить то, чем занимается ребенок при начале своих самостоятельных занятий… По возможности тихо и незаметно займем себе там место и будем наблюдать, как ребенок в возрасте от одного до трех лет после того, как он уже изучал какое-нибудь замкнутое в себе, вполне доступное для его понимания тело со стороны его внешности и цвета, после того, как он повертел его на разные лады в руке и испытал его прочность, как он вслед за тем будет пытаться ***разделить*** *это тело* ***на части,*** по крайней мере, ***изменить*** *его форму с целью* ***открыть*** *в нем новые качества,* ***изобрести*** *новые способы его употребления.* Когда удастся ребенку сделать первое, то мы увидим, как затем он будет стараться или ***соединить*** эти *части* снова в *первоначальную цельную фигуру*, или же ***построить*** из них *какое-нибудь новое*

целое. Мы замечаем, как он нисколько не устает, хотя повторяет эту операцию непрерывно и притом в полном молчании довольно долгое время…

Остановимся на этом красноречивом явлении и постараемся с помощью него распознать, что же теперь, *после* замкнутого в себе *мяча, после* однородного со всех сторон, твердого *шара и после* единого, устойчивого *кубика*, мы должны дать ребенку в качестве игрушки для следующей игры на основании исключительно внутренних соображений и без всякого произвола…

Кубик, разделенный через центр на части по всем сторонам и параллельно с ними, как третий дар детской игры. Его сущность

…Главный кубик является в этой игре разделенным вышеупомянутым способом на *восемь* совершенно равных между собою кубиков. Таким образом ребенок ясно различает здесь, как уже данный факт, без всяких слов (в числе предметов вещественного наблюдения), *целое и часть,* ибо каждый из частичных кубиков составляет часть главного кубика…

Таким образом, при этой простой игре, с одной стороны, ***выясняются*** *посредством сравнения и противоположения,* а с другой – ***заучиваются*** *посредством повторения основные наблюдения:* целое и часть, форма и величина. Далее, здесь дается ребенку в качестве объекта непосредственного наблюдения относительное ***положение*** и, что еще важнее – *расположение*, ибо он может наблюдать здесь *верх и низ, перед и зад* и т. п., и, следовательно, положение, *смежное* с чем-нибудь, положение *под* чем-нибудь и т. д.

Ребенок различает в качестве объектов вещественного (конкретного) наблюдения *внешнее* от *внутреннего*; он может даже сделать *внешнее внутренним и внутреннее внешним*. Перед ребенком открывается важная область фактических наблюдений, и он может повторять их до тех пор, пока будет охота.

…Благодаря такой игрушке ребенок получает собственно и ***ключ*** *к уразумению внешнего мира,* а также приобретает в ней *стимул к проявлению своего собственного внутреннего мира.*

О том, что человеческое существо с ранних пор сказывается в ребенке как существо *чувствующее и ощущающее, действующее и изображающее, мыслящее и познающее,* и что в этой ***единой в себе прочности*** его проявления заключается вся совокупность его проявлений и действий, мы говорили уже неоднократно…

Этому троякому проявлению единого в себе человеческого

существа и детской жизни вполне соответствует также и данная игрушка, так как она, как уже было замечено и пояснено в предыдущем обзоре, *делает возможным изображение и воспроизведение форм* ***красоты, жизни и познания.***

Но благодаря этому раннему расчленению и вещественному наблюдению, хотя бы и без всякого словесного обозначения, *различных изображений детской деятельности и внутренней жизни ребенка у ребенка и впоследствии у взрослого человека является возможность раннего и истинного* ***познания природы и внешнего мира,*** в особенности же *ясного* ***самопознания****…*

Через посредство этой игры, равно как всех следующих игр этого рода, ребенку должны быть даны, и именно в возрасте 1–3 лет, как *побуждение*, так и *материал* для того, чтобы ***свободно*** *развивать и упражнять своими собственными средствами всю совокупность его сил и способностей* сообразно с соответствующей ступенью жизни и образования…

Ни в коем случае мы не можем позволить себе здесь забыть и еще о двух не менее важных для нас по своей обоснованности тезисов. Первый из них гласит, *что внешний мир развивается перед глазами ребенка, следовательно, и расширяется и формируется совершенно по тем же самым законам и в подобной же последовательности, как повествуется нам в нашем Священном Писании о сотворении и украшении мира вообще и прежде всего Земли.* Второе положение состоит в том, *что райским садом ребенка, его эдемом является детская и семейная комната, отцовский дом и окружающий его двор.*

…Перед ребенком стоит расчлененный на части, но имеющий вид цельного, единого кубик (см. рис. 1 на с. 215). То, что ребенок видит глазами, он желает ощущать, исследовать осязанием. Один из частичных кубиков трогается с места, и наконец он или какой другой кубик под влиянием этой операции выпадает… И таким образом начинается разложение и сложение его частей на тысячу ладов сообразно с требованиями самостоятельности и индивидуальных качеств ребенка, проявляющихся в свою очередь то в виде приложения кубиков друг к другу, то в виде расположения их друг за другом, то в виде нагромождения их друг на друга. Опыт показал, что здоровые, сильные и живые дети занимаются этим довольно долго и притом молча, размышляя про себя; и постройки их, хотя и различаются своими направлениями у разных лиц, у каждого в отдельности осуществляются всегда в одном и том же избранном направлении.

Что же при этом должен делать верный, заботливый воспитатель? Он должен предоставить ребенку играть молча и

рассуждая только с самим собой до тех пор, пока это ему будет угодно. Если же ребенок взглядом или голосом пригласит воспитателя к участию в игре, то он должен обозначить словом то, что делает в данный момент ребенок. Например, если ребенок в это время ставит кубики друг на друга, то надо сказать: «Вверх, вверх, вверх». Если он приставляет их друг к другу, то надо сказать точно таким же образом: «Рядом, рядом, рядом». Так же подбираются слова, если ребенок ставит кубики друг за другом, друг перед другом, расставляет их друг от друга, составляет их сверху вниз и т. п. Но можно также напевать эти слова: *«Рядом, рядом, рядом»* или *«Вверх, вверх, вверх»* и др., изменяя при этом тон, повышая его, например, при пении слов *«вверх, вверх, вверх»* и понижая при пении слов *«вниз, вниз, вниз»*.

…Ребенок будет долго заниматься простым складыванием и раскладыванием кубиков и сравнительно часто будет возвращаться к этому занятию частью в одиночку, частью совместно со своей воспитательницей. Однако вскоре уже им овладеет некоторое предчувствие, и он попытается сложить *что-нибудь* из кубиков, придать их расположению *форму чего-нибудь* (например, форму звезды). Предусмотрительный воспитатель должен подметить это смутное предчувствие в ребенке и посмотреть, нельзя ли увидеть *чего-нибудь* (сходства с чем-нибудь) в сложенных ребенком фигурах, например *стол, скамью, стул* и т. д. Или сразу несколько предметов, например два стула, две скамьи, стул и скамью или стол и скамьи и т. д. (См. рис. 2–12 на с.215.)

…С изображаемым *предметом* он связывает, хотя бы и очень смутно, также и его толкование, определение ***цели*** (назначения) *этого предмета,* например, со стулом, со скамьей он связывает представление, что на них можно сидеть. Но он идет и еще дальше… Он требует, сверх этого, чтобы изображаемый предмет стоял в связи *с ним самим* или, по крайней мере, *с его жизнью*, или с кем-нибудь, или с чем-нибудь в его жизни, например *стул*.

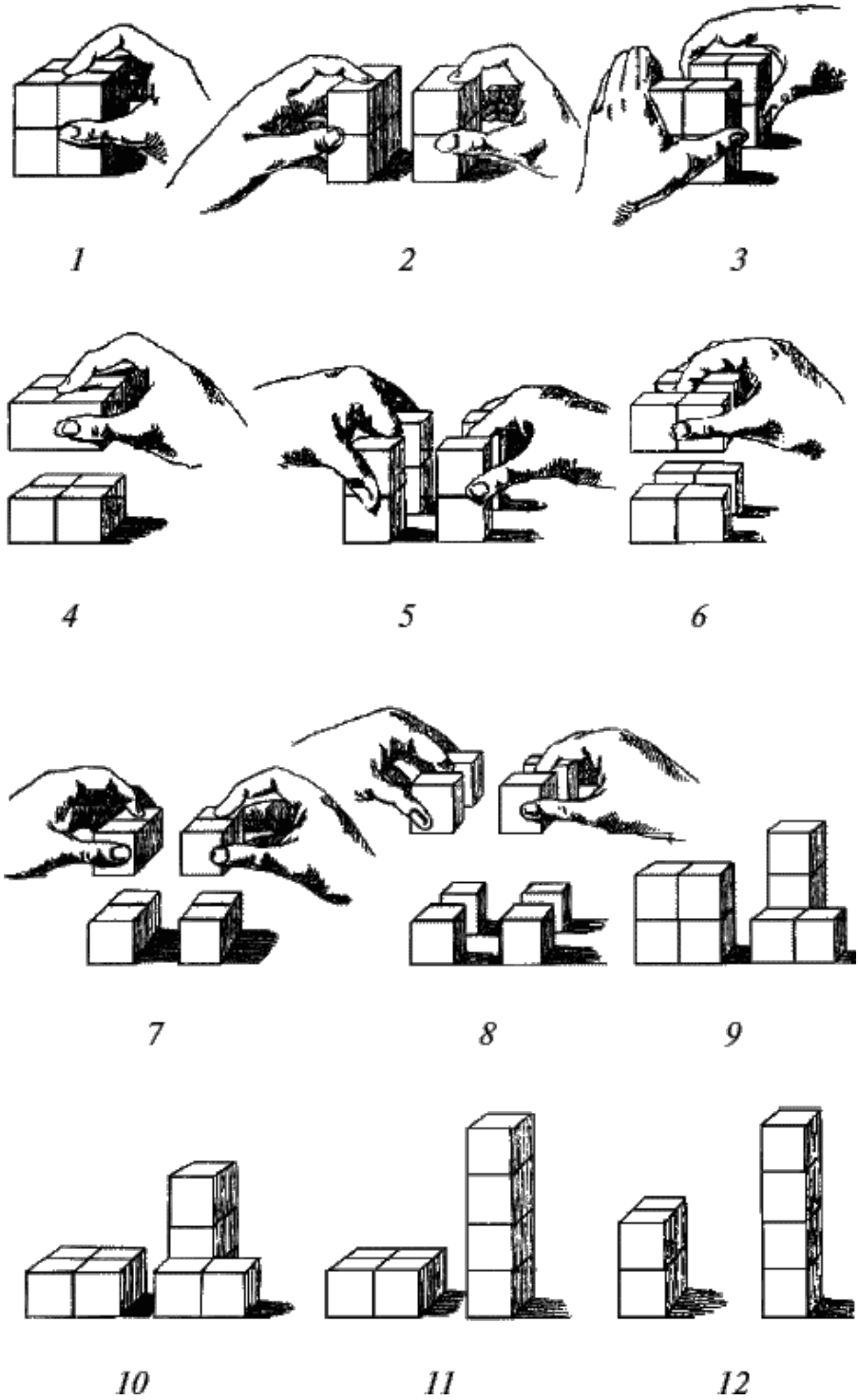
«Это стул бабушки, на который она садится. Она берет ребенка, если он ведет себя тихо, к себе на колени и рассказывает ему что-нибудь. Поди сюда, бабушка, поди сюда! Вот *стул*. Ты можешь сесть на него. Поди сюда, расскажи что-нибудь малютке». Так говорит мать как бы устами ребенка и затем продолжает: «Поди сюда, бабушка, принеси супцу. Вот *столик* и скамеечки уже стоят около него». Так продолжает мать как бы устами ребенка и ведет с ним таким образом диалог или взаимную беседу.

…В несколько более зрелом возрасте ребенку можно рассказывать даже целые маленькие рассказы, которые к тому же возможно всячески варьировать, например, все кубики

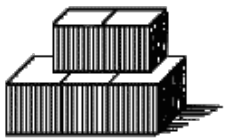
располагаются, как указано на рис. 9 и 10 на с.216. Эти фигуры можно рассматривать как изображения лестницы. И вот мать начинает рассказывать:

«Соседскому сыну Фридриху отец позволил нарвать в саду вишен с дерева. Он пошел туда и вздумал достать *большую, тяжелую лестницу, которую приставляют к дому или крыше.* Но, как только он попробовал поставить, она упала и разбилась. Смотри, вот она падает! Это увидал садовник Франц и сказал: *«К дереву в саду* приставляют не тяжелую домовую лестницу, *а легкую,* двойную *лестницу*, специально предназначенную *для деревьев и сада».* Фридрих увидал, что Франц прав, и пошел за такой лестницей. Смотри, вот она стоит (рис. 10 на с. 216). И вот по ней он забрался высоко вверх и нарвал превосходных вишен. Из них он дал несколько штук и Францу, а также принес маме и папе».

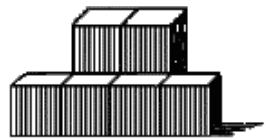
ТРЕТЬЯ ИГРА РЕБЕНКА
Объяснительные фигуры



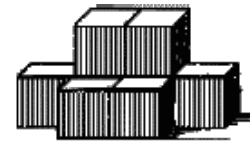
ТРЕТЬЯ ИГРА РЕБЕНКА
Фигуры предметов



1. Трехместная скамья



2. Садовая скамейка



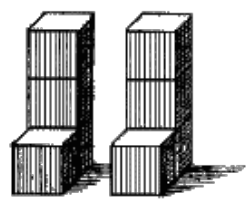
3. Трехместнаая садовая скамейка

4. Две скамьи со спинками

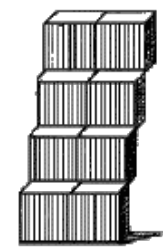
5. Стул

6. Кресло

7. Трон



8. Два стула



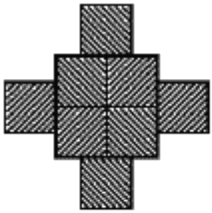
9. Лестница

10. Садовая лестница

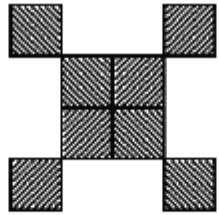
11. Колодец

12. Корыто у колодца

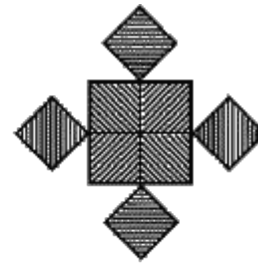
ТРЕТЬЯ ИГРА РЕБЕНКА
Изящные фигуры



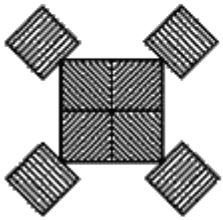
1



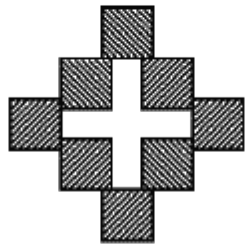
2



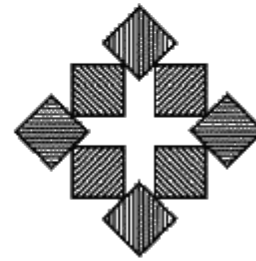
3



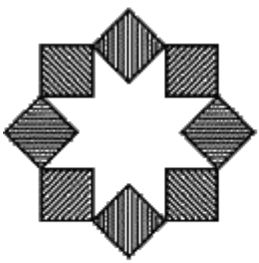
4



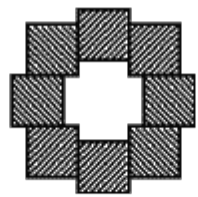
5



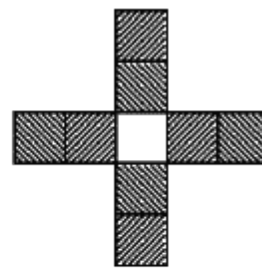
6



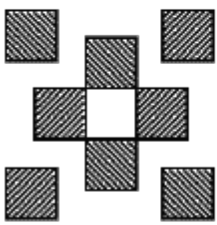
7



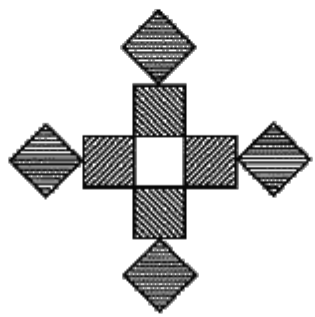
8



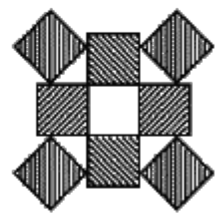
9



10



11



12

Таким образом, при каждом изображении оказывается множество различных наблюдений и всевозможных применений и соотношений, полезных в жизни ребенка.

Мы должны ограничиться этими немногими указаниями. Достаточно. Нужно предоставить ребенку возможно более полную свободу изображения. Опыт будет давать свои указания только попутно с изображением. Впрочем, руководящий игрой воспитатель может время от времени брать на себя роль побуждающего начала, говоря, например: «А сделай-ка стул».

Все это имело пока отношение к формам жизни, которые изображают с помощью этой игрушки. Этим изображениям можно было бы дать более подходящее для детского понимания название форм *вещественных, предметных*.

…Иногда ребенок с помощью всех восьми кубиков составляет такую форму, при которой ни один из них не бывает лишним и ни в одном не чувствуется недостатка; …но обо всем изображении мы не можем сказать, чтобы это был какой-нибудь определенный *предмет*, не можем сказать, чтобы это была какая-нибудь определенная *вещь*… По-видимому, это изображение проходит не мимо нас, как какой-то призрак, а *внутри* нас, как некоторое предположение: оно добивается, чтобы нам что-нибудь показалось (пришло в голову) по этому поводу, и мы, не думая, говорим: «Это красиво!» Перед нами является нечто, но что мы не знаем, что им *изображается*. И мы называем это «нечто» *образом* (картиной)… Мы не можем назвать эти формы иначе, как красивыми, или, лучше, ввиду того, что они сами в себе представляют нечто единое, мы можем назвать их одним словом *Schonheitsformen* (формами красоты), или, говоря устами ребенка, – *образными* (картинными) формами; очень часто, хотя и не всегда, – формами *цветов* и менее часто – формами *звезды*. (См. табл на с. 217.)

…Однако при продолжении творческой деятельности пред нами предстанут сами собой такие формы, которые нельзя… будет обозначить ни как формы жизни, или вещественные формы, ни как формы красоты, или образные формы. Вот, например, фигура 2 на с. 215. Сразу, как бы с одного взмаха или с одного приема получается на месте одного построения *два*, на месте целого являются *части*, две части… Что же говорит мне это явление? Оно говорит мне и *внушает* мне следующее: ***единое*** *целое* я могу разделить, могу разделить *пополам*, на ***две*** части, на два полуцелых, на две половины.

Следовательно, тела могут иметь как *различную* ***величину***, так и *одинаковую* величину. Но обе половины, хотя *между собой*

они совершенно *равны*, по сравнению с целым кубом имеют *отличную* от него ***форму***.

…То, чему *научил* таким образом куб ребенка, чему ребенок *научился и что познал* при посредстве его, есть *истина*. Поэтому эти формы можно назвать формами *истины, познания,* формами *обучения*, но более всего подходило бы для ребенка назвать их формами *усвоения*.

Но могут ли формы познания, истины, обучения и усвоения для ребенка в возрасте 1–3 лет сделаться также формами игры и таким путем формами самостоятельной творческой деятельности?

О, конечно! Почему же нет?

Надо сложить вместе все восемь кубиков, как показано на фигуре 2, и сказать: «Два полкуба!» Затем эти соединения и разделения повторяются несколько раз друг за другом и при этом напевают:

Где целое – есть там
И две половины.
А в следующий раз:
Одно пополам,
И две части вам.
Снова другой раз:
Взять дважды пополам,
Четыре части вам.

Еще больше изменений можно внести, если изменять одновременно слова и положения (см. табл. на с. 215). Соединяя кубики в различных пропорциях, можно одновременно *изображать и петь:*

Одна половина,
Две четверти – вот,
Вот – две половины,
Четыре – свой счет,
Четыре четвертых
И восемь восьмых…
Игры нет забавней
Средь игр всех других!

Или:

То здесь много, то здесь мало,

Велико то, то – мало…
Что ж причиной быть могло?

Или, внося в игру также язык и обозначаемые им отношения:

Половины – здесь и там,
Впереди и позади же;
Половины – выше, ниже…
Ту иль эту – видно вам!

Все эти песни и наблюдения можно еще и другим способом вводить в жизнь ребенка, а также применять в совсем общем виде для его успокоения. Например, можно, качая ребенка на руках то направо, то налево, петь:

Показаться, вновь уйти –
Так в игре должно идти.

Или можно еще то сжимать обе руки, то открывать и при этом на каждой из них расставлять пальцы; затем сжать пальцы на обеих руках на каждой отдельно, затем снова открыть. И при этом петь:

Мало, много и – опять…
То прибавить, то отнять,
Так превесело играть!

Наконец, заставляют кончики пальцев как бы бегать друг по другу, начиная с маленького пальца, как будто желают их пересчитать, и при этом продолжают петь:

Разве это не прекрасная игра!

…Однако какова же цель всего этого? А цель всего этого та, чтобы вокруг ребенка никогда не было ничего мертвого, но чтобы его постоянно окружала только одна жизнь. Только одно – главное, как оно и есть в действительности, чтобы ребенок никогда не видел и не слыхал ничего пустого, лишенного смысла и значения, но чтобы он во всем наблюдал, воспринимал и ощущал смысл, значение и полноту жизни, жизненное согласие и жизненную связь. Однако ни в коем случае, особенно при так называемых «формах усвоения», не может быть принято мнение, будто ребенок уже определенно усваивает отношения величин и

чисел, скорее, с определенным наблюдением связывается определенный тон, а тон при его повторении соответственно вызывает и связанное с ним определенное наблюдение, и таким образом до ребенка никогда не доходит ничего неопределенного или совершенно пустого.

…В самом деле, ведь какой дар у ребенка и человека вообще нужно признать наивысшим? – *Жизнь*. А пользование каким даром наиболее важно для ребенка и человека вообще? – *Пользование жизнью.*

Какие подарки наиболее дороги для ребенка, а равно и для человека вообще? Те, которые служат ему средством наиболее чисто развертывать его внутреннюю жизнь, наиболее многообразно ее преобразовывать, наиболее свободно двигать и наиболее ясно проявлять ее…

Глава XI
Четвертая игра ребенка Ребенок и игра

…Воспитание ребенка и человека вообще только тогда приносит с собой мир и счастье, когда оно уже с ранних пор помогает человеку воспринять следующее положение: жизнь внешнего мира не только не противостоит в качестве прямой противоположности непосредственным и вместе с тем наиболее чистым требованиям ненарушимой собственной жизни человека, но даже настоятельно вплетается в жизнь внутреннего мира, способствуя ее развитию, если только обе эти области правильно изучены и надлежащим образом приспособлены, истолкованы по отношению к их сущности и определению, в особенности же по отношению к их противоположным качествам. Наконец, внешний мир не только вполне соответствует требованиям внутреннего мира, но даже идет этим требованиям навстречу, сам собою и своими собственными средствами изображает внутренний мир.

Обо все этом взрослый человек, обладающий проницательностью, должен уже иметь по возможности ясное представление, прежде чем вводить своего младшего брата, своего питомца, своего ребенка в область внешнего мира, прежде чем давать ему игрушку, служащую посредником между ним и внешним миром; он должен, по крайней мере, иметь понятие об играх и занятиях, об игрушке и средстве для занятий, чтобы они служили ребенку средством для воспроизведения его внутреннего мира, для приближения к себе внешнего мира с его явлениями и для облегчения познания обоих этих миров. При таком посредническом положении игры и игрушек в жизни ребенка, при таком истинном взгляде на них для нас ни в коем случае не может быть безразличен не только подбор их, но и последовательность и связь их между собою, а равно и их воздействие на жизнь ребенка…

…Здесь мы попросим тех родителей, друзей и воспитателей детей, до сих пор критически следивших за нашим изложением средств для детских занятий, равно как и вообще образовательных и воспитательных средств и их обоснований, на момент остановиться, … чтобы обратить внимание на ту простоту, на ту уверенность, с которыми мы следуем по пути развития и образования, раз уже признанному за истинный, и с которыми мы выполняем условия удовлетворяющей нас системы воспитания человека.

Вот одно из первых ее основных положений: в каждом

предыдущем и посредством него должно уже быть дано и обусловлено последующее… Поэтому никогда не следует указывать ребенку слишком широкого средства для развития и образования; нельзя также требовать от него ничего такого, что еще не обосновано, не выяснено в предыдущем или настоящем опыте…

Другое требование … гласит: каждый предмет должен являться для ребенка, с одной стороны, как замкнутое в себе целое, а с другой – в разнообразных соединениях как часть более крупного целого…

Точно так же у нас осуществляется и то основное положение, по которому всякое познание и толкование жизни должно быть тесно связано с представлением фактов внутренней жизни во внешнем мире, а фактов окружающей действительности – в мире внутреннем и с восприятием полного единения, согласования этих обоих миров между собою…

Какой спокойный прогресс развития человека, ребенка, равно как и постепенное ознакомление с нашим миром обеспечивается таким путем!..

Кубик, разделенный на восемь брусков

Четвертый дар ящиков для игр и занятий. Его сущность

…Подобно тому как изображения предыдущей игры были преимущественно изображениями массы и изображениями тел, так изображения этой игры становятся главным образом изображениями плоскостного и линейного протяжения, изображениями на горизонтальной плоскости и в вертикальном направлении…

И здесь также изображения различаются в свою очередь на жизненные, или вещественные, формы; на формы красоты, или образные формы, и на формы познания, или усвоения (обучения). (См. табл. на с. 228–231.) Эти последние в сравнении с соответствующими формами предыдущей игры имеют ту особенность, что они проявляют более плоскостное и линейное протяжение; однако все формы, включая сюда и некоторые немногие квадратные поверхности, ограничиваются формой прямоугольного четырехугольника. Следовательно, здесь особенно поддаются изучению отношения по форме и величине (см. таблицу на с.228, где представлена приблизительно половина этих форм). Кроме того, в этой игре появляются еще два новых явления: это – ***равновесие*** и распространяющееся ***движение***.

Практика игры

Потребность, случай, короче, свободная игра как таковая, и здесь прежде всего вступают в свои права, с тем только условием, чтобы всему, что возникает как бы из-под руки строителя, тотчас дано было *имя*, которое напоминало бы ему, как и раньше, что-нибудь известное и близкое, например *домик, комнату, стол, стулья, скамьи* и т. д. (См. табл. на с. 230, 231.)

Подобно тому как всякое изображение, всякое явление постоянно связано с определенным внутренним *условием*, точно так же и здесь этим условием является то единственное требование, которое было высказано уже раньше, *а именно чтобы в каждом построении,* будь оно простое или сложное, связное или расчлененное целое (например, памятник, садовая стена или деревня), *были постоянно использованы все плитки или, по крайней мере, чтобы все они были поставлены в связь с основным изображением.* Цели выполнения этого условия и здесь, как было указано и раньше, многообразны: прежде всего, чтобы ребенок занимался ***осмысленно***, чтобы он постоянно имел в своем деле ***определенную цель*** или, по крайней мере, он был принужден никогда не выпускать ее из виду; затем, чтобы ребенок мог наблюдать строимый им предмет в ***многосторонних отношениях*** и соединениях, что необходимо, например, в том случае, когда у него остается одна плитка и ее приходится во что бы то ни стало привести в соединение с построенным уже предметом; наконец, самое последнее, чтобы ребенок ***умел использовать весь предоставленный*** в его распоряжение и пользование ***материал*** и ***ничего не оставил бы*** без внимания и без ***употребления***. Благодаря всему этому в ребенке развивается сила ясного внешнего толкования предметов, а также и внутреннего наблюдения и формирования своих наблюдений, сил представления и воображения (фантазии)…

Отношение и связь игр между собой

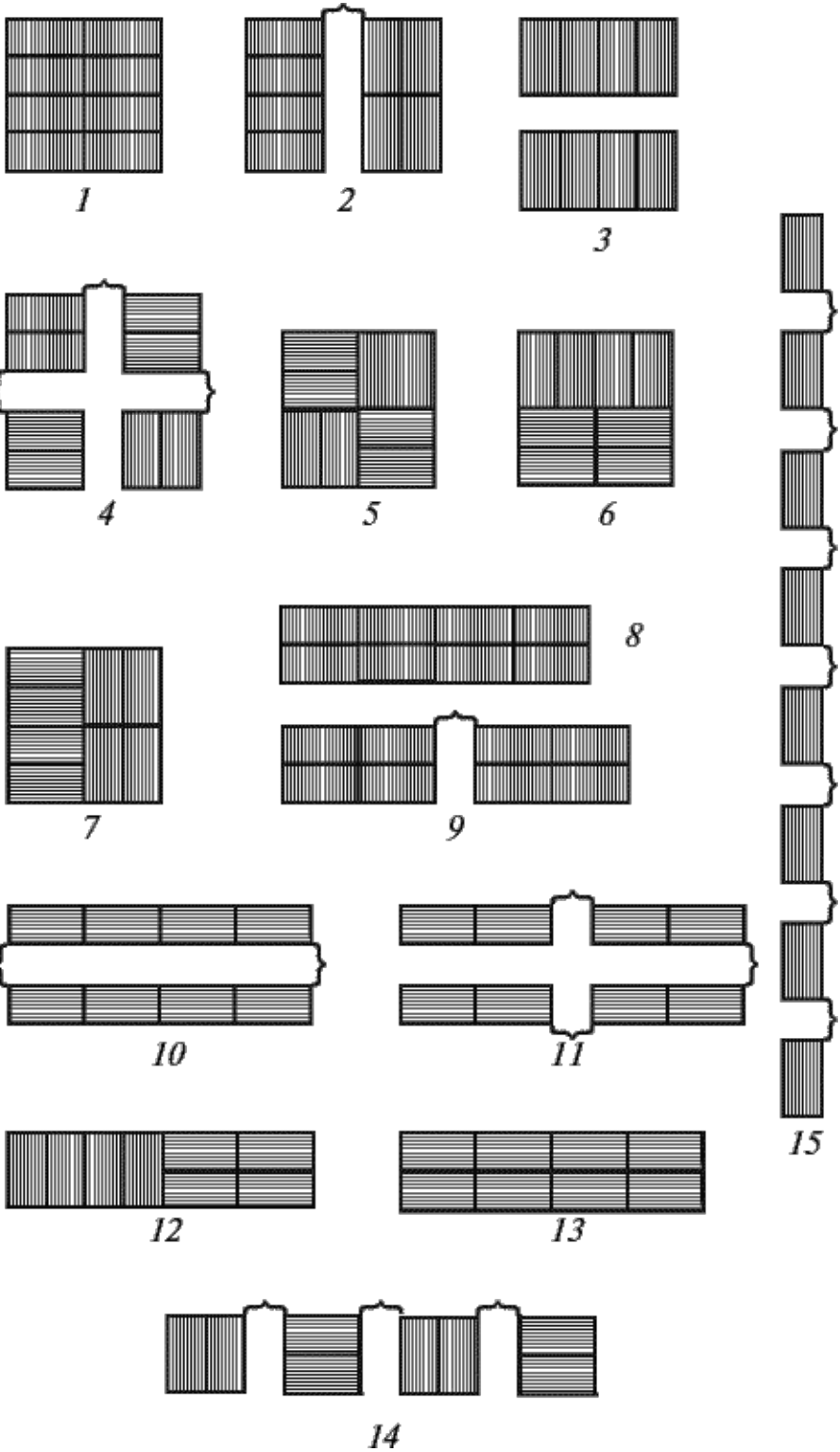
Уже при играх второго дара мы высказали положение, что выступление на сцену этих игр отнюдь не прекращает пользования играми первого дара, но что те и другие игры не только могут, но и должны идти параллельно друг с другом, чередуясь в зависимости от потребностей ребенка и способствуя выяснению и более всестороннему и жизненному применению друг друга… Но еще более необходимо подчеркнуть это положение здесь, при играх четвертого дара по отношению к играм третьего дара… Если есть налицо двое или более детей

приблизительно одинакового возраста, т. е. в возрасте двух – четырех лет, то они могут по прошествии некоторого времени меняться своими игральными ящиками. Но желательно при этом, чтобы каждый из них предварительно привел свой ящичек в полный порядок, запаковал его и в таком виде передал другому, а не просто уступил бы ему в беспорядке материал для игры, т. е. 8 кубиков или 8 брусочков. Это важно ввиду того, что детям нужно внушать постоянное *уважение* и даже *любовь* к своим игрушкам, пробуждать и поддерживать в них *чувство порядка.* То же самое нужно соблюдать и тогда, когда играет только один ребенок и когда для освежения и разнообразия он захочет перейти от одной игры к другой…

Словом, игральный ящичек постоянно должен быть для ребенка дорогим, достойным уважения и любви товарищем. Все находится во внутренней связи друг с другом.

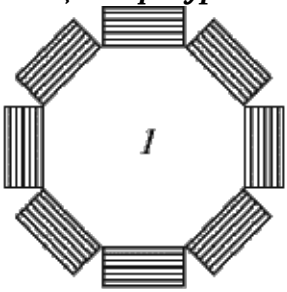
Когда, таким образом, каждая игра и каждый игральный ящичек в отдельности, в особенности же ящички третьего и четвертого даров, будут ясно усвоены ребенком в их сущности, тогда они могут быть вручены ребенку и оба сразу для совместного и объединенного пользования ими в играх…

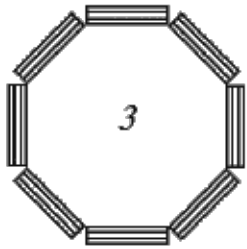
ЧЕТВЕРТАЯ ИГРА РЕБЕНКА
Объяснительные фигуры

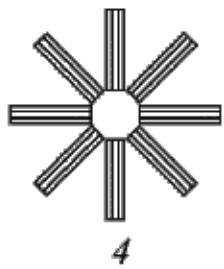

1
2
3
4
5
6
7
8
9
10
11
12
13
14
15

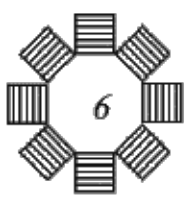
ЧЕТВЕРТАЯ ИГРА РЕБЕНКА

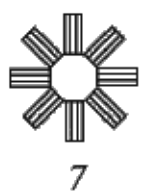
Изящные фигуры

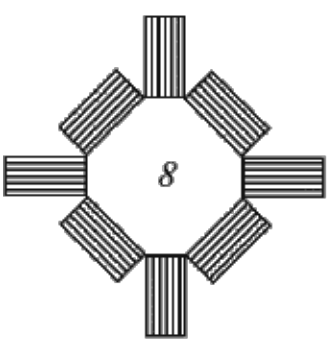


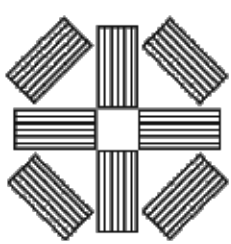


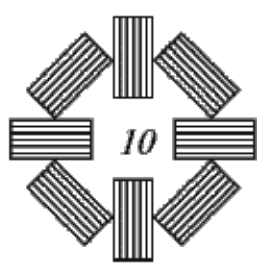








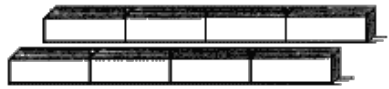




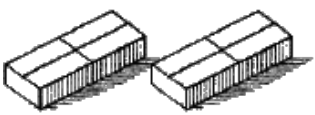
ЧЕТВЕРТАЯ ИГРА РЕБЕНКА
Фигуры предметов

Куб

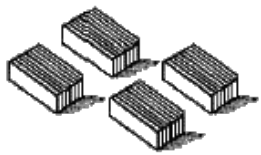
Пол



Две доски

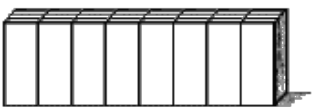


Две половицы

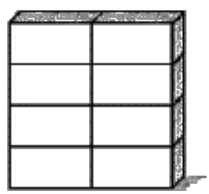


Четыре плитки

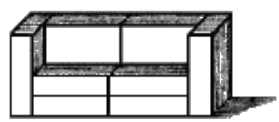
Восемь камней для постройки



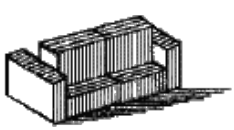
Длинная стена



Высокая стена

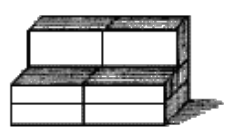


Скамья со спинкой и с ручками



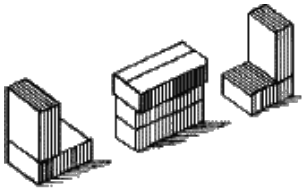
Двойная скамья

Стол

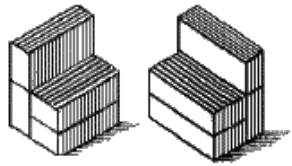


Длинная скамья

ЧЕТВЕРТАЯ ИГРА РЕБЕНКА
Фигуры предметов

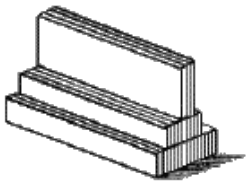


Стол и два стула

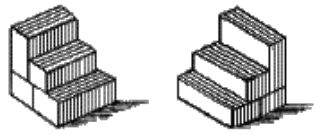


Две скамьи

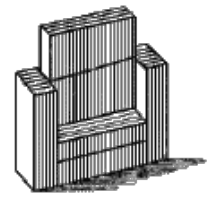
Скамья с подножкой



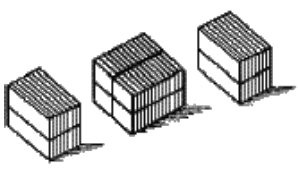
Двойная скамья с подножкой



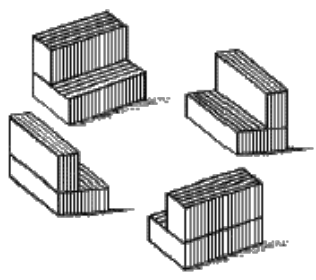
Две скамьи с подножкой



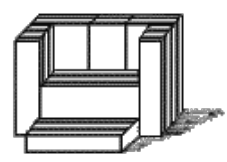
Скамья с высокой спинкой



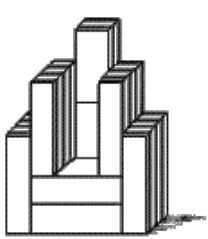
Стол и скамья из дерна



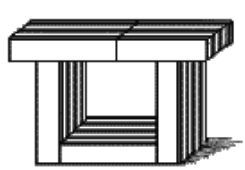
Скамья для общества



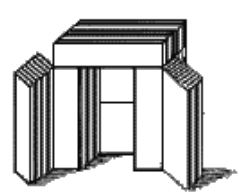
Скамья со спинкой и подножкой



Трон



Открытая садовая беседка



Садовая беседка с открытыми дверями

Глава XII
Второй обзор игр или средств для воспитания в детях стремления к занятиям

…П*рирода в беспрерывном развитии жизни*… может и должна служить нам прообразом и руководителем подобно тому, как неиспорченный, сильный характер человека служит ему в этом побудительным стимулом. Ведь мы видим, что в природе всякая вещь в своем развитии и формировке доходит в своем роде до совершенства…

…Человек прежде всего должен развиваться в соответствии, в единении с природой и в ненарушимом согласии с общей жизнью, равно как и с жизненным единством и источником жизни.

…Но никакое проявление силы и жизни не обходится *без* образов и *внешних форм.* Таковы явления света, теплоты, явления в области звука и т. д. Всякая жизнь и ее закономерность проявляются в явлениях только в известной *внешности*…, сопряженной обязательно с известной *формой и величиной*. Форма, в свою очередь, проявляется в расчленении, величина – в разделении ее на части, а обе вместе – в известных количественных отношениях и с их помощью, с помощью раздробленной на части всеобщности, или *числа.*

Чтобы понять человека, ребенка уже в ранних стадиях его развития… уже в первых проявлениях его *деятельности*… мы дали ребенку мяч в качестве первой во всех вышеуказанных отношениях игрушки и как бы в качестве единого образа и заместителя всего сущего…

…Игра с *мячом* под руководством преданного делу и опытного в жизни воспитателя незаметно, с помощью свойств мяча, знакомит ребенка с общими свойствами тел, природы и жизни. Игра же с *шаром и кубиком*, в особенности игра, сопряженная со сравнением их между собою, напротив, ведет ребенка скорее и преимущественно к познанию частных свойств тел, природы и жизни.

Глава XIII
Пятая игра ребенка или кубик, дважды равномерно разделенный по всем наравлениям на маленькие кубики, которые в свою очередь делятся наискось по диагонали пополам

...Пятый дар игр состоит из 21 целого, или неразделенного, кубика, из 3 разделенных пополам и из 3 разделенных на 4 части по своим косым или боковым поверхностям кубиков, которые все вместе опять образуют один целый главный кубик, равный 3x3x3 = 27 частичным кубикам.

Об употреблении этой игры

Она начинается всегда с ясного обозрения всего кубика, как единого и со всех сторон равномерно замкнутого в себе целого, следовательно, с ясного представления плотно сложенного кубика. Это *достигается* очень легко тем, что при укладывании кубика в ящик на самый низ в один и тот же ряд кладут кубики в делениях какого-нибудь одного рода. Поэтому, следовательно, кубики займут дно в следующем порядке: ряд *неразделенных* кубиков, ряд кубиков, *разделенных пополам,* и ряд кубиков, *разделенных на четыре части*. Остальные 18 целых кубиков заполняют остальное пространство в ящике.

Когда кубики таким образом уложены в ящик и он закрыт крышкой, то стоит поставить его крышкой на стол и вытащить ее из-под него, а затем постепенно поднимать ящик, перед играющим ребенком явится и целый кубик, расположенный в отличном порядке.

И это не только внешнее облегчение для ребенка, но несет также внутреннюю выгоду для него. Во-первых, хорошо, если игрушка дается ребенку постоянно *приведенной в порядок,* а не в беспорядке, как корм животным. Во-вторых, хорошо, если ребенок начинает игру с обзора *целого*… В-третьих, существенно важно, чтобы играющий ребенок ясно мог *обозреть* материал для игры, расположенный всегда в определенном порядке, чтобы благодаря этому в нем непроизвольно создавался и план его употребления. Ребенок, который так начинает игру, будет играть во всякое время с большим удовольствием и с более постоянной для себя

пользой, чем тот, перед которым его материал для игры лежит в беспорядке, как куча камней с мостовой.

Так как всякое применение… начинается с деления на части и к тому же с обратного складывания сообразно с определенной целью, то первое применение, которое мы дадим этому пятому дару, также должно быть *изложением форм познания.* (См. табл. на с. 238, 239.)

Итак, прежде всего *деление на части*. Первый самый безыскусственный и самый простой вид деления – это деление на равные части, которые имеют наибольшее сходство с целым по форме и незначительны по количеству. Здесь это будут три прямолинейные, равные между собой квадратные площадки.

…Наблюдение, познание и рассмотрение, которых трудно достигнуть с помощью слова, легко и ясно осуществляются с помощью самого дела и демонстрации… Но для большей полноты и совершенства здесь может принимать участие и слово, именно… ритмическое слово…

Если же к слову и движению (такт, ритм) присоединяется еще и тон, какой-нибудь способ пения (мелодия), то *наблюдение с помощью внешних чувств, духовное восприятие* обращается в *настроение*.

Из этого совершенно простого первого деления получается множество различных изображений.

Всегда действует укрепляющим и оживляющим образом на ум и характер ребенка, а вместе с тем и поучает его, давая ему удовлетворение, наблюдение фактов, связанное с простым словом, а где можно, и с пением: все становится одушевленнее и действеннее влияет на ум и чувство, и даже врывается в самую жизнь. Например:

Легко мне с кубиком играть,
Из формы в форму превращать!

При этих наблюдениях для ребенка бывает приятно и не менее поучительно, если ему предложить изобрести и потом сложить одну форму из другой… Существенно важно для ребенка, чтобы каждая форма была обозначена словом не только в общем виде, …но по возможности точно и ясно. Например:

В прямоугольнике прямых угла – четыре,
Косоугольник взять – и в нем косых четыре.

…Очень интересная и в высшей степени увлекательная

задача состоит в том, чтобы определить, например, *сколько* квадратных площадок: всех равновеликих или всех неравновеликих, или же равновеликих и неравновеликих – можно изобразить *сразу* посредством всего содержания кубика.

Примером могут послужить здесь только прямоугольные площадки, которые могут быть сделаны из этого кубика…

Во-первых, *все прямоугольники* ***равны*** (3 площадки, каждая по 9 кубиков).

Во-вторых: *все прямоугольники* ***неравны*** (два прямоугольника: *один* из 25 и *один* из 2 кубиков; *один* из 18 и *один* из 9 кубиков и т. д.).

В-третьих, *прямоугольники* ***равные и неравные*** (три прямоугольника: *один* из 25 и *два* по 1 кубику; четыре прямоугольника: *два* по 9 каждый, *два* по 4,5 кубика и т. д.).

…От этих форм познавания и обучения, как бы они ни назывались, очень легко перейти к формам образности и красоты, равно как и к формам вещей, к строительным или жизненным формам, но дети с трудом будут идти по первому пути, а начнут лучше сейчас же с последних.

…Все формы красоты пятого дара по сравнению с предыдущими имеют… то существенно отличающееся от них качество, что они распределяются на два различных вида: на ряд *квадратов* и на ряд *треугольников* (см. с. 240, 241).

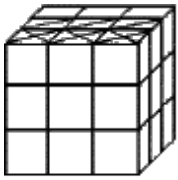
…Жизненные формы к пятому дару игр даны в таблицах.

…В заключение еще одно только слово об употреблении данных таблиц.

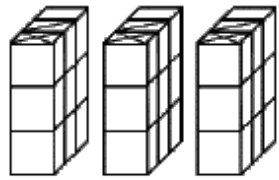
Прежде всего и преимущественно они предназначены для руководителей детей, а вместе с тем и для родителей, чтобы они могли достигнуть известного господства над предметом, по крайней мере, приобрести себе несколько более обширный обзор целого… Но если дети сами изобретут и изобразят уже многое и даже очень многое из того, что содержат таблицы, или, по крайней мере, что-нибудь подобное, тогда таблицы могут быть даны им для подражания тому, что изображено на них в очень большом числе. И это опять-таки важно во многих отношениях: во-первых, чтобы изображенное ими сравнивать с изображением на бумаге и по рисунку снова воспроизвести то же самое; затем для того, чтобы все более прояснять себе взгляд на целое и таким образом расширять кругозор; наконец, затем, чтобы развить силу воображения, сделать представления детей богаче и определеннее, а их изображения – увереннее и прочнее и таким образом пробудить в них силу и охоту увеличивать эти представления посредством наблюдений, собрания иллюстраций и изображений, когда и где только им представится к тому

удобный случай.

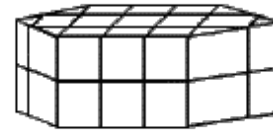
ПЯТАЯ ИГРА РЕБЕНКА
Объяснительные фигуры



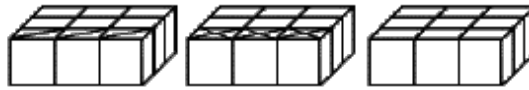
1



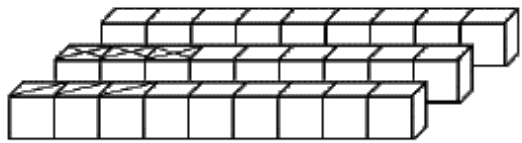
2



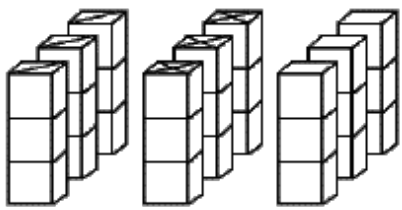
6



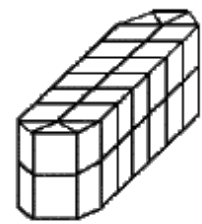
3



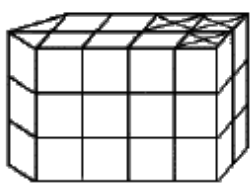
4



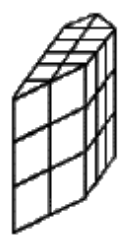
5



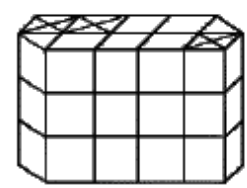
7



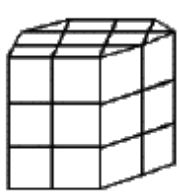
8



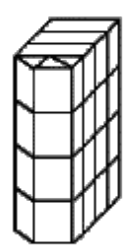
9



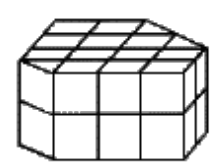
10



11

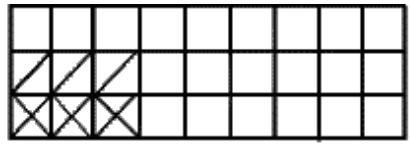


12

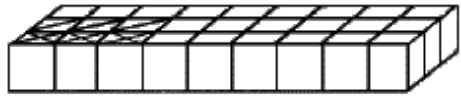


13

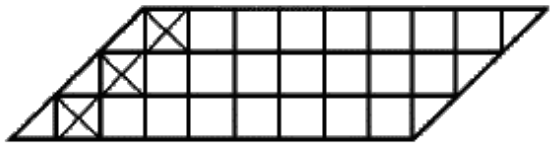
ПЯТАЯ ИГРА РЕБЕНКА
Объяснительные фигуры



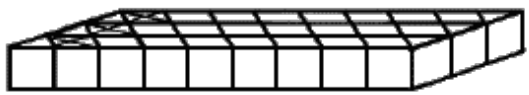
1



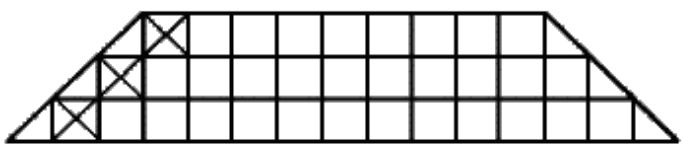
2

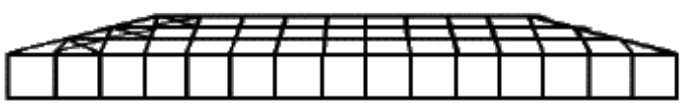


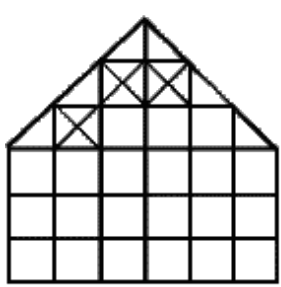
3



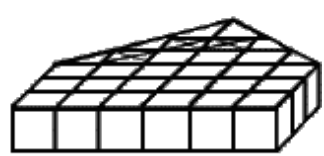
4



5

6

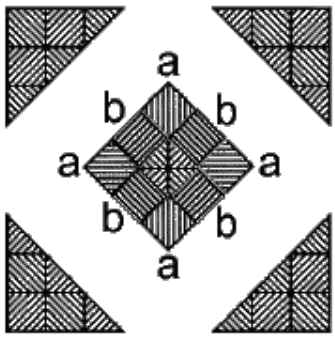


7

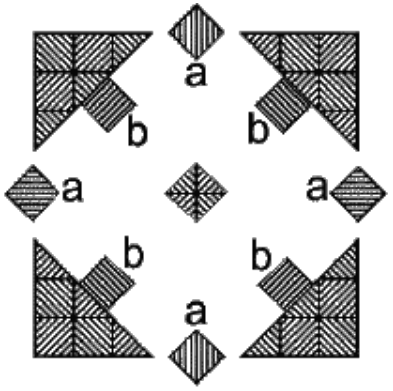


8

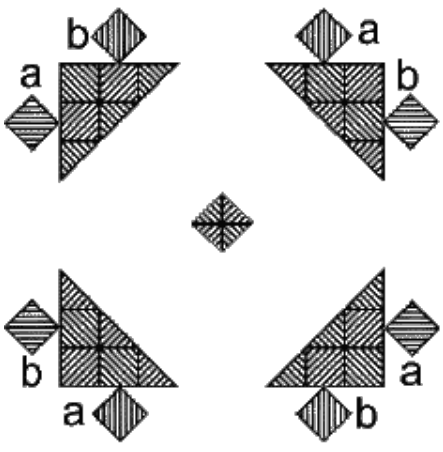
ПЯТАЯ ИГРА РЕБЕНКА
Изящные фигуры



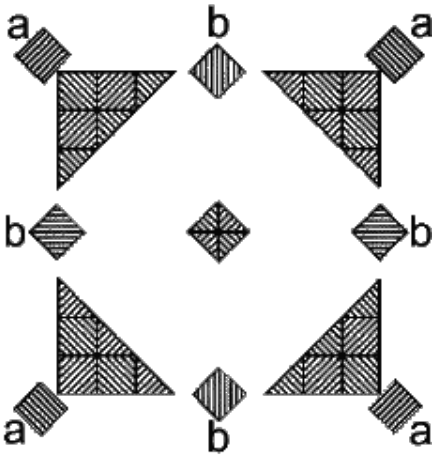
1



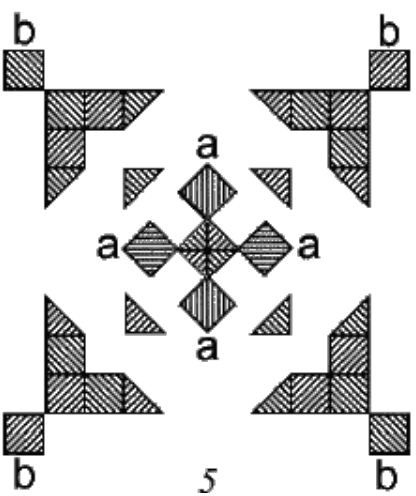
2



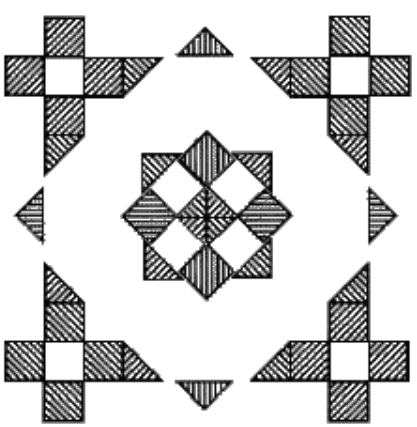
3



4

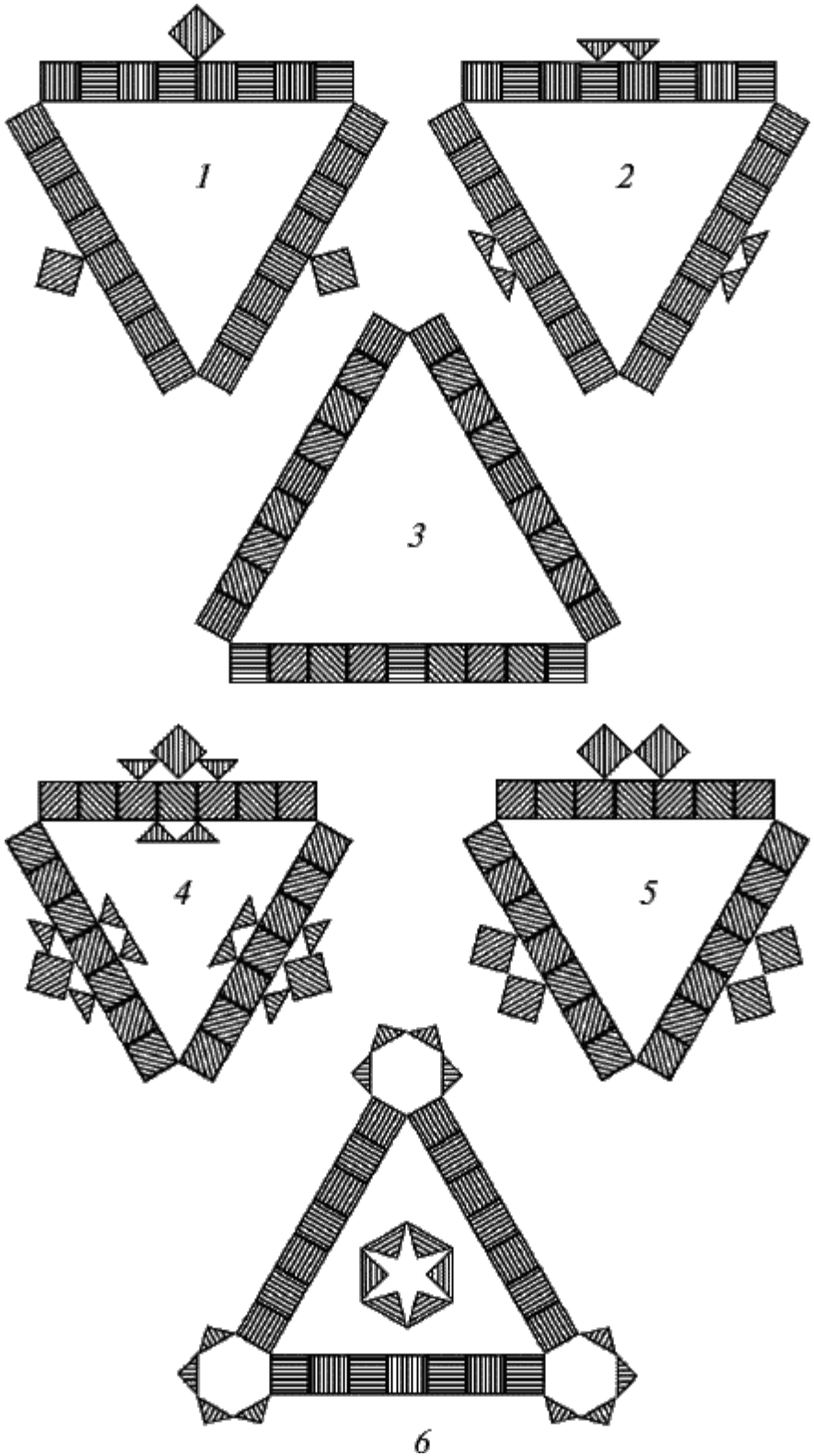


5

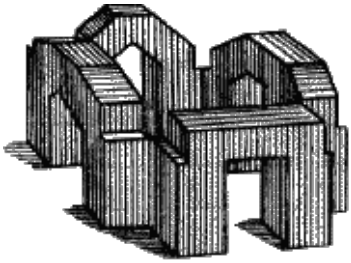


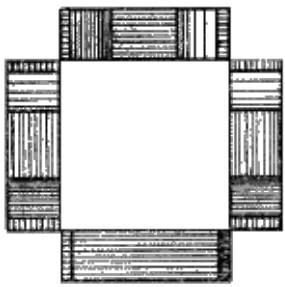
6

ПЯТАЯ ИГРА РЕБЕНКА
Изящные фигуры

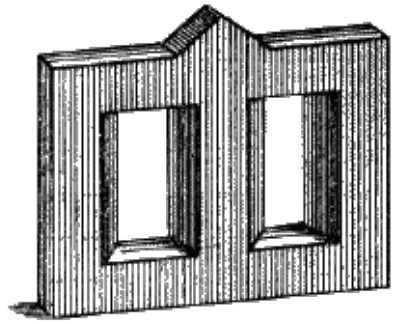

1
2
3
4
5
6

ПЯТАЯ ИГРА РЕБЕНКА
Фигуры предметов

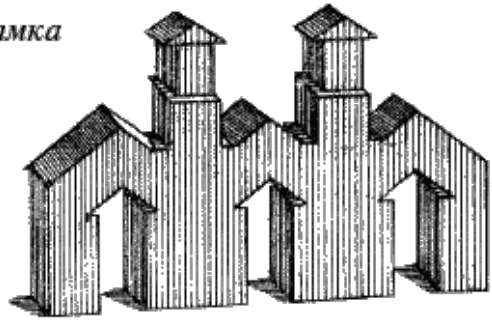




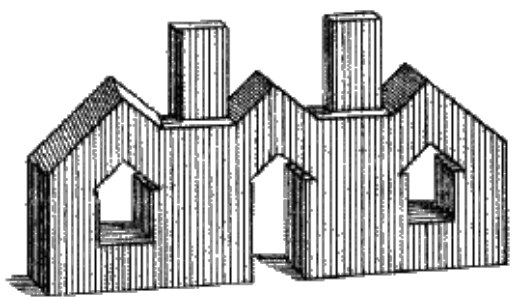
Двор замка



Фасад церкви



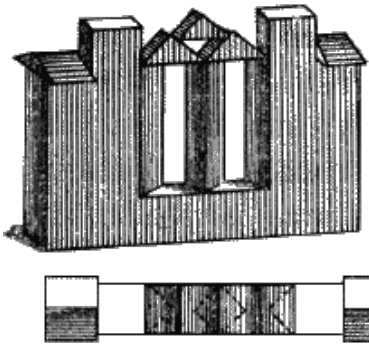
Трое ворот



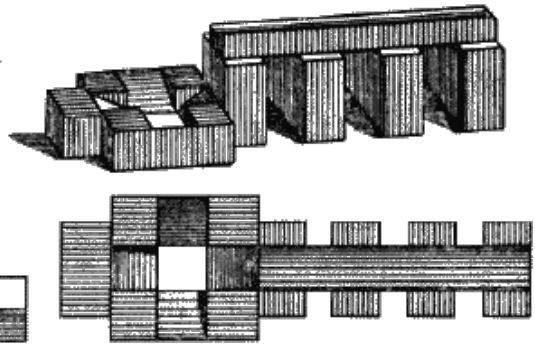
Ворота и два окна

ПЯТАЯ ИГРА РЕБЕНКА

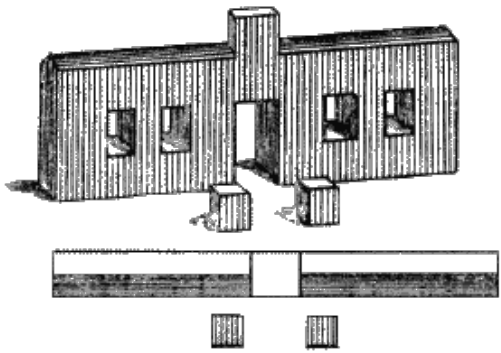
Фигуры предметов



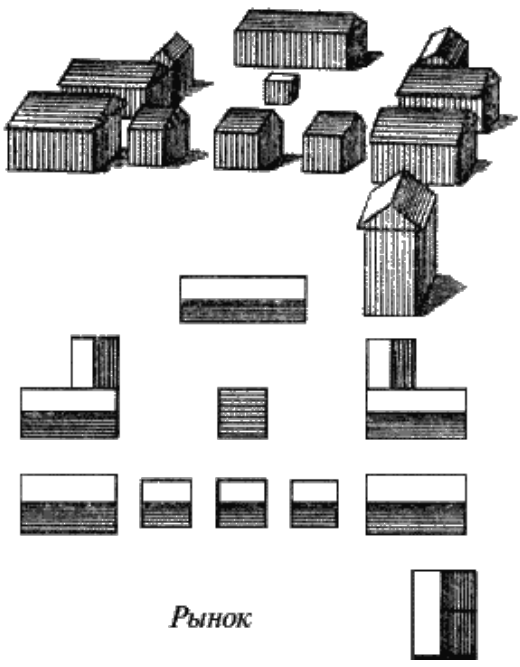
Готическое окно



Римский водопровод



Загородный дворец



Рынок

Глава XIV
Складывание из бумаги

При внимательном содействии со стороны взрослых руководителей это – развивающее, воспитывающее, интересное и поучительное занятие для детей от 5 до 7 лет и больше.

Предисловие

Выставленные здесь всесторонне развивающие средства образования ребенка имеют именно то уже признанное благодатное свойство, что они в своем последовательном применении, начиная от простого и постоянно переходя к более сложному и многообразному, как для детей, так… и для… ухаживающего за детьми взрослого доставляют приятно освежающее и укрепляющее отдохновение. Это свойство этих игр, удовлетворяющее как играющего ребенка, так и с любовью руководящего им взрослого – мать, отца, старших братьев и сестер, воспитателя, и есть именно то, что собирает всех в *настоящей семейной комнате,* соединяет их во внутренне *единую семейную жизнь* и побуждает к ее развитию; это свойство и есть именно то, благодаря чему эти детские занятия так благодетельно действуют как на воспитываемого ребенка, так и на воспитывающего взрослого, соединяют обоих в одно полное жизни целое, чтобы привести в исполнение и изобразить *истину, добро и красоту*, а равно и развить и усовершенствовать в гармонии и единстве с жизнью *ум, сердце, силу деятельности, мышление, чувствования и поступки,* что и составляет столь большую и настоятельно о себе заявляющую нужду во всех наших отношениях и всесторонних жизненных требованиях, в деле интеллектуального, эстетического и вообще практического воспитания.

А. Руководящая нить в средствах для занятий вообще, равно как и краткое введение в специальную часть

1. Средства развития, изложенные особенно в разделе о *материнских и ласкательных песнях* и в других местах, обусловленные глубоко сущностью и ходом развития ребенка… действуют непосредственно на человека и его дух. Так же точно средства для занятий, изложенные до сих пор, именно в трактовавшихся до сих пор дарах игр, основанные, как то

указано, глубоко на природе ребенка, равно как и на свойствах вещей, исходят, как уже здесь повторяется не один раз, из посредствующего, телесного, материального, как такового, в его простейших заместителях… образовательный элемент для чувств и членов здесь заключается в том посредствующем, которое существует между развитием и занятием, единым и неделимым, духовным и телесным.

2. Прогресс в данном случае идет по господствующему закону движения от *неделимого* к *делимому*… Это известные дары игр от третьего до шестого включительно.

3. От брусков средства для игры поднимаются к площадкам, и именно сначала к *прямоугольным* или *четырехугольным* и затем к *косым* или к *треугольным*. Понимание их различных положений и отношений друг к другу обусловливает их различный вид, их применение и их различное действие на ребенка.

Они образуют своеобразный и внутренне сплоченный ряд допускающих многосторонние образования и потому совершенно особенно развивающе-воспитательных, равно как и приятно-поучительных, *игр со складыванием.*

4. Через посредство брусков и площадок физическое деление спускается к *палочкам*… Употребление этих палочек состоит: а) в разнообразном *складывании* их между собой в известные уже формы жизни, красоты и познания, среди которых можно, если угодно, различать формы числа и формы счисления, равно как и формы письма и чтения и т. д., и б) в прочном *соединении* палочек в замкнутые фигуры или поверхности посредством соединяющего тела – *горошины* или *пробки*.

Для *подвижного* соединения отдельных палочек идут вместо них:

5. *Лучинки* или драни длиною в восьмерной кубик или в четырехкратный брусок и шириною *самое большее* в половину кубика. Занятие с ними и есть так называемое *устройство границ*, подобно тому как предшествующее занятие называется *работой с горохом.*

6. Соединение палочек, получаемое при устройстве границ, … приводит к занятиям с расчлененной палочкой, при занятии с которою одна форма развивается из другой, причем более сложная форма становится более простой.

7. Устройство границ и применение расчлененной палочки приводят к занятиям с *неделимыми*, сложенными в длину *лоскутками бумаги* или к *нанизыванию*, т. е. соединению, простых цветных лоскутов бумаги в форму ткани; это приводит к плетению, а плетение образует переход к следующему.

8. Посредством всего вышеизложенного деление и

расчленение целого приводят опять же к *целому в наблюдениях тел и поверхностей,* но уже имеющему определенную внутреннюю структуру, т. е. состоящему из комбинации частей.

9. От этого деления и обратного соединения разделенного материала дело идет дальше: *к превращению этого материала в различные формы, но при неизменной массе или действительно постоянно равном себе целом.*

a) Если целое, когда ему приходится быть таким образом преобразованным, является более *массивным*, более *вещественным*, то материал должен быть мягким, должен поддаваться давлению и перемещению его частей, следовательно, в известном смысле должен поддаваться отделке и потому легко изменять форму, но в массе оставаться постоянным. Это образует *лепку* и *моделирование* в первейших и простейших видах, исходящих от шара или даже от кубика.

b) Если исходят, напротив, от определенной и постоянно неизменной *поверхности*, то получается *складывание*… например складывание из бумаги. Оно исходит от определенной и данной формы.

Простейшая форма … есть *квадрат*… Хотя треугольник или даже *правильный треугольник*… по числу является более простой и первоначальной формой, однако… будет позднейшей, производной формой.

c) Если исходят от нитки, то получается игра для мальчиков и особенно для девочек, так называемая *съемка*. Здесь посредством нитки, остающейся одинаковой в своей длине, оба конца которой соединены, с помощью обеих рук помогающего второго лица с применением своих собственных рук у играющего получаются различные формы, вмещающие тела и поверхности.

10. Следующее занятие детей состоит в соединении обоих предыдущих, т. е. в соединении отдельного и постоянного, или при постоянной массе *тела* это будет *отрезыванием* или изрезыванием на куски, а при постоянной *поверхности* (например, бумаги) – *вырезыванием*…

В такой деятельности можно, **во-первых**, обратить внимание на формы, производимые посредством вырезывания, и именно на вид их: они будут тогда или только изображениями прекрасного, какой-нибудь идеи, или изображением *истин* и *мыслей или картин и предметов окружающей действительности* – природы, человеческой жизни и даже самого человека. Например, здесь – домашними принадлежностями хозяйства и ремесла, куколками и разными видами людей, там – предметами из природы: животными, растениями и т. д.

Или, **во-вторых**, *вырезанное* и отрезанное и таким образом

отделенное сохраняет свою связь с целым и само складывается в целое, обнимающее известное пространство. Это будет уже телесным, пустым (полым) и в своем применении к человеческой жизни может изображать комнату, дом, здание, и таким образом снова делается переход и введение в область *чисто человеческого: к дому, к семейной жизни, к семейной комнате*, – от которой и исходит целое, и именно в предметном образе, и поэтому оно (это целое) понятно для ребенка на основании его собственной жизни.

В. Складывание из бумаги как средство для занятий, исходящее от поверхности квадрата или от формы квадрата

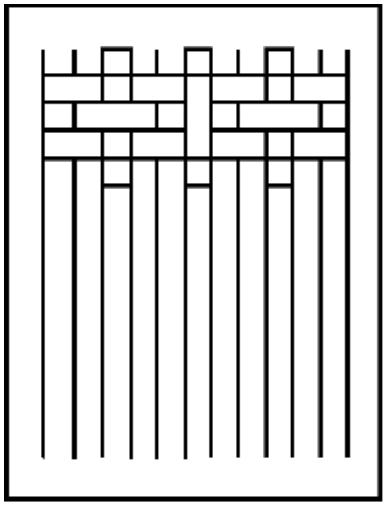
Квадрат можно образовать из всякой сплошной поверхности бумаги; очертания ее могут быть какими угодно. Данную сплошную поверхность складыванием в каком угодно месте делят на две равные по возможности части; складывают поверхности опять вдвое, деля пополам линию, образовавшуюся складкой, с одной стороны закрытой, ограниченной, с другой стороны разделенной, чтобы вышел прямой угол. Затем берут половину разделенной стороны, складывают ее так, чтобы пограничная линия ее совпадала с пограничной линией закрытой стороны, и именно так, чтобы она образовала с новой складкой половину прямого угла, затем делают *надрез* в какой-нибудь точке сложенной глухой стороны… затем дают половинке упасть в прежнее положение, соединяют оба надреза прямой линией, в направлении которой и отрезают лишнюю бумагу. Если развернуть полученный посредством этого разреза треугольник, то и получится желаемый *квадрат*. Замечательно при этом то, что из сплошного бесформенного… с помощью *трех* складок и *трех* разрезов получается самая закономерная и самая простая форма – квадрат. Это явление требует самого строгого, многостороннего внимания.

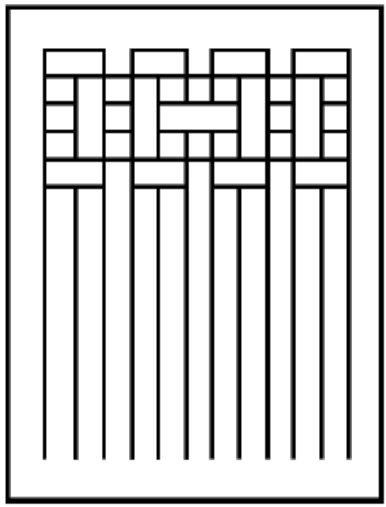
Было бы однако не только непозволительно, но и смешно постоянно для того, чтобы получить квадрат, исходить из этой операции. При действительно прогрессирующем образовании постоянно принимается в расчет уже добытое, уже существующее. Если и не формы квадрата, то во всяком случае формы прямоугольные мы находим среди окружающего нас.

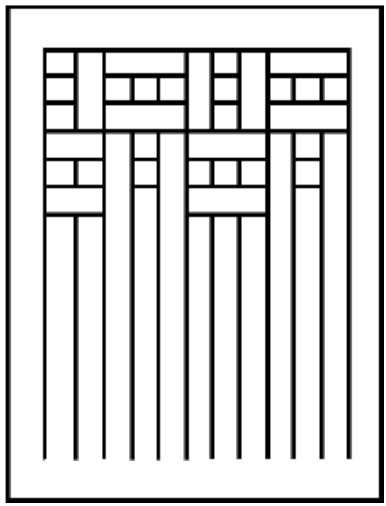
Уже наши теперешние сорта машинной бумаги имеют эту форму… Из *одного листа* машинной бумаги может быть сделано множество потребных для нашей цели квадратов… Полученные… *квадраты* образуют основу, собственно *материал для складывания,* а равно и для возникающих таким образом

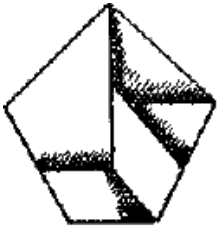
совершенно различных, но развивающихся друг из друга в простой закономерности форм и изображений, однако только через дальнейшее многократное сгибание и складывание…

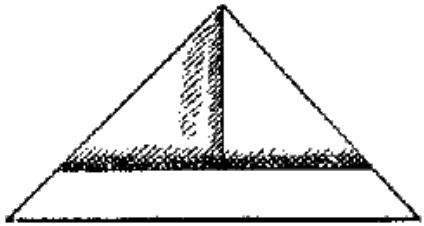
РУЧНЫЕ РАБОТЫ ДЕТЕЙ

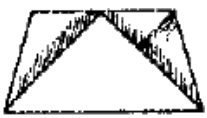


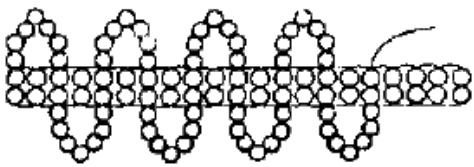


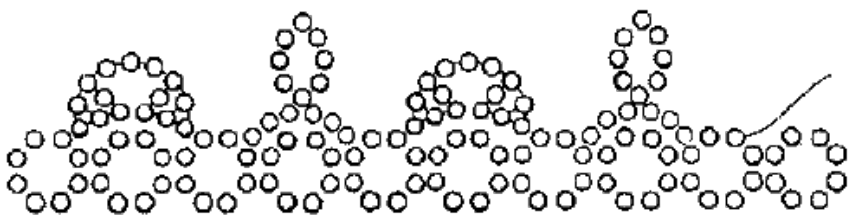


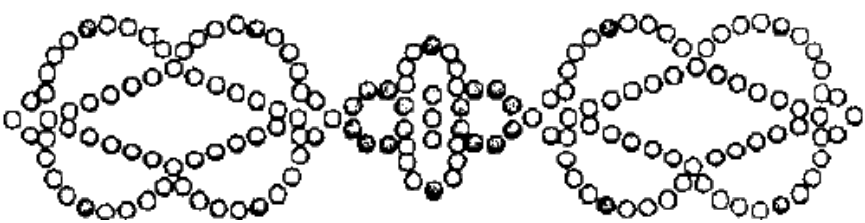


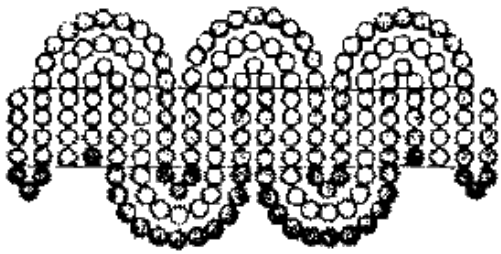


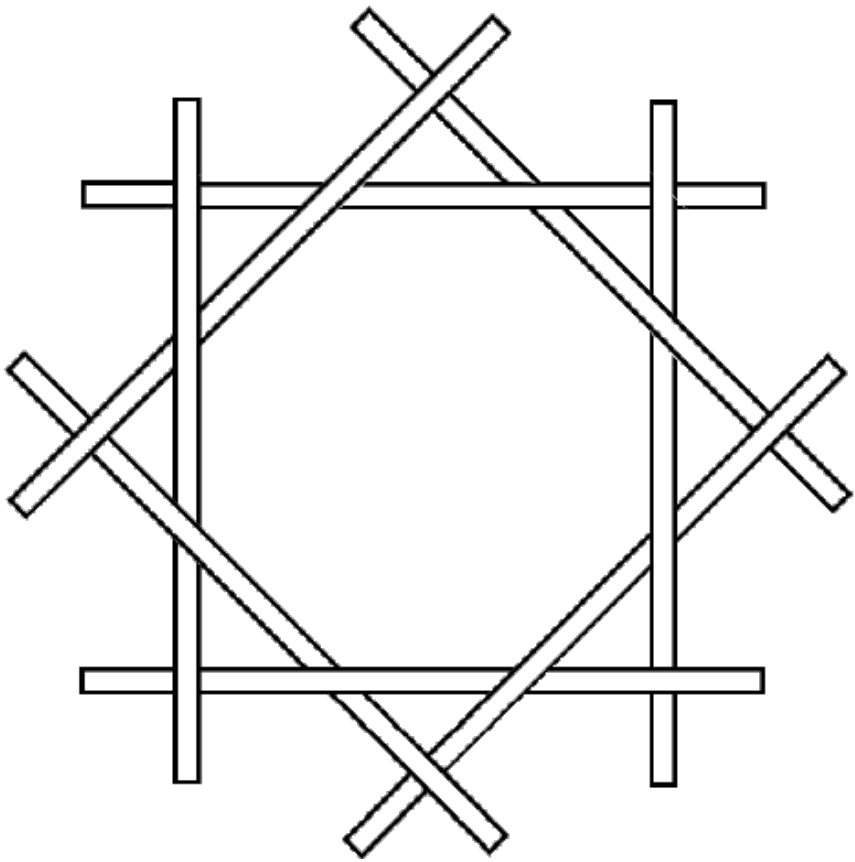




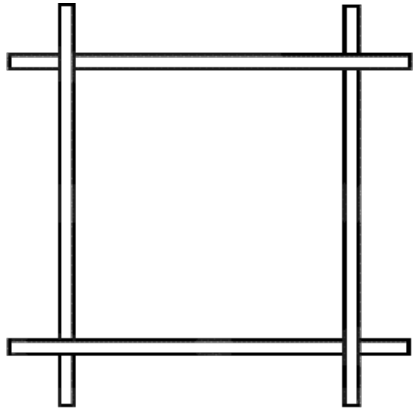


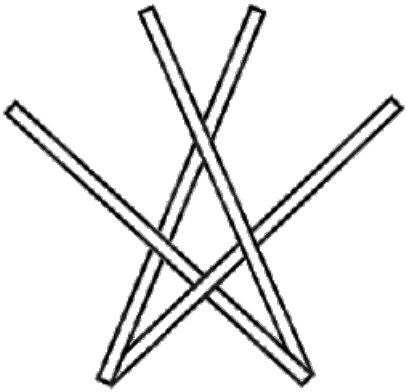


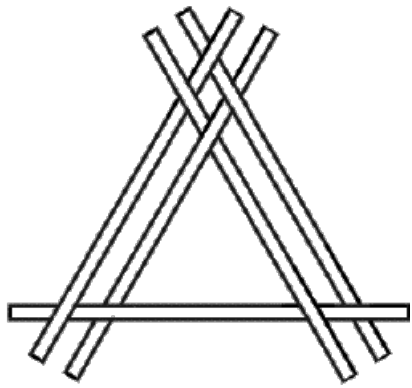


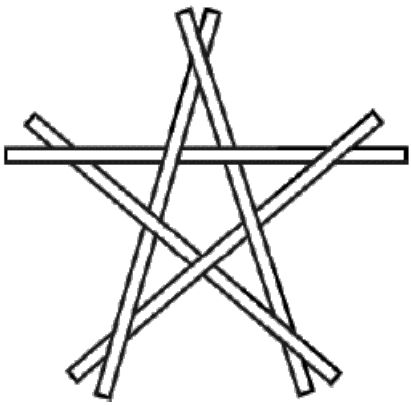


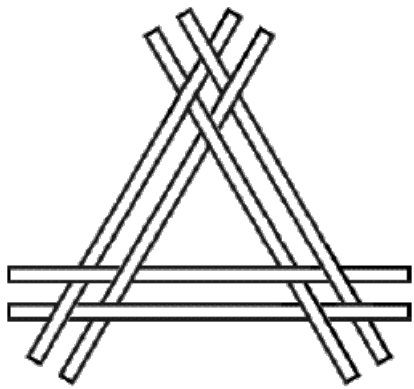
СКЛАДЫВАНИЕ ИЗ ПАЛОЧЕК











Глава XV
Складывание из палочек

Этот цикл игр и занятий … никоим образом не создан мною произвольно, но вызван и со всею последовательностью как бы дан собственно начинающейся здесь и проявляющейся в общих чертах ступенью жизни…

Как всякое средство для игры… так же точно и *палочки, игра в палочки* и собственно *складывание из палочек* никоим образом не вводятся в игру произвольно или совершенно случайно, но они появляются в цикле игр и занятий, как и всякая другая игра, с внутренней необходимостью в своем, специально предназначенном для них месте…; благодаря этому они выступают на сцену в том именно возрасте и в ту пору развития ребенка, когда он достигнет силы и способности во всех отношениях не только играть с ними в обыкновенном смысле слова, но действительно осмысленно, а следовательно и образовательно, заниматься ими. Итак, игра в палочки вырастает с возрастающим совершенством после начала пятого года и в течение пятого года ребенка и даже при дальнейшем возрастании его.

Отсюда ясно вытекает, что, если желательно добиться от ребенка здоровых и жизненных результатов этой деятельности, следует начинать *складывание из палочек* не раньше, чем он получит соответствующее предварительное образование из предшествующих игр. Способности представления, воспоминания, абстракции и творческого изображения должны быть уже достаточно сформированы у ребенка…

Палочки получаются … как бы из *дощечек*.

А *дощечки* подобным же образом являются уже дальнейшим развитием *брусочков* четвертого дара…

…Мы можем рассматривать палочку и в ее отношениях к окружающим ее предметам, а именно в отношении к каждой плоскости или поверхности, наконец, даже к поверхности земли. Она может …опускаться как бы совершенно прямо к центру земли, т. е. стоять *вертикально*; или она может быть наклонена во всех своих точках сразу и притом одинаково к поверхности земли и лежать, таким образом, совсем параллельно с поверхностью земли, т. е. *горизонтально*, или она может занять как бы среднее между этими положениями, *наклонное* положение… Все эти качества … составляют именно то, что сообщает палочке как предмету или средству игры в глазах ребенка неописуемую

прелесть, притягательную силу. У ребенка как существа созидающего вместе с тем зарождается предчувствие, что в палочке он найдет подходящий материал для своего стремления к творчеству.

Наконец, мы переходим к самой игре с палочками и к *складыванию* из них. Для ребенка наша палочка, как единичное явление, представляется как бы сделавшеюся видимою осью шара, или как бы отделившимся ребром кубика, или, если их много, продуктом расщепления дощечки на палочки, или как бы отвердевшей прямой линией и т. д. Но в дальнейших своих отношениях палочка является для ребенка заместителем всего прямого. И к этой совершенно естественной связи представлений, к этому совершенно *простому* толкованию ребенка вместе с вещественным наблюдением самой палочки присоединяется теперь игра…

Глава XVI
Страсть ребенка рисовать

Вполне здоровый ребенок всегда чувствует побуждение быть деятельным, заниматься. Что же это значит? Он хочет сделать, чтобы то, что он носит в себе, чего он хочет сам, проявлялось, становилось также видимым извне …поэтому, как чередуются в душе ребенка его внутренние представления, его духовные наблюдения и восприятия, душевные картины, так же быстро чередуются постоянно изменяющиеся проявления его жизненной деятельности…

Первым предметом, обнаруживающим стремление ребенка к деятельности, к занятиям и даже уже к действительным картинным изображениям, являются его собственные члены, часто даже все его тело: он складывает свои маленькие пальчики и ручки в различные положения и старается с помощью них, равно как и с помощью всего своего тела, изобразить различные предметы. Это и есть, так сказать, первоначальное развитие и снабжение членов и тела способностью к творческим изображениям посредством других предметов и на других предметах.

Другие предметы опять-таки бывают прежде всего телесными, массивными, такими, которые можно схватить рукою, прочными…

Однако уже со второго или определеннее с третьего года на место этих … предметов для игр… становятся другие: во-первых, это будет хотя еще более массивный, но тем не менее легче поддающийся давлению материал – мягкая глина и сырой песок, даже вода со своею подвижностью, со своей текучестью, при которой ею легко управлять, и воздух со своею двигательною и вертящею силой; затем следуют менее массивные, телесные предметы: плитки, дощечки, гладкая бумага или палочки и нитки. Наконец, такими предметами будут: сухой песок, опилки, пыль, так называемое тусклое или матовое стекло; предметы, которые, стираясь, оставляют след – грифельная доска и грифель, бумага, карандаши, краски.

Охота ребенка к *рисованию* вообще и к *рисованию красками*… составляет существенно развивающее средство при воспитании ребенка. Но не менее важно также *пение*. В самом деле, тон, легко воспроизводимый и легко исчезающий, раздающийся тон, воспроизводимый собственной гортанью и своими органами или производимый звучащими и звенящими предметами – стеклом,

колоколом, металлом, должен служить для творческих изображений внутренних представлений, ощущений, чувств и даже мыслей…

Развитие способности к рисованию в ребенке составляет одну из существеннейших задач развивающе-воспитывающего обучения человека, составляет одно из самых существенных оснований … общего воспитания человечества, *воспитания человеческого рода для всеобщего единения жизни.*

…Истинное, свободное и красивое рисование требует всестороннего развития членов, а также и корпуса, так же точно требует оно и свободного, ловкого применения чувств, и притом также и чувства слуха и чувства осязания не менее, чем чувства зрения. Но также эта … предварительная подготовка корпуса, отдельных членов и чувств, а следовательно и развитие их в целях рисования, требует гармонически развитой души, чувствующего и ощущающего сердца, равно как мысленно-сравнивающего, рассуждающего и познающего ума, сформированного суждения, правильного заключения и, *наконец*, более или менее ясного, постепенно образующегося, по крайней мере, во время изображающей деятельности *понятия о том предмете, которому нужно придать ту или другую форму.*

Но это все опять-таки делает необходимым… в ребенке наблюдение и внимание, понимание целого, способность памяти и воспоминания, дар изобретения, фантазию и прокладывает дорогу к соответствующему применению всех сил человека… обогащает ум, сердце и душу ясными понятиями, истинными мыслями, прекрасными идеями, которые составляют основное условие сотворения тех живых и полных жизни образов, воспроизвести которые ребенок давно домогается и желает.

Такою общею, всестороннею и решительною важностью в образовании человека обладает пренебрегавшееся до сих пор… в раннем детском воспитании рисование.

…Изображение, рисование кривых и прямых линий не только *присоединяется* к простым движениям тела, но и вытекает из них непосредственно, будучи связано с все большей сознательностью и целью…

Однако мы узнали следующее: рисование, как вполне творческая деятельность человека, должно проходить через *сознание*, должно сопровождаться *сознаванием*. Но то и другое, в свою очередь, имеет начало в *языке* и исходит от *слова*; поэтому рисование должно связываться с указывающим (объясняющим) и доказывающим (пробуждающим сознание) словом. Но так как и здесь, как и всегда, деятельность ребенка проходит опять-таки через *чувство* или, если угодно, через чувства приятного,

прекрасного и справедливого и т. д., то деятельность ребенка, состоящая в рисовании, должна *сопровождаться* не только произносимым словом, но также и словом песни, т. е. должна приводить к истинному и прекрасному…

Образование ребенка для творческого (т. е. самодеятельного, изобретающего) рисования… будет… *основным пунктом* истинного, удовлетворительного воспитания. Поэтому и настоящий детский сад, оживленный этим убеждением, приводит к этому с помощью каждого, даже самого маленького дела, которое он делает. В этом состоит его сущность; благодаря этому место обучения в нем является садом вновь возникающего человечества, и воспитание ребенка в нем осуществляется для всестороннего *единения с жизнью,* для превращения ребенка в *творческое существо.*

Глава XVII
Подвижные игры как целое, выводимое из жизни ребенка и наклонности его к игре

Предисловие

Во всякой деятельности, во всяком деянии взрослого человека и уже ребенка, даже самого маленького, выражается *цель*, отношение к чему-либо, к открытию или к изображению чего-либо. Для этого человек и особенно ребенок в большинстве случаев нуждается в *материале*, в том самостоятельном, особенном *средстве* – будь то хоть кусочек дерева или камешек, – из которого он делает что-нибудь или которое он превращает во что-нибудь… Но каждое из этих средств для игры побуждает ребенка опять к самодеятельности, к свободной самодеятельности, к движению, к свободному, независимому движению… Теперь, так как мы уже дошли до известного пункта в изложении игр изобразительных – на материале и посредством этого материала, мы обращаемся к рассмотрению и изложению чисто подвижных игр. Возможно, прежде следовало бы поместить изложение *6-го дара рассматриваемого ряда – кубика, разделенного на 27 брусочков, каждый из которых разделен пополам;* но требуемое со всех сторон рассмотрение и изложение подвижных игр было бы тогда передвинуто слишком далеко. Поэтому мы займемся ими теперь.

…Ребенок должен сначала увидеть свою жизнь во внешнем проявлении, понять ее, чтобы затем быть в состоянии распознать и понять ее внутренним образом. За этим ходом образования ребенка, предписываемым природой и его собственной сущностью, воспитатель и истинный руководитель детей должен следить в высшей степени заботливо…

…Так мы видим, как самый маленький ребенок приходит в веселое и радостное движение, прыгает и скачет и ударяет в ладоши, если он видит двигающийся предмет вне себя. Это, конечно, ни в коем случае не есть только радость по поводу движения предмета перед ним и вне его, но это есть результат пробужденной внутри его деятельности, освободившейся внутри его жизненной энергии. Далее, само наблюдение еще очень маленьких детей обнаруживает для нас, что они при движении предмета перед ними отнюдь не останавливаются на нем, но стараются отыскать своим глазом причину и источник, из которого исходит движение… Внутренний мир ребенка,

внутренняя часть его существа, его сущность, его жизнь, его деятельность вообще должны быть постоянно главным предметом при наблюдении и толковании фактов детской жизни, при уходе, воспитании и образовании ребенка, а в особенности, когда он сам начинает действовать. Единичное и разрозненное толкование отдельных внешних явлений может, конечно, кое-где быть руководящим принципом и указанием, но для настоящего воспитания и ухода за ребенком, для *понимания всего человека и человеческого существа в ребенке и по возможности полной реализации его в течение всей жизни, начиная с самого раннего возраста, такое толкование не может уже годиться.*

Исходная точка и дальнейший ход развития подвижных игр

Итак, ребенок стремится, хотя бы даже бессознательно, объективно представить свою жизнь внешним образом, наблюдать ее на внешних предметах, как в зеркале, сделать ее, таким образом, предметом наблюдения и довести ее до сознания. Поэтому замечается, что, как только делают что-нибудь (что бы то ни было) *перед* ребенком, он тотчас же обнаруживает желание сам и притом своими средствами делать то же самое…

Подобно тому как мячик тихо шевелится, двигается, идет, бежит, так же точно мы видим, что скоро зашевелится, задвигается вместе с ним и играющий ребенок; в нем выражается желание так же ходить или бегать. Так возникает и так рождается в кругу детей и при их содействии игра: ***«Малютка желал бы также путешествовать»***.

Каждое прочное и самостоятельное движение ребенка, движение или всего его тела, или одного из его членов, доставляет ребенку радость уже благодаря чувству силы, которое оно в нем возбуждает. Таким образом, доставляет радость ребенку уже простое хождение. Оно дает ребенку троякое чувство и сообщает ему сознание, что он может двигаться, что он может *передвигаться с одного места на другое* и, наконец, что он может *добиться чего-нибудь*.

…Эти три восприятия в ребенке требуют и совместного ухода за ними; следовательно, они требуют присмотра за тем, … чтобы он ходил уверенно, прочно, по известным правилам… Например ребенок, совершающий свои первые упражнения в хождении, держась за руку или за палец матери или няни, очень часто старается прийти к какому-нибудь предмету… Мы видим, как, достигая желаемого предмета, он прыгает пред ним, ударяет руками и бьет в ладоши, чтобы, так сказать, увериться в

действительности его существования и определить его свойства. При этом, как только ребенок приблизится к предмету, нужно назвать ему этот предмет: это стул, стол, скамья, цветок, сестра и т. д. Так же его части: это будет или сиденье, или его ножка, угол или ребро и т. д., подобным же образом называются его качества: стул бывает твердый, мягкий, сиденье бывает гладкое, угол бывает острый, ребро бывает также острым. Здесь вовсе не подразумевается развитие способности речи, но лишь пробуждение у ребенка понимания предметов, их частей и качеств и развитие способности выражать свои чувства, вызванные этими предметами. Когда накопится богатая сокровищница таких опытов, то затем развивается закономерно и способность речи, и как бы из повышенной, внутренней, духовной самодеятельности согласно с сущностью духа выходит и сам язык.

…Каждое новое явление есть в то же время и новое открытие в маленьком, но тем не менее столь богатом мире ребенка, например то обстоятельство, что можно ходить *вокруг* стула, можно стоять *перед* ним, то *сзади* него, то *сбоку* него и *подле* него, но что около *скамейки* или около *стены* можно ходить только вдоль них.

…Каждый маленький путь для ребенка – образовательное путешествие, и каждый предмет – Америка, новый свет, который он объезжает кругом, чтобы посмотреть, остров это или материк.

После такого кажущегося отступления от нашего предмета … мы возвращаемся к подвижным играм.

А. Игры в путешествия. Это игры, дающие возможность образовывать и упражнять самостоятельную способность двигаться и ходить; это – образовательные путешествия, это – игры, дающие богатый запас наблюдений и опытов.

1. Малютка желал бы также путешествовать.

Дети стоят при этом в кругу; мячик путешествует от одного ребенка к другому и таким образом возбуждает охоту путешествовать и в самом ребенке… Замечая это, останавливают путешествие мячика и, выведя кого-нибудь из детей за руку на середину круга, сообщают:

И Лина бы хотела
Постранствовать по свету.

Руководитель игры начинает петь игральному кругу:

И Лина (Адольф) переходит
От места на другое.

В то время, как желающий путешествовать ребенок подходит к кому-нибудь в кругу, подает ему руку и поворачивается кругом справа налево, а по отношению к кругу детей слева направо, дети поют:

И Лина (Адольф), как видите, переходит
От места на другое.

Путешествующий ребенок, идя вперед, все время подает каждому следующему правую руку и приговаривает при этом: «Добрый день!» Ребенок в кругу, которого он приветствовал, делает то же…

В качестве некоторого расширения игры в конце путешествия каждого ребенка можно прибавлять обращение с вопросом к вновь выходящему на середину круга ребенку: «С кем ты познакомился во время своего путешествия?»

Ребенок должен в ответ на это назвать имена стоящих в кругу детей… К этому может быть прибавлено еще третье упражнение: назвать детей в таком же точно *порядке*, в каком ребенок их приветствовал…

2. Общее путешествие, или путешествие всех.

Дети, стоящие в кругу *поодиночке* друг *около* друга, легко распределяются *по два* в ряд друг за другом магическим словом руководителя игр: «Может быть, вы все желали бы путешествовать?»…

Единогласно выраженному чувству, живому желанию детей руководитель игр придает сейчас же форму песенки. Он произносит ее слова, начиная путешествовать вперед и вокруг по комнате, а между тем дети необыкновенно быстро подхватывают эти слова, как выражающие их собственную жизнь. Руководитель поет вместе с ними:

Гуляли б мы гурьбою
Все с места на другое,
Занятья в мире лучше нет —
Гулять, смотреть на белый свет!

…Слова «Гулять, смотреть на белый свет!» пробуждают у детей желание видеть и самый мир, и при первом настоящем весеннем дне, когда яркое солнце и ясное голубое небо как бы манят через чистое стекло окна, тогда будто сами собой открываются двери, и через них, как гирлянды цветов, тянутся на простор ряды детей, продолжая петь с возрастающей радостью

вышеприведенные слова…

3. Игры в путешествия с большим количеством детей на сравнительно небольшом пространстве. Здесь дети в количестве нескольких сотен, соединившись по четыре, ведут игру в путешествия под соответствующее случаю веселое пение в своем школьном саду.

4. Игры в посещения, или в хождение в гости друг к другу.

5. Извивающийся ручеек — одна из самых первых подвижных игр и игр в путешествия.

Дети входят бок о бок в большой круг и подают друг другу попеременно то правую, то левую руку. Руководитель игры… становится в круг, разрывая его, и ведет конец, за который взялся, внутрь круга, …ведет извивающимся движением все дальше, всегда направляясь снаружи внутрь комнаты… При этом медленно исполняется …песня, частью полным хором, частью отдельными голосами.

Эта игра в ручеек является переходной от чистых игр в путешествия к играм, которые своею формою и видом должны изображать нечто, следовательно, к кругу подвижных игр. Это:

B. Игры изобразительные. Одни из наиболее любимых детьми игр, которые очень рано появилась: – *1. Улиточка.* Руководитель игры берет одного ребенка из круга …и ведет этого ребенка, за которым следуют и остальные, взявшись все за руки друг за другом, по внутренней стороне круга кругом до тех пор, пока этот ребенок своим движением не образует линию улитки или спиральную линию и пока он, обвитый всеми детьми, не остановится в середине. Затем, обернувшись вокруг себя назад… он старается развиться снова, изнутри, что ему легко удается, если дети держатся крепко друг за друга. При этом дети поют «песню улитки»:

Руку в руку все давайте,
Хоровод скорей сплетайте!
Ближе, ближе! Ну, дружнее!
Все теснее, все теснее!
Веселее, веселее!
Так любовь сердца сближает,
Души все объединяет!

2. Игра в мельницу.

3. Игры в круг, звезду, цветок и венчик (связанные с определенными построениями, изображающими эти предметы).

Из этих игр развиваются

***C. Игры с бегани**ем*. Чистые игры в догонки и в перегонки

являются первыми из игр, требующих вполне развитого искусства ходить.

Подвижные игры с пением

…Я смотрел, как дети двигались, и приходил к заключению, что есть определенный закон, по которому они двигаются. С этими движениями можно связывать маленькие рифмы. Эти рифмы звучат в пении; *движение, рифма и звук* – все это связано воедино; *телесная, духовная и моральная деятельность* – все это соединено в прекрасном целом. Также соединяется ребенок, в свою очередь, со своими товарищами по игре, а эти последние – со своим учителем. Да, со всех сторон здесь проглядывает *единство жизни, гармония…*

Первая игра, которую я намерен сообщить здесь, есть *хороводная пляска…* Она может быть прекрасно выполнена как в помещении, так и на открытом воздухе. Хороводные движения совершаются в такт исполняемой песни. Можно осложнить эту игру, уравнивая шаги по времени. А можно посвятить хоровод какому-нибудь событию, например выпавшему снегу…

Прекрасной игрой является *танец с переплетениями…* Также и *танец волн* для детей очень забавная игра…

…Однако, как и при всяком деле, без воодушевления нельзя здесь достигнуть ничего. Дело ни в коем случае не в играх *самих по себе*, равно как и не в каком-нибудь методе при обучении. Но дух должен обнаруживаться в теле, должен создавать себе средства, с помощью которых он мог бы проявляться. Так возникли и эти игры… Кто смотрел бы даже совсем поверхностно за их выполнением, тому понравилось бы животворящее, здоровое движение всех детских сил; от него, наверное, не скрылось бы, как дети самым для них привлекательным образом приучаются к пению, развивают свой слух и голосовые средства.

В заключение еще следующее. Как ни глубоко захватывают жизнь детей те или другие из этих игр, однако наступает время удовлетворения в полном соответствии с целой жизнью ребенка. Как только учитель почувствует это… он должен незаметно оставить эти игры и перейти к другим. Спустя некоторое время дети опять сами потребуют этих игр и возвратятся к ним с новым удовольствием.

Но в этом отношении существенно важно, чтобы у учителя было в руках богатое разнообразие, многосторонний выбор этих игр. Тогда дар учителя, который он вносит в детский мир с этой целью, всегда будет желанным подарком.

Глава XVIII
Сады детей в детских садах

Высокая важность знакомства и искреннего единения ребенка с природой в целях его развития и воспитания… неоднократно и многосторонне подчеркивалась в этом труде. Удовлетворительное и всестороннее воспитание и, стало быть, сущность детского сада настоятельно требуют, чтобы ребенку дана была возможность к этому единению. Слово «детский сад» говорит нам даже как и какими средствами должно достигнуть этого – в *саду детей*… Однако не только из вышеприведенных оснований, но и из оснований общественной и гражданской совместной жизни вытекает необходимость требования связывать с детскими садами и сад для детей. Не только мы должны признать и рассматривать ребенка как отдельное лицо, как нечто самостоятельное, а равно и как члена общей жизни большого масштаба, но он должен и сам себя признавать и заявлять о себе как о таковом. Это взаимодействие … проявляется, так сказать, в общественном домашнем саду, в котором, однако, каждый ребенок имеет свое местечко для собственного садика. Но здесь … в детском саду … садики и грядки детей должны быть окружены общим садом, подобно тому, как частное, поддерживаемое общим, покоится в нем, а общее, поддерживая это частное, окружает его.

Этот сад детей кроме общей цели, отношения частного к общему, члена к целому должен изображать в то же время как бы отношения ребенка к семейству, гражданина к общине, должен быть по существу развивающим, воспитывающим и поучительным не только в понимании отношений, но и в понимании вещей, а здесь именно в понимании плодов и растений. Вот основные требования, которым должен отвечать детский сад.

I. Сад для детей наиболее целесообразно разбить в форме прямоугольника; не исключаются, однако, и другие простые формы: круги и овалы…

II. Это общее пространство должно распадаться на две части: на часть для общего и на часть для частного, т. е. для детей…

III. Часть для общего будет обнимающею и как бы охраняющею, а часть для детей – обнимаемою, охраняемою.

IV. …Земля общего сада могла бы быть разделена на землю сада и полевую землю.

V. Земля сада разделяется, в свою очередь, на цветник и на огород.

VI. Поле разделяется на землю для масленичных растений,

для злаков, для стручковых, для клубневых, для репных и для трав вообще и, наконец, для кормовых трав.

VII. …Можно даже каждому ребенку уделить особый отрезок садовой земли, …можно для ухода за садиком разбить детей на пары.

Если земли достаточно, …можно дать каждому ребенку 1кв. м поля; где меньше земли, там двое детей могут поместиться вместе на продолговатом прямоугольнике в 1,5 м…

VIII. Между грядками и общественным и личными участками должны быть проложены дорожки, причем второстепенные могут быть шириной в 25 см. Но хорошо, если можно сделать главные дорожки шириною, по крайней мере, в 1 м, чтобы на них могли разойтись два ребенка.

На отведенных в собственность детям грядках они могут сажать кто и что хочет, а также обходиться с растениями как им угодно, чтобы они на опыте узнали, что и растения требуют внимательного и правильного ухода. Это показывается им на растениях общего сада, за которыми дети должны ухаживать аккуратно, чтобы можно было спокойно наблюдать весь цикл развития растений от семени до нового семени.

При посеве семян на общем поле детям показывают для сравнения различные семена растений… Летом и осенью, по достижении зрелости, семена вновь собираются и сохраняются для употребления зимою и для нового посева весною, по возможности в бумажных ящичках, которые заблаговременно приготовляются самими детьми.

Каждый владелец отдельного садика или грядки должен заботиться об их содержании в чистоте и в постоянно хорошем состоянии…

…Чтобы дети запомнили названия посаженных ими растений, хорошо, если бы эти названия были написаны на дощечках и размещены при каждом ряде растений…

Хорошо также грядку каждого ребенка обозначить его именем по только что указанному способу… Надписи на дощечках полезны еще и тем, что ребенок, слабый еще в различении букв и в чтении, постоянно упражняется и в том и в другом…

Если угодно познакомить ребенка … с кустарником, то это можно сделать с помощью живой изгороди, которая окружает все пространство сада.

Где существует детский сад уже много лет, там можно на третий и четвертый год сеять вместо культурных растений семена диких растений: обычных и целебных трав, луговых цветов и т. д., чтобы тем больше повысить знание природы и растений у ребенка.

Чтобы соединить приобретение познаний с нравственным воспитанием ребенка, можно все сельскохозяйственные работы сделать общим и праздничным занятием. Уже осмысленный уход за маленьким садом на окне или в горшке составляет для ребенка чистый источник нравственного облагораживания…

План элементарной школы при сиротском доме в Бургдорфе [1]

I отделение для детей от 4 до 6 лет.
II отделение для детей от 6 до 8 лет.
III отделение для детей от 8 до 10 лет.
(IV отделение представляет собой объединение всего ранее бывшего, единение в сознании и в соответствующей этому сознательной жизни, оно восходит до 12 лет.)
Декабрь 1836 г. и начало января 1837 г.

* * *

Человек должен быть развит, образован и воспитан в соответствии с достоинством своего существа, своего отношения к Богу, природе и людям, своей творческой силы. Это является естественным и непосредственным призванием родителей; это должно стать ясно осознанным и решительно принятым призванием воспитателей и учителей.

Ребенок согласно требованиям своего существа *желает* быть развитым, образованным и воспитанным таким образом. Об этом он дает знать всеми присущими ему способами выражения; это он совершенно ясно выражает радостью, которую он проявляет при приближении времени, когда его следует вести в школу. Он чувствует в своей душе важность этого времени его жизни; это вместе с ребенком в такой степени чувствуют многие родители, что день, когда ребенок впервые идет в школу, становится днем радости, как бы днем праздника для семьи.

Это очень важный момент для ребенка, когда, дозрев до школы, он должен в нее поступить и хочет этого. Этот момент вполне сходен с тем, когда ребенок вступает в мир. Подобно тому как здесь ребенок становится членом семьи и в духовной жизни ее ищет себе пищу и заботу для своей особенной жизни, так и там ребенок становится членом общины и ищет себе в ее общей духовной жизни пищу и уход. Как здесь, так и там встреча, полная любви и заботы в отношении его потребностей, составляет существенное условие к его преуспеванию. Как здесь, так и там небрежность и непонимание приносят вред, от которого ребенок будет страдать всю свою жизнь. Бесконечно многое зависит от правильного понимания этого момента. В чем же состоит это правильное понимание? Каковы виды помощи, которые должны

быть оказаны ребенку для того, чтобы он дошел до правильного употребления своих сил, до развития и совершенствования своей жизни, до удовлетворительного достижения своего назначения в качестве человека уже на этой ступени жизни и, опираясь на это, мог дойти и до последующей ступени жизни? Умеющий видеть воспитатель и учитель, которому родители доверчиво приводят своих детей, находят этих детей уже на определенной ступени развития, которой они достигли в отцовском доме; он находит в них уже определенное направление деятельности. Показать эту ступень развития и проистекающее из нее направление сил детей, непосредственно примкнуть к ней и соразмерно с ней развивать их дальше – это и является правильным пониманием этого момента…

Что же находит воспитатель и учитель в детях, которые, будучи полными радости ожидания, приходят из отцовского дома в школу, в это место, формирующее жизнь?

Дитя есть часть природы и мира вообще. Как только открылись его духовные очи и органы этих очей – внешние чувства, – оно пробует охватить свое окружение, цельность своей жизни. Из однородно плывущего перед его взглядом единства выделялись все больше и все определеннее единичные предметы как самостоятельные части целого; таковы – мать, отец, стол, дерево и т. д. Непосредственно и одновременно перед ним выступало то, что присуще предметам в покое и движениях, их качества в покое и движении; так, например: печка теплая, платье голубое, отец идет, шар катится и т. д. В связи с этим постепенно выступали также и отношения предметов. То, что ум человека видит, человек ищет возможность сейчас же создать творчески в себе и вне себя. Самое непосредственное изобразительное средство – это язык. Таким образом, мы находим у маленьких детей уже определенное стремление обозначить речью то, что они видят. Выработанный язык взрослых приходит им при этом на помощь.

Эта деятельность и это направление их сил уже подняли детей на известную ступень развития, будучи на которой они приходят к учителю в школу… Из нее вытекает *первый вид деятельности* учителя с детьми: наглядно-речевые упражнения, т. е. упражнения, в которых предметы, качества, отношения и т. д. наблюдаются непосредственно и сейчас же обозначаются словом, притом так, чтобы ребенок сам искал не только словесное обозначение, но и обозначение, которое он ищет многообразными путями. При этом ребенок чувствует себя в школе как дома; только то, что он делал раньше один, случайно и совершенно бессознательно, теперь он делает в большом, с ним вместе

действующем обществе, в известном порядке и при наличии самосознания. Таким образом, школа становится для него тем, чем она должна быть для него: вторым отцовским домом. Таким способом его мыслительные способности, так же как и то, чего он достиг через них, – его знания, формируются дальше сообразно природе и требованиям его жизни… Подобно тому как ребенок ищет в себе самом более высокие совокупности и единства всех предметов и единичностей, так учитель должен крепко сохранять их в сознании, чтобы и его преподавание, исходя из единичного и внешнего, крепко сохраняя его, стало через объединяющий дух единым жизненным целым.

С мыслями человека происходит то же, что и на первых порах жизни человека, когда он вначале лежит, потом подымается до сидения, затем продвигается ползая, после этого подымается до стояния около предметов, около них проходит, стоит и идет совершенно один, наконец, хотя и на одно только мгновение, обеими ногами подымается от земли и действительно парит. Долгое время предметы полностью притягивают человека, и он тем больше чувствует их воздействие, чем больше их воспринимает; но потом от них его мысль все больше поднимается вверх. Это происходит от непосредственной связи с предметами, от непосредственного влияния их на его внешние чувства. Лишь мало-помалу дитя становится свободнее и поднимается наконец до умственной деятельности.

Начальное преподавание захватывает человека в этом его внутреннем единении с предметами, с его окружением, возбуждает и делает разносторонне деятельным его мышление по поводу этих предметов, так что для ребенка все окружающее делается возбудителем его мысли и дает ему настоящее основание для того, чтобы подняться до свободного самостоятельного мышления.

Второй вид деятельности, который непосредственно примыкает к первому, следующий.

Не все предметы, которые дитя видит и обозначает с помощью слова, оно находит различными; оно видит также одинаковые предметы, которые оно соединяет в множественности: это один стол, это тоже один стол; стол, стол, – значит, столы; стул, стул, – значит, стулья.

Большое количество соединяющихся в ряды одинаковых предметов дают массы, множественность, но дитя находит их различными. Выражением этих различных соединений в один ряд является число. Это есть вторая сторона ступени развития, на которой учитель находит детей, и второй пункт объединения его деятельности с их деятельностью.

Третий вид деятельности, которую учитель находит в детях и за которую он должен ухватиться при развитии и образовании их, есть образование песен и пение песен и тем самым питание и уход за внутренней жизнью, душевной жизнью, из которой происходит вышеозначенный третий вид деятельности.

Четвертый вид деятельности – созидание, которое мы находим у малышей, – так же важен, как и предыдущие, и учитель должен развивать его и вырабатывать с не меньшим вниманием.

В созидании, при созидании и в продолжение созидания чувство, ум и способность к деятельности, восприятие, мышление и сама деятельность детей привлечены равномерно и созвучно. Поэтому оно так важно для воспитателей, для тех, кто ухаживает за начинающимся развитием детей в первые годы жизни. Исходя из этого, можно в соответствии с требованиями каждого ребенка, ухаживая за ним, больше выдвигать то одно, то другое направление его деятельности.

Созидание образует на этой ступени жизни ребенка, в соответствии с его внутренним предчувствием и надеждой, основной внешний центр всей его жизни, его развития, так же как и природа, в ее многообразии и единстве, была для человечества на ступени его детства главнейшим средоточием его жизни.

Первый и второй виды деятельности, которые воспитатель находит у детей и в которых он должен продвигать их дальше, главным образом относились к внешнему миру; третий и четвертый виды по преимуществу относятся к восприятию внутреннего мира.

Пятый вид деятельности ребенка учитель должен пронаблюдать и поддержать через первоначальное, закономерное овладение им своим телом, т. е. через гимнастику. На то, что гимнастика, так же как и созидание и пение, имеет наибольшее отношение к человеческому и человечному, может быть здесь только указано. Ведь тело человека с его членами и является тем, чем человек непосредственно дает знать о своей жизни, о своем внутреннем мире, выявляет свое существо вовне и созидает.

Шестой вид деятельности учителя с детьми на данной ступени развития является для ребенка одновременно и зеркалом для познания себя и мира, для испытания себя и мира; таким же зеркалом является и обратная деятельность по созиданию и выражению самого себя. Поэтому так охотно ребенок дает себе что-нибудь рассказывать, как охотно рассказывает сам, когда дети садятся вместе для того, чтобы поделиться друг с другом своими впечатлениями о происшедшем в деятельном созидании дне! Таким образом, жизнь ребенка во всех его проявлениях есть беспрерывное целое, и такою и должен ее понимать и лелеять

воспитатель и учитель. Подобно тому как мы сначала нашли двоякую деятельность ребенка в его восприятии внешнего мира, а затем в восприятии внутреннего мира, так теперь мы нашли двуединую деятельность, в которой ребенок должен быть развит и образован по отношению к объединенной жизни обоих миров.

Все эти направления жизни и деятельности детей были до сих пор рассматриваемы как выступающие единично. Однако мы находим их все в детском мире в прекрасном и полном жизни объединении. Это происходит в игре детей. Как точно отражается в игре наблюдение внешнего мира! Ведь от этого зависит ее удача или неудача. Какое проникновение в суть вещей и воздействие на них! Ведь только таким путем может быть достигнута цель, выношенная в сердце! Какая радость, когда она достигнута! Но там, где это не удается, дело не обходится без неудовольствия. Как здесь выявляются законы жизни и как все зависит от их восприятия и понимания детьми! И как часто игра требует представления вовне внутренней жизни через речь, пение, движения, танцы и т. д.

Но что же представляет собой игра малышей? Это сама жизнь, но только в ее маленьких истоках. Отсюда большая серьезность игры, которая проглядывает всегда, а иногда даже очень сильно, несмотря на всю детскую радость и веселье.

Так как очень важно, чтобы ребенок в будущем стал дельным членом всеобщей большой жизни, то исключительно важно, чтобы он стал и был дельным членом игровой жизни. Поэтому уход за игрой детей и руководство ею требуют величайшего внимания, и это значит: есть *седьмой вид деятельности,* который заботливый воспитатель и учитель должен уважать и за которым он должен ухаживать в интересах детей…

* * *

Но нужно еще выявить связующие звенья, объединяющие пункты совместной жизни детей уже и на этой ступени развития; нужно показать их в настоящем свете, чтобы вызнать настоящее к ним уважение и рассмотреть их во всестороннем жизненном отношении.

Таких объединяющих, равно как и таких исходных, пунктов существует два – как для жизни человека вообще, так и для раннего его детства в семье; они выступают в жизни любого человека. Их можно было бы также назвать повторяющимися поворотными пунктами жизни, между которыми колеблется одинаково жизнь взрослого человека и ребенка, между которыми

она одинаково покоится в мире и радости, почему существенно необходимо, чтобы их учитывали как во всей школе в целом, так и в отдельных проявлениях школьной жизни. Такими пунктами являются прогулки в природу и сосредоточение в себе.

Рассказы и общие игры дают о жизни сравнительные данные, а также создают более высокие жизненные отношения и связи. Но они все же единичны и даже для ребенка той ступени развития, на которой его принимает наша начальная школа, они не имеют достаточной силы, они не дают ребенку той поддержки, в которой он нуждается. Естественный и неиспорченный ребенок ищет и здесь, в школе, и ожидает от нее то, что ему дала и дает замкнутая в себе, чисто домашняя жизнь: это – однажды уже упомянутые прогулки на воле, в мир все охватывающей и объединяющей природы, это – стремление к возможному единению с ней, во-первых; во-вторых, это – сосредоточенный возврат к себе, охватывающий весь жизненный круг впечатлений. В определенной степени это выражается уже в проявлениях самого раннего детства и тогда уже требует, ввиду важности этого для всей жизни ребенка и человека, самого заботливого внимания к себе и ухода. В раннем детстве это выражается в тихом единении ребенка с матерью и отцом в начале каждого дня при утреннем приветствии, а также в тихом возврате ребенка к матери и отцу и прощании с ними каждый вечер. Если упущен уход за первыми проявлениями сосредоточения ребенка, то его благословенное значение для жизни в последующее время лишь с трудом может быть восстановлено путем словесных требований извне.

Поэтому начальная школа и придерживается того, чтобы соединить по возможности с общим утренним приветствием и началом дня, а также с вечерним прощанием и окончанием дня моменты самоуглубления, охватывающего весь жизненный круг, пройденный ребенком; и она делает это путем охватывающих и объединяющих жизнь, сообща высказанных или пропетых слов… Если время года и погода позволяют, утреннее приветствие и заключение дня могут состояться среди вольной природы, которая сама предстает детям или при начале или при окончании их ежедневной деятельности; тогда впечатление от этого сосредоточения… надолго останется в душах детей, и влияние его будет велико…

Подобный уход за детской душой в школе дает ребенку любовь, привязанность и верность, мир, радость и стремление к деятельности, приводящие к правильному восприятию законов жизни, к предчувствию предназначения человека жить соответственно этим законам и в созвучии с ними… В этом –

основание и почва, семя и зародыш ухода за ребенком и за его неосознанной еще им единой с Богом жизнью. Из этого впоследствии всходит, растет, цветет и несет плоды, под заботливым уходом преданного воспитателя, сознательная, религиозная, подлинно благочестивая жизнь воспитанника и ученика.

На этом предмете особенно было необходимо остановиться для того, чтобы показать требования, предъявляемые к жизни и школе в их настоящем целостном взаимоотношении, показать совокупность школьной жизни ребенка, его жизни в семье и его собственной внутренней жизни; это было необходимо потому, что воспитатель, в соответствии с назначением ребенка, ухаживает за его внутренней жизнью не только как за замкнутой в себе, но и как за частью единой всеобщей жизни и дает ей проявляться для того, чтобы позднее человек на сознательной ступени жизни полнее обрел себя и понял себя как часть целого и как целое.

Есть еще и другая сторона прогулок, которая делает их необходимыми с самого начала школьной жизни. Слишком доступным становится человеку все то, чем он владеет, все то, в окружении чего он живет, весь привычный окружающий его мир. И потому все это не дает его силам благодетельного возбуждения к деятельности. Поэтому необходимо, чтобы ребенок время от времени как бы вдыхал в себя нечто новое, чтобы освежить, обновить свою жизнь. С помощью чего же это может совершиться? Наша собственная жизнь дает на это ответ: через прогулки в природу, в ближние и дальние окрестности. Совсем новые предметы, новые группы предметов, новые явления возбуждают всю деятельность ребенка и взрослого человека. Ребенок пьет свежее дыхание природы, он находится в более широком жизненном целом, свежий воздух овевает его и его товарищей. Через совместную жизнь с другими удовольствие ребенка делается возвышеннее; чистая радость становится многообразнее. Легко переносятся усилия и трудности прогулки; крепнет тело, крепнет и обновляется дух. По возращении домой ребенок новым взглядом воспринимает окружающее: весь тот уход, который ему оказывает родной дом, он воспринимает теперь по-новому и полнее. Каким все для него становится милым и стоящим внимания! Вот почему и с этой точки зрения маленькие прогулки весьма важны для детей, и воспитатели и учителя должны включать их в содержание своей жизни с детьми, и школы должны включать их в свой план.

Вышесказанным исчерпывается и завершается все то, что должен делать воспитатель и учитель с детьми первого отделения начальной, или элементарной (так называемой

приготовительной), школы.

notes

Примечания

1

Школа при Бургдорфском сиротском доме не была, согласно плану Фребеля, ограничена приемом одних лишь сирот – она была открыта для всех детей города. Фребель хотел даже открыть пансион для иногородних и действительно получил для этого согласие соответствующих ведомств. – Л.В.